

**НАС ПОЗВАЛИ
ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ**

Морская летопись

**НАС ПОЗВАЛИ
ВЫСОКИЕ
ШИРОТЫ**

В.С. Корякин

В.С. Корякин

НАС ПОЗВАЛИ ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)63
К70

Корякин, В.С.

К70 Нас позвали высокие широты / В.С. Корякин. —
М.: Вече, 2015. — 352 с. : ил. — (Морская летопись).

ISBN 978-5-4444-2732-3

Знак информационной продукции 12+

Эта книга рассказывает о людях с беспокойной душой, смелых романтиках, более полувека назад выбравших опасную и тяжелую работу в Арктике на далеких архипелагах в морях Северного Ледовитого океана: на Новой Земле, Северной Земле и Шпицбергене. Сегодня эти названия мало что говорят жителям мегаполисов, но энтузиасты и первопроходцы науки, как и в пятидесятые годы прошлого века, стремятся на эти суровые земли. Их манят красота и удивительные тайны Севера, постижение которых продолжается уже не одно столетие.

О высокой цене открытий, дружбе и самопожертвовании, повседневных радостях и потерях исследователей Арктики рассказывает очередная книга почётного полярника, доктора географических наук Владислава Корякина.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)63**

ISBN 978-5-4444-2732-3

© Корякин В.С., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

*Моим товарищам по экспедициям, живым и мертвым:
«Я с вами прошел через радость и боль»...*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Автору на протяжении нескольких десятилетий довелось участвовать в изучении ледников различных арктических архипелагов, для чего было много причин как общего, так и личного порядка.

Начну с общих. Во-первых, ледники как природные объекты являются неотъемлемой частью арктической природной среды, без которых картина происходящего на нашей планете была бы неполной, тем более в условиях происходящего глобального потепления. Во-вторых, изменился сам объект исследований — не просто местность, а происходящий на ней природный процесс. В-третьих, в короткие сроки нам пришлось переходить от способов и методов эпохи ликвидации белых пятен на карте планеты к использованию дистанционных методов — начиная с простейших аэровизуальных наблюдений и кончая космическими съемками, весьма пригодившимися на ледниках. В-четвертых, при работе на полярных архипелагах море присутствует как в восприятии событий, так и в самом природном процессе, что отражено в настоящей книге.

Когда-то немывтый и небритый то ли кроманьонец, то ли неандерталец ощутил необходимость познания даже не за пределами своей пещеры, а гораздо дальше — за пределами горизонта. Есть основания полагать, что это первобытное

любопытство, со временем превратившееся в систему познания мира, и сделало его Человеком мыслящим и даже в меру совестливым. Неслучайно историки вновь и вновь возвращаются к незабываемой эпохе Великих географических открытий, не имеющей аналогов в других сферах человеческой деятельности, романтической и трагической, когда достижения человеческой мысли одновременно сопровождалась гибелью былых цивилизаций и истреблением целых народов.

Уже будучи пенсионером, я обнаружил, что нашего современника тянет от комфорта мегаполисов в совсем иные местности и страны, природа которых еще сохранила свои первозданные черты. Это особенно характерно для представителей интеллектуальных профессий, нередко меняющих привычный комфорт лабораторий на приключения в горах или на ревущих быстринах рек, не говоря о любителях парусного спорта, в одиночку бороздящих акватории Мирового океана. Похоже, что, приспособившись к городской цивилизации, одновременно человек все чаще ощущает разрыв со своим прошлым, что выражается обычно в моральном и физическом дискомфорте.

Еще недавно иные мои коллеги из многочисленных исследовательских экспедиций, упражняясь в остроумии, шутили, что в отличие от туристов и альпинистов мы получаем удовольствие от общения с первозданной природой за счет государства. Теперь, встречаясь со свидетелями и участниками былых событий на прежних белых пятнах нашей планеты, мы с горечью отмечаем, что понятие «экспедиция» уже ничего не говорит обитателю городов-миллиоников, предпочитающих комфорт и службу многозвездных отелей бывшему поиску на грани жизненного риска. Для большин-

ства людей из XXI века само понятие «экспедиция» стало чем-то отжившим и канувшим в прошлое.

В свое оправдание я хочу реабилитировать нашу работу в глазах современников, не знакомых с экспедиционной работой. Думаю, что все мы, из разных стран и организаций, стремились в меру сил сделать этот мир чуточку лучше и добрее. Насколько это нам удалось — пусть судит читатель. Встречаясь с поседевшими и постаревшими остатками бывлой полярной гвардии, прошедшими испытание белым пеклом, мысленно я говорю: — счастливо, друзья, вы сделали свое дело хорошо. Жаль только, что вас осталось так мало...

Часть первая ПОД ЗНАМЕНАМИ МГГ

Глава 1 1956. АРКТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Благословл ем с давних пор
Мечты дерзающей живучесть,
И нашу маленькую участь
Бросаем в яростный простор.

Кашменский

Мой арктический выбор был вполне сознательным и вызван стремлением избавиться от послевоенной суровой обыденности, чему способствовали и другие, чисто семейные обстоятельства. Перед войной мама сдавала экзамены за географический факультет пединститута по книгам, с массой завлекательных иллюстраций, среди которых мое детское внимание привлекли затертые во льдах корабли, моржи и белые медведи, старинные карты с розами ветров и прочие атрибуты, зовущие юную неопытную душу в дальние страны на поиски неоткрытых островов и разных приключений, порой на собственную голову. Со временем чтение книг об Арктике привело к мысли: а почему бы не отправиться туда

самому? Эта мысль окончательно оформилась к окончанию школы, в чем сыграл свою роль и известный роман В. Каверина «Два капитана».

В высшее Арктическое мореходное училище меня не приняли из-за очков — если бы не это, возможно, я стал бы ледовым разведчиком. Поступать на географический факультет МГУ, где была специальная кафедра североведения, отпетый троечник не решился. Поскольку в ту пору в школе нам давали неплохие знания, я без проблем оказался в Московском институте геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИИГАиКе) на аэрофотогеодезическом факультете, где все свои курсовые и диплом я защищал по арктической тематике. Этому способствовала моя дружба с кафедрой физической географии, которую в ту пору возглавлял известный географ доктор наук Г.Д. Рихтер, а среди преподавателей было много представителей бывлой российской интеллигенции с богатым экспедиционным опытом. Несомненно, доценты В.В. Пиотровский, А.В. Живаго и Л.С. Троицкий запомнились многим поколениям выпускников этого института. Хочу отдать должное и декану своего факультета А.И. Сухову, который не дал заблудиться в поисках пути непутевому студенту.

В самом начале учебы нам было предложено дешифровать аэроснимки на различные ландшафты. Я выбрал снимок на один из ледниковых районов Новой Земли (окрестности Русской Гавани с ледником Шокальского) — какую роль сыграло это место в моей научной судьбе — об этом читателю станет понятно дальше. Вот и вся моя арктическая предыстория, которая в значительной мере пришлась на суровую военную и послевоенную пору в истории страны. Соответственно, мы хлебнули лишений военной поры на

фоне общей грандиозной и славной цели, о которой позднее поэт сказал: «Мы за ценой не постоим». Когда война закончилась, на класс приходилось по два-три отца, уцелевших на фронте. Жесточайший жизненный отбор продолжался и дальше, уже на основе того, что успели нам внушить матери. Многие мои сверстники недоучились, слишком рано пошли работать, иные связались с уголовщиной, а то и спились, так и не реализовав своих возможностей. Остальные научились противостоять выпавшим невзгодам, совсем как полевой исследователь в сложных экспедиционных условиях, в чем я убедился позднее. Студентом я побывал на Сахалине и Тянь-Шане, довольно далеко от высоких широт, тем не менее расширив свой кругозор.

После окончания МИИГАиК по специальности аэрофотогеодезия я оказался в академическом Институте географии, в связи с чем я должен сказать несколько слов об этой непростой науке. В нашей стране середина XX века для нее время особое, поскольку были стерты последние «белые пятна» на ее карте в длительных протяженных маршрутах: позднее их заменила аэрофотосъемка. В географии главным направлением стало изучение природного процесса на основе взаимодействия трех сред, известных читателю со школы, — литосферы, гидросферы и атмосферы. Одним словом, нам предстояло работать, как в песне, «на земле, в небесах и на море». Среди географов нашлись и такие, которые придумали еще и гляциосферу, которая одновременно присутствует во всех остальных: в литосфере (в виде ледников), в гидросфере (прежде всего Мировом океане в качестве морских льдов и айсбергов) и, наконец, в атмосфере в виде снега.

Институт географии по этой программе отвечал за изучение ледников Земли Франца-Иосифа, Новой Земли

и Полярного Урала. Заместитель директора института Григорий Александрович Авсюк, возглавивший гляциологические исследования, в молодости зимовал на Таймыре вместе со своим помощником В.М. Кузнецовым, который прошел через Первую Антарктическую экспедицию. Сам Григорий Александрович также оказался среди первых, ступивших на ледяной континент. Его несомненный научный и организационный талант (причем в очень интеллигентном исполнении) дополнялся еще мудрым юмором. Для начинающих научных сотрудников это значило немало. Нам просто повезло, тем более, что в Институте географии полярников работало немного. Самым опытным среди них был изящный и остроумный доктор наук Борис Львович Дзердзеевский, который еще в 20-е годы прошлого века обеспечивал метеосводками и прогнозами суда Карских экспедиций в ледовых водах на пути к устьям Оби и Енисея. Вершиной его деятельности стало участие в воздушной экспедиции О.Ю. Шмидта на Северный полюс. Еще один в прошлом метеоролог-полярник также трудился в отделе климатологии — Александр Петрович Гальцов. В марте 1933 года он участвовал в первом зимнем плавании ледокола «Красин» к Новой Земле. Было еще несколько начинающих неоперившихся гляциологов, задействованных или в Антарктиде, или связанных с другими экспедициями. С лета 1956 года коридоры Института географии начали заполняться шумной и в меру раскованной молодежью преимущественно мужского пола из выпускников МГУ.

Столетие назад, по Салтыкову-Щедрину, науки делились на удобные начальству и не самые удобные. С тех пор положение не слишком изменилось. Определенно бал в науке в середине 50-х годов XX века правили физики и химики,

а географы и геологи (судя по списочному составу Академии наук и государственным ассигнованиям, а также Ленинско-Сталинским премиям) оказались ближе к гуманитариям. Кроме деления наук на гуманитарные и естественные, иные корифеи неофициально выделяли еще и противоестественные, относя к ним марксистско-ленинскую философию и основные положения лысенкизма. Ситуация оказалась настолько непростой, что гляциологию каким-то образом отнесли к геофизике, включив ее в программу Международного Геофизического года на последнем, тринадцатом месте.

Наш руководитель по собственному опыту уделял особое внимание знакомству будущих зимовщиков с районом предстоящих исследований. В сентябре он отправил два рекогносцировочных отряда на Землю Франца-Иосифа и Новую Землю. В составе последнего оказался и я. Помимо начальника будущей Новоземельской гляциологической экспедиции в него вошли еще два недавних студента — географы Олег Яблонский и Альберт Бажев, примерно с таким же полевым опытом, как и мой. Эти парни заслуженно гордились своим участием в Амакинской экспедиции, открывшей знаменитые якутские алмазы. В первых числах сентября 1956 года мы вылетели из Москвы с аэродрома Главсевморпути у деревни Захарково, близ Химок, на Диксон, откуда мы собирались самолетом добираться до Новой Земли. Когда этот вариант не оправдался, уже морем мы перебрались в Архангельск, где вскоре узнали нечто, осложнившее наши первоначальные планы и вызвавшее в наших головах массу сомнений.

Преимущественно деревянный город в ту пору еще сохранял былые черты, вплоть до тесовых мостков на

главной городской улице, из конца в конец которой ходил старомодный трамвай. Шикарную Двину тогда еще не перегораживал мост, а железнодорожный вокзал располагался на противоположном берегу в портовом районе Бакарица, куда надо было добираться рейдовым катером. На улицах можно было еще услышать характерный поморский говор, способный озадачить жителя обеих столиц. Тем не менее целый ряд поморских слов уже прочно вошел в общерусский язык — наст, заструги, заряд, как и народная морская терминология для побережья: губа — залив фьордового типа, шар — пролив, соединяющий разные моря, сальма — то же в пределах одного моря и т.д. Даже мысы в поморском диалекте различались: острых очертаний — это нос, а для тупых — наволоок.

От прошлого в городе в ту пору сохранялось также много старых деревянных домов затейливой архитектуры, часто с прихотливой резьбой по дереву в наружном убранстве. Картину города дополняли силуэты судов на Двине, подчинявшихся таинственному явлению под названием «северный завоз». Он начинался, когда арктические моря начинали замерзать и корабли десятками бросались во льды, часто в сопровождении оравы корреспондентов, воспевающих героический труд моряков по претворению планов Ленинского политбюро (совсем недавно Сталинского) в освоении высоких широт. По указанной причине полярников ожидало множество приключений, часто ненужных, но показательных для своего времени.

Однако самым неожиданным, а главное, никем не предусмотренным, в программе МГГ оказался сюжет, с которым мы познакомились в каком-то запущенном дворе столицы Поморья, загроможденном поленищами дров, где под

штормовым осенним ветром на веревке трепыхалось чье-то бельишко, с которым безуспешно пыталась совладеть пожилая поморка. Мы выручили ее, выслушав массу благодарностей, причем дама заинтересовалась, что за добры молодцы пришли к ней на помощь. Услышав, что мы направляемся на Новую Землю, наша собеседница неожиданно стала серьезной, дав совет не связываться с этим замечательным архипелагом, причем по самой невероятной причине:

— Да бонбу там будут взрывать...

— Атомную, что ли, бабка?

— Какую там атомную — самую новую, водородную!!!

От такой новости мы едва не рухнули на ближайшую поленницу, не представляя, насколько можно доверять источнику, известному в народе под аббревиатурой ОБС: Одна Баба Сказала. Сама жизнь в означенные времена приучила нас, что в стране все тайна, и ничего не секрет. Мы оценили полученную информацию с достоверностью 90 %, не меньше. Ясно, что истину надо искать в Москве, причем официальным образом, но когда-то мы сможем это сделать...

Столь неожиданная перспектива не остановила нас. С приближением полуночи на исходе 10 октября наше переполненное пассажирами и всяческим скарбом обычное грузовое судно с героическим названием «Зоя Космодемьянская» (бывшая финская «Биармия», а финны обычно строят свои суда с учетом плаваний во льдах) оторвалось наконец от причалов Бакарицы (в те времена портовый район Архангельска на левом берегу Двины) и в глубокой темноте под морсящим осенним дождичком двинулось вниз по Двине, прямо по отражавшимся в стылой воде городским огням.

Рассвет застал нас уже в Белом море, обозначив по правому борту очертания Зимнего берега. Наконец-то!. Теперь

можно осмотреться на судне. Часть груза разместили на палубе, включая коров в стойлах, которых в качестве живого продовольствия везли на полярные станции. Судно явно перегружено сверх меры, и также перенаселено: практически в каждую каюту экипажа втиснуты еще и пассажиры. Для сна нашему отряду отведены мягкие узкие диванчики в кают-компании. Комфорт и нехитрый сервис нас вполне устраивал, не считая систематического недосыпа, не столько из-за раннего подъема, сколько из-за полуночных любителей шахмат и морского козла (разновидности «сухопутного» домино), помимо поздних киносеансов. Четырехразовое питание по морской полярной норме, к сожалению, не могло компенсировать этот недостаток.

Похоже, портовое интендантство сбавило в рейс все залежавшиеся продукты. Судя по описаниям наших предшественников, подобную практику можно отнести к давним морским традициям начиная с Колумба, а возможно, и раньше. Когда на палубе вскрывают бочку соленой трески, ее аромат заставляет облизываться поморов из экипажа, тогда как выходцы из Средней полосы России в эти минуты предпочитают держаться подальше, зажимая носы. Знаток латыни, врач, направлявшийся на мыс Желания, называл этот продукт гакус навигатикус, поскольку гакус — род трески на языке благородных римлян.

Определенно наш капитан Е.А. Аптекарев — старого закала, и, соответственно, на судне такие же порядки. Например, при посещении кают-компания у него следует попросить разрешения, так же как и покидая ее. Определенно, даже помимо войны, он прошел суровую школу. Зимой 1937—1938 года в разгар полярной ночи еще молодым штурманом он ходил на крохотном зверобойном боте «Мур-

манец» (водоизмещением всего 150 тонн!) в Гренландское море на спасение первой дрейфующей станции «Северный полюс», завершавшей свой путь совсем иначе, чем предполагалось.

Переход к Новой Земле, которая за чередой свинцовых волн спустя двое суток показалась из низкого облачного месива, прошел удивительно спокойно. Судя по горам на побережье, мы оказались где-то у губы Грибовой. Севернее располагался равнинный участок Паньковой Земли, уже изрядно присыпанный свежевывпавшим снежком, превосходные уголья для охоты на дикого оленя, как следует из оживленных комментариев на палубе бывалых новоземельцев, возвращавшихся в знакомые места. Они же подсказали ориентир при входе в Маточкин Шар — небольшой островок Паньков с характерным гурием (каменной пирамидой), веками служивший поморам в качестве навигационной обстановки на побережье. Никто уже не помнит, кем был этот безвестный Панька, оставивший на карте свое имя.

Уже в плотных сгущавших сумерках заворачиваем в Маточкин Шар, в обход мыса под названием Столбовой по характерным скалам-столбам у отвесного берегового обрыва, над которым угнездились постройки полярной станции с сетью антенн. Из-за сложных коленчатых очертаний пролива, когда нередко передний план проектировался на задний, Маточкин Шар зрительно не воспринимается проливом. Проходим несколько домиков бывшего становища Маточкин Шар в устье реки Маточки за одноименным мысом, где виден стоящий особняком дом художника А.А. Борисова (его картины совсем недавно я видел в музее в Архангельске), в котором останавливались многочисленные экспедиции, включая Русанова. (Увы, он не сохранился до

нашего времени — его разобрал позднее какой-то не в меру хозяйственный мичман.)

Потом наше внимание привлек сравнительно большой поселок на противоположном берегу у подножия гор — становище Лагерное, являвшееся «столицей» Новой Земли с 1935 года, выглядевшее почему-то опустевшим. Наши соплаватели подтвердили это странное впечатление, избегая объяснений. Ответ о судьбе новоземельских ненцев нас уже не удивил:

— А они или на материке, а кто-то на Вайгаче.

— Все ясно, — констатировал Олег. — А бабка-то была права.

Мы поняли, какую бабку он имел в виду. Однако ничего нельзя было изменить, по крайней мере в нашем настоящем.

Вот-вот судно упрется в засыпанные снегом горы, но полоска свинцовой воды в скоплении вершин вдруг расширяется, и мы плывем дальше в страну затаившегося безмолвия. Малым ходом мы дошли почти до мыса Моржовый, где нас ожидал крутой поворот пролива. Поскольку огонь на одном из створных знаков здесь погас, капитан решил не рисковать, тем более что локатора на судне не было. С плеском обрушились в воду тяжеленные якоря, с грохотом и искрами увлекая за собой в клюзы якорные цепи. Ночное безмолвие заставило вспомнить известного поэта: «...В час, когда кругом молчанье, и слова внушают страх...» В какой-то странный летаргический сон погрузился и Маточкин Шар, и наше одинокое судно, а вместе с нами — и вся Новая Земля, и даже наши мысли.

С рассветом обошли мыс Моржовый, и перед нами открылась панорама совсем узкого пролива, ширина кото-

рого сопоставима с высотой окрестных гор — то и другое в пределах километра. Открывшаяся картина пока мало совпадает с летним описанием Русанова: «Кто проходил Маточкиным Шаром, тот, вероятно, никогда не забудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы, которая там постепенно разворачивается. Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными и разноцветными горными складками, со снегом и ледниками». Пейзаж начала зимы здесь больше напоминает своей тональностью библейские гравюры Дорэ. В остальном, как и во времена Русанова, хватает и дикой красоты, и величия, в ночное время с оттенками мрачного и в меру таинственного. Пока мы остаемся в роли наблюдателей в попытках постигнуть непостижимое.

Привлекают внимание постройки в устье реки Шумилиха на южном берегу: база геологической экспедиции НИИ геологии Арктики, представители которого немало потрудились на берегах пролива еще с послевоенных времен. На северном мы только что миновали горы Вильчека с пиком Седова и ледником Третьякова в одном из разлогов, помню об этом в одном из описаний Русанова. Очередной ориентир дальше к востоку — губа Белушья, место многих трагедий: здесь буквально вымирала от цинги экспедиция Федора Розмыслова в середине XVIII века, первая научная (точнее, гидрографическая) на Новой Земле. Относительно недавно, всего-то в 1932 году, поблизости произошла первая авиационная катастрофа на архипелаге, причем по сугубо новоземельской причине. Страшные местные ветры типа боры (известной на Большой земле по Новороссийску) буквально сбросили в воды пролива летающую лодку «Дорнье-Валь», причем погибла половина экипажа. Проходим бро-

шенную обсерваторию Маточкин Шар, построенную лишь в 1923 году, от которой остались длинный наполовину разрушенный дом и остатки антенного хозяйства. Вскоре вдали показалась действующая полярная станция Мыс Выходной с характерным ветряком, где нашему судну предстояло разгружаться и провести смену зимовщиков. Поскольку все то же самое ожидало нас в Русской Гавани, понятен наш интерес к этой процедуре.

Наше пребывание у полярной станции (полярке, на принятом у наших спутников сленге) Мыс Выходной заняло примерно трое суток и оказалось показательным на будущее, продемонстрировав нам зависимость выгрузки от волнения в море и наката на берегу. Он может возникнуть и в безветрии, в условиях зыби в открытом море. Сейчас, правда, это маловероятно из-за начавшегося ледообразования. В нашем положении что накат, что лед — одинаково плохо...

О начале выгрузки возвестило повизгиванье судовых лебедок, обслуживающих грузовые стрелы, которыми «вирают» дори и кунгасы, загромаждающие палубу, вываливая их за борт, и затем осторожно «майнают» их в стылую черную воду. Затем в грузовых сетках (наподобие гигантских сумок-авосек) на эти плавсредства выгружают разнообразное содержимое трюмов. Наконец, в последнюю очередь по свисающим с фальшборта штормтрапам в кунгасах и дори занимают свои место и люди. Вместо обезьяньего лазанья по штормтрапу некоторые полярницы предпочитают покинуть судно в грузовых сетках, устроившись на первом подвернувшимся ящике и с выражением ужаса взирая на окружающую нецивилизованную действительность.

День 15 октября ушел на разведку побережья, поиск подходящих мест для выгрузки и т.д. Удалось только сменить

отзимовавших на новичков. В обмен на пополнение с берега доставили молодую семью с грудничком — похоже, Арктика не отменяет отношений мужчин и женщин, обычных для Большой земли.

К доставке грузов на берег с наступлением темноты так и не приступили. Зато весь следующий день слышался бодрый перестук моторов наших дори, сновавших от судна к берегу. В последующие дни выгрузка как будто наладилась, временами прерываясь из-за налетавших с Карского моря снежных зарядов, сопровождавшихся волнением и слепившими людей струями снега. К 20 октября, однако, стало заметно холодать, в море появились признаки шуги. В ожидании ухудшения условий плавсредства подтянули к борту, но оставили на воде... Но когда вой ветра и плеск волнения достиг своего предела, подняв плавсредства на палубу, пришлось перейти в губу Белужью, с намерением вернуться к Выходному с улучшением погоды. И даже вернулись, чтобы убедиться в невозможности выгрузки... Между тем на севере Новой Земли кромка дрейфующих льдов смещалась день за днем к югу, угрожая оставить тамошние полярные станции без смены зимовщиков и завоза свежих овощей. Судьба северного завоза опять оказалась на грани.

Тащимся на запад к Столбовому, и теперь картина побережья Маточкина Шара разворачивается, словно кинолента, запущенная в обратном порядке. Самое заселенное место на Новой Земле, в основном в XX веке, хотя становище Маточкин Шар в Поморской губе возникло в 1894 году, с переселением сюда четырех ненецких семей. Следующий по времени населенный пункт образовался в 1923 году в двадцати километрах восточнее злосчастной Белушьей губы в качестве полярной станции, расширенной на следующий год до обсерватории.

Отсюда летчик Б.Г. Чухновский с наблюдателем Н.В. Пинегиным совершил первую ледовую разведку в Карском море. После гидрографического обследования пролива Маточкин Шар (сокращенно Матшар) целым рядом экспедиций он регулярно использовался судами Карских экспедиций на Обь и Енисей. Когда выяснилось, что окрестные горы искажают результаты наблюдений обсерватории, пришлось создавать самостоятельные полярные станции при входе в пролив на мысах Столбовой и Выходной в 1934—1935 годах. Позднее постройки покинутой обсерватории нередко использовались различными экспедициями. Например, весной 1937 года здесь останавливалась воздушная экспедиция О.Ю. Шмидта по дороге на полюс, самолеты которой садились на замерзший пролив. С учетом заселенности берегов пролива в 1935 году островной совет был перенесен в организованное становище Лагерное. Так на берегах пролива протяженностью всего-то чуть более ста километров оказалось чуть ли не пять населенных пунктов — ситуация, в целом нетипичная для Арктики.

К этому времени определилась разница в восприятии нашей ситуации каждым сотрудником маленького отряда. Начальник, бывший танкист военной поры, рассматривает предстоящее как выполнение боевого приказа, причем любой ценой. Новоиспеченные младшие научные сотрудники думают иначе. Уроженец Кавказа Бажев в меру сдержан, старается больше смотреть и слушать, одновременно заставляя считаться с собой. Ему, как и москвичу Яблонскому, море явно не по душе, но оба скрывают это обстоятельство ссылками на пижонов романтиков, к которым относят и меня... Мое внимание к морю лишь укрепляло их в сложившемся мнении, за что я получил кличку Дик (в честь

известного героя Жюль Верна), которую мне предстояло оправдать уже в ближайшем будущем. Для меня море во многом определяет климат, без которого ледники — не ледники, тем более, что предмет современной географии, как я уже отмечал, — взаимодействие трех сфер планеты. Все вместе каким-то образом формирует оледенение, с которым нам предстоит разбираться.

На эти высокие научные материи у каждого накладываются свои обстоятельства. Бажев по-своему скрытен и, несмотря на свою житейскую хватку, так и не вошел в московскую жизнь, оставаясь во многих отношениях сыном гор. У Олега отношение к событиям и людям, по-видимому, определяется пережитой недавно семейной драмой. Смена в настроении и в отношениях у этого долговязого крепкого парня резкая, часто непредсказуемая. Определенно он придает особое значение своему туристскому и альпинистскому опыту. Насколько это оправданно — подскажет будущее.

Вот за кормой остался мыс Столбовой, и мы устремились к долгожданной Русской Гавани, с которой связаны все наши желания и помыслы на протяжении последних полутора месяцев. Какие пейзажи разворачиваются по правому борту в нагромождении заснеженных гор! Мысленно совмещая карту с открывшимся ландшафтом, воспринимаешь Новую Землю как затопленный морем горный хребет в броне ледников. Картина побережья напоминает знакомые с детства иллюстрации из старинных книг о Гренландии. А вот и первый посланец со здешних ледников: угловатая глыба сине-зеленого льда, даже не айсберг, а только всего-навсего обломок, но реальный, всамделишный, не из учебника. Чем дальше на север, тем их больше — нередко до десятка в поле зрения. Из-за них с наступлением темного времени

(которого с каждым днем все больше) сбросили ход — для вахтенных это не только воспоминание судьбе «Титаника», а часть суровой морской практики в здешних водах, тем более при отсутствии локатора на нашем судне.

На фоне происходящего строки из дневника Роберта Скотта вызвали дискуссию в наших рядах своей актуальностью: «Мы все здесь — более или менее искатели приключений, потому что ничто нас не трогает, как всякие из ряда вон выдающиеся переживания в диких странах. Хорошо, что они еще имеются на нашей сверх меры цивилизованной планете!» Что ж, проблему сочетания научной деятельности с приключениями в диких странах позднее нам предстояло испытать на себе в полной мере.

Приметы нашего продвижения к северу: падает температура воздуха (пока в пределах до -10°), светлое дневное время буквально сжимается, тогда как ночью созвездие Большой Медведицы смещается к зениту, нередко посреди зеленоватых пятен колеблющегося полярного сияния, переходящих порой в занавесы-драпери. Пока на фоне бытовых неудобств мы не ощутили еще меру жестокости полярного мира.

В Русскую Гавань пришли затемно, задолго до рассвета, разбуженные грохотом якорной цепи, способным поднять на ноги мертвеца. Облачившись в полевую робу и поднявшись на верхнюю палубу, обнаружили, что судно стоит на якоре всего в двухстах метрах от небольшой полярной станции, где были включены, вероятно, все средства освещения. Началась знакомая процедура высадки, на этот раз с нашим участием. Учитывая, что в нашем распоряжении всего только день, обязанности участников распределены предельно четко: разведка тракторного пути на ледник, рекогносцировка

пунктов будущей геодезической сети и хотя бы краткое посещение бывшей промысловой базы в бухте Володькиной (всего в пяти километрах морем от полярной станции), чтобы оценить возможность ее превращения в экспедиционную. Времени нам на все про все — ровно столько, сколько потребуется для разгрузки пятидесяти тонн груза, очевидно, менее суток, и это все...

С берега садит морозный ветерок, от которого ломит лицо. Наше плавсредство прыгает, как норовистая лошадка, по мелким волнам. В отличие от мыса Выходной здесь, в условиях закрытой бухты, им не разгуляться. Ветерком срывает гребешки волн, которые броней замерзают на наших штормовках. В отличие от Выходного, путь к крохотному причалу занимает минуты, и с помощью дружеских протянутых с него рук, обладателей которых трудно различить в темноте, мы ступаем на берега Новой Земли и, едва поздоровавшись с первыми зимовщиками, скорым шагом направляемся к леднику Шокальского, главному объекту нашей скомканной рекогносцировки, не опасаясь затаившихся в засаде белых медведей. Поступили мы абсолютно правильно, поскольку все они из-за переполоха, связанного с приходом судна, разбежались по окрестностям, о чем мы догадались позднее по мере приобретения опыта. Глотая раскрытым ртом промерзший воздух, бодрым шагом, временами переходя на рысь, мы устремились в свое полярное будущее, гремя горными башмаками по промороженной прибрежной гальке, в первых признаках тусклого рассвета в виде розовых отблесков на гребнях окрестных гор. Эти первые впечатления дополнялись привычной тяжестью теодолита за спиной.

Мои коллеги ушли вдоль боковой морены к горе Ермолаева, где рассчитывают найти подходящее место для выхода

на ледник с нашим будущим транспортом, неизвестно каким. Мне в соответствии с заданием предстоит поставить створы из камней на краю ледника, по которым начальник надеется получить с возвращением в будущем году первые же результаты по движению льда. Мне также предстоит выбрать наиболее подходящие пункты для своих геодезических наблюдений и попытаться оценить местность для будущих маршрутов. Разумеется, все это в окрестностях полярной станции, то есть в основном в пределах полуострова Горякова, на перешейке которого в 1932 году геолог М.М. Ермолаев построил базу своей экспедиции по программе 2-го Международного Полярного года (2 МПГ), продолжением которой будет наша экспедиция, уже по программе Международного Геофизического года (МГГ).

Местность, с которой я познакомился еще в студенческие годы по аэроснимку, выглядела одновременно знакомой и, я бы сказал, внушающей почтение. За полосой спокойной поверхности по краю ледника шириной в метров двести начинались сплошные развалы трещин и нагромождения вертикальных глыб льда, в которые лучше не соваться, тем более в одиночку. Посмотрим, что даст взгляд со стороны... Картина с мыса Шуерецкого в километре севернее полярной станции оказалась более приличной, поскольку прифронтальная зона трещин, с которой я для начала познакомился в упор, заканчивается выше по леднику примерно в двух-трех километрах на траверсе горы Ермолаева, которая сама по себе является отличным ориентиром. Стараюсь оценить все ближнее пространство ледника, начиная с гор Бастионы, кстати, отсутствующих на карте: обычный пропуск, допущенный в спешке с выполнением плана. В поле зрения бинокля они выглядят доступными для пешего передвижения — это

важно на будущее... Еще одна невысокая горная цепь (продолжение горы Ермолаева западнее ледника) располагается ближе к побережью под названием на карте горы Кленовые. Очевидный топонимический ляп: клены в Русской Гавани не произрастают, а горы названы в честь Марии Васильевны Кленовой, известного морского геолога. До того как географические названия (топонимы) стали даваться в честь партийных деятелей и советских вождей, местная топонимика была уделом исследователей и ученых. Поверхность ледника в глубь суши представляет чередование своеобразных трещиноватых уступов — барьеров при прорыве ледника через горные цепи и относительно ровных участков между ними. Будет над чем поломать голову по этому поводу уже в обозримом будущем...

Пока невольное восхищение вызывает зрелище пятикилометрового фронтального обрыва, вкось и вкривь перебитого трещинами, от которого отваливаются айсберги, заполняющие залив Откупщикова — одну из акваторий обширной Русской Гавани. Истоки нашего ледника располагаются где-то на ледниковом покрове, но уже понятно, что все оледенение Кавказа по площади — всего только два или три ледника Шокальского. Еще один вывод из нашей рекогносцировки — фронт ледника мало изменил положение за истекшие десятилетия, что нетипично для Новой Земли. Помимо перечисленного в поле зрения попали также полуострова Литке на западе и Шмидта на востоке, где в одной из бухт укрывалось бывшее промысловое становище, которому на будущий год предстояло стать нашей экспедиционной базой.

С наступлением темноты воспользовались гостеприимством кают-компания полярной станции, где нас не только

накормили, согрели и напоили горячим чаем, но и наспех поделились своим зимовочным опытом. Бывалым полярникам мы, вероятно, напоминаем героя О. Генри, который, как известно, был свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли. Наш начальник буквально в последний момент уговорил капитана посетить бывшее поморское становище в Володькиной бухте, озадачив нас по возвращении перспективами оказаться в роли строителей. Покидали мы Русскую Гавань под завывания ветра в судовой оснастке, наблюдая с палубы, как в ночной мгле исчезают один за другим огоньки маяков и створных знаков. Для начала обогнули мыс Утешения, где в 1913 году Г.Я. Седов определил астропункт, отметив его крестом. Начавшаяся бора буквально вырвала нас из Русской Гавани к следующему пункту назначения — мысу Желания, прямо в объятия Арктического фронта, который явил свое коварство не сразу.

Знакомство с этим природным явлением, настоящим сосредоточием борений стихий на контакте тепла Гольфстрима и холода Арктики, в самые ближайшие дни из книжного понятия для нас превратилось в весьма суровую реальность. Сами грузовые операции и смена персонала зимовщиков на полярной станции Мыс Желания в отличие от Выходного прошли быстро и без приключений. О необходимости станции на севере архипелага утверждал еще Русанов, но построена она была только в 1931 году, и вскоре обход Новой Земли с севера стал обычным делом в практике арктического мореплавания. Пригодилась тогда и Русская Гавань, где суда отстаивались от штормов и при формировании караванов под ледакольной проводкой.

Станция на мысе Желания гораздо больше, чем в Русской Гавани, однако условия стоянки судов здесь намного хуже.

Циклоны уже всюду буйствовали на севере Баренцева моря, но от волнения и наката в бухте Поспелова, где стояло на якорю наше судно, нас спасало начавшееся ледообразование. Пространства шуги, блинчатого льда и ниласа (разновидности молодого льда, согласно поморской терминологии), умеряли волнение, что позволило уложиться с выгрузкой в самые краткие сроки. Покончив с выгрузкой у мыса Желания на 77° северной широты, мы тронулись в обратный путь, и вскоре мы сполна получили все, что отпустила нам Арктика. Однако совсем другие новости из большого мира тревожили нас в те дни — Будапештское восстание и очередная война на Ближнем Востоке.

— Вскрывать спецпакет или не вскрывать, — не стесняясь нашего присутствия, рассуждает капитан. — Диксон замерз, на Северном полюсе нам делать нечего, Архангельск замерзает, в Мурманск — первая торпеда наша... А нам еще выгрузку на Выходном заканчивать...

Веселая перспектива, не предусмотренная никем накануне нашего отправления с Большой земли, тем более, что здешняя зима наступала нам на пятки. Устраиваясь на ночь, мы неожиданно ощутили необычные броски судна, шуршание льда по бортам и временами странную дрожь корпуса, сопровождаемую скрипом и другими непривычными звуковыми эффектами. С полуденным рассветом оказалось, что судно шло по плотному пространству шуги, изгибавшейся от волнения без признаков гребней. Затем последовали чередующиеся полосы шуги и блинчатого льда. Убегая от зимы, мы на траверсе Русской Гавани вышли на открытую воду, встретившую нас волнением, нараставшим с каждым часом.

На исходе суток оно достигло, видимо, десяти баллов, что существенно повлияло на судовую жизнь. Теперь пассажиры

предпочитали не покидать спальные лежа, поэтому коридоры и кают-компания опустели. Взбесившаяся морская стихия с высоты шлюпочной палубы выглядела чрезмерно активной. В тусклом судовом освещении пенные гребешки волн, казалось, проносятся где-то совсем рядом. То и дело волна перехлестывает фальшборт, а корма временами вообще не вылезает из-под воды и пены. Такая морская романтика существенно осложнила нашу жизнь, поскольку спать на узком диванчике в кают-компании теперь можно, только упираясь рукой в ножку стола, чтобы не вылететь со своего лежа наподобие камня из пращи. Время от времени судно словно судорожно подпрыгивало. Затем следовал мощный глухой удар волны, сменяющийся настоящим обвалом воды на палубе, которая позднее с каким-то странным урчанием и дикими завываниями начинала искать свой путь среди люков и механизмов, чтобы вернуться в родную стихию. Так продолжалось почти двое суток, и муки укачавшихся невозможно передать. Некоторые всерьез уверяли, что готовы расстаться с жизнью, но тем не менее все выжили.

Существенно изменилась жизнь в кают-компании. Теперь стол накрывали мокрой скатертью, чтобы тарелки не скользили, и кроме того подняли специальные бортики, чтобы при особо сильном крене посуда не оказалась на палубе. Потом перестали готовить горячее, заменив его консервами и огромными солеными огурцами (на каких только плантациях их выращивают!), селедкой, хлебом и сухарями. Реакция людей на качку: если одни лишаются аппетита, то другие превращаются в откровенных обжор. Такая вот среда обитания человека, весьма своеобразная, и, прямо скажем, на любителя, способного посреди происходящего оценить известные поэтические строки «Слышишь

посвист вантов в штормовой денек»... А главное — оказавшись посреди штормового моря, сменить обстановку просто невозможно.

Реалии Арктического фронта (даже помимо давления, рухнувшего за сутки на 20 мм), после испытаний на собственной шкуре, не оставили сомнений в его существовании. Пока же мы сами — лишь жертвы этой стихии, что входит в наш профессиональный риск. Не считая результатов кратковременной рекогносцировки в Русской Гавани, предельно понятно, что в Арктике нельзя опаздывать.

С возвращением в Маточкин Шар в последний день октября мы стали свидетелями двух событий. Первое — замерзание пролива, когда в переохлажденной воде появляются так называемое сало и шуга, быстро образующие круглые ледяные блины, которые, смерзаясь, формируют, по поморской терминологии, так называемый молодик. В общей картине грандиозного окружающего ландшафта белого все больше с каждым днем. Второе — нам навстречу из Карского моря следуют мощные ледакольные силы в виде старичков «Седова» (постройки 1909 года) и «Ермака» (еще старше — с 1898 года), настоящая живая история покорения Арктики. Теперь замерзание во льдах Новой Земли нам не грозило. В любом случае наша последняя неделя на Новой Земле принесла много нового, особенно для меня, поскольку мой диплом был посвящен применению дистанционных методов в ледовой разведке, знакомство с которой в годы учебы состоялось только в теории.

Известность ледакольный пароход «Седов» получил по результатам трехлетнего дрейфа в 1937—1940 годах, когда на основе сравнений с наблюдениями «Фрама» в 1893—1896 годах потепление Арктики из области предположений

превратилось в неопровержимый факт, что имело к нашим планам на будущее самое прямое отношение. Теперь этот заслуженный герой Арктики деловито спешил нам навстречу, украшенный огромным макетом ордена Ленина на капитанском мостике, поднимая в узком пространстве Матшара клубы дыма. По мере сближения мы убедились, что по размерам он уступал нашему судну, а его архитектура в меру архаична. Но от этого его реальные заслуги и былая слава ничуть не меньше!

Когда этот полярный ветеран, кое-как растолкав лед, привалился к нашему борту, где-то в районе Выходного возник отдаленный силуэт воздушного ледового разведчика, размеры и гул которого нарастали с каждой минутой. Как положено, перед сбросом вымпела с сообщением или ледовой картой самолет снижался до высоты мачты. Полученная таким образом информация определила дальнейшее развитие событий: наше судно, передав остатки груза на Выходной, отправляется снабжать полярки на Столбовом и в Малых Кармакулах, «Седов» уходит к мысу Желания на раандеву с другим ледоколом, а нашему отряду, похоже, предстоит возвращение на «Ермаке» в Мурманск.

Последствия встречи с «Седовым» также наглядны и убедительны: во-первых, в умывальниках появилась пресная вода, во-вторых, на нашем судне стало необычно шумно, в-третьих, в кают-компанин состоялся турнир по шахматам (а также морскому козлу), и, наконец, такой обвал отъявленной «морской травли» я слышал, пожалуй, впервые. Особенность этого жанра заключается в том, что отличить реалии морской жизни от авторской фантазии нет никакой возможности. Если кто-то из участников потом поделится с другим неведомым слушателем, а тот — с очередным, и пошла гулять

по свету очередная версия в стиле «Моби Дика», Летучего Голландца, или на худой случай в духе «Капитана Врунгеля». Вот такие реалии на заключительной стадии нашей морской жизни, так не похожей на светскую в столице.

В Маточкином Шаре я получил первое представление о ледовой проводке во льдах, хотя «Седов» из-за изношенности своих механизмов работал уже на пределе. С рассветом возвращаемся к Выходному по пробитому во льду каналу, который за ночь почему-то сузился, то и дело застревая в нем, тем более, что, судя по всему, толщина льда для нашего судна для самостоятельно работы предельная. «Седов» начинает самостоятельно рубить канал, ворочаясь во льду в нескольких десятках метрах от нашего борта, так что мы может наблюдать его работу. После его разворотов, сопровождаемых скрежетом льда и плеском воды, образуется пространство мелкобитого льда. Затем «Седов» останавливается, слегка накренившись и усилено дымя единственной трубой. Когда «Зоя» окончательно застревает во льду, начинается околка нашего судна, и постепенно оно входит в прежний канал, приближаясь все-таки к Выходному. Однако наступают уже глубокие сумерки, и в горловине пролива «Седов» включает прожектор. Его слепящий белый луч, переполненный летящим снегом, пляшет по битому льду, усиливая ощущение фантастического от окружающей полярной реальности. Очередная стоянка в ожидании «Ермака» в узком пространстве забитого льдом пролива среди засыпанных снегом горных громад. Вот оно, начало арктической зимы во всей красе и наглядности, и одновременно начало моей полярной судьбы. Картина дополняется шикарным полярным сиянием в виде подвижных занавесей-драпри, раскинувшихся на весь небосвод, и только горы ограничивают это шикарное зре-

лице. Такого в столице не увидишь, и билет на такой сеанс не купишь ни за какие деньги! И это уже не романтика, это реальная жизнь. Совсем как в популярной песенке: «Счастье для всякого не одинаково надо понимать»...

С прибытием «Ермака» 6 ноября проблема снабжения Выходного успешно решена, и затем суда, вытянувшись кильватерной колонной, ушли в пролив, чтобы приступить к обмену грузов и пассажиров. Для этого они прижались бортами друг к другу, причем самый маленький «Седов» оказался зажатым в середине и теперь производил впечатление кранца между своими более внушительными по размерам соседями. Оказалось, что почти за месяц плавания мы сдружились с экипажем «Зои Космодемьянской», и расставаться с ним теперь непросто. Тем не менее предстоит перебираться на «Ермак», а это, даже с нашим небольшим грузом, сложно, прежде всего из-за конструкции этого легендарного судна, определившего историю нашей Арктики в XX веке. Адмирал С.О. Макаров, создатель этого корабля, заимствовал конструкцию корпуса у броненосцев начала XX века. В результате трап-сходня, переброшенная с палубы малышки «Седова» на высоченный борт «Ермака», мало того, что заставляет нас карабкаться куда-то вверх, но частично, из-за выпуклого борта, повисает над пространством открытой воды с кусками льда. Преодолеваем это препятствие и уже с палубы «Ермака» машем знакомым ребятам из экипажа «Зои». И все это под грандиозным полярным сиянием, повисшим над нашими головами, наверное, поперек всей Новой Земли. Такого в Москве не увидишь ни в Большом театре, ни на Красной площади по самому большому благу — в полном смысле зрелище для избранных, совсем не для театральных московских снобов!

В первый момент помещения «Ермака» поражают гигантскими размерами, начиная от матросских кубриков на десятках персон, и кончая галюнами с обилием посадочных мест. Тем не менее пассажирских мест, как и на любом ледоколе, здесь не предусмотрено, и поэтому нас размещают в бывшей судовой церкви (теперь это красный уголок), о чем свидетельствуют очертания сохранившегося алтаря. Тесновато, и для сна я устраиваюсь на столе, а кто-то даже под столом. Какие, однако, мелочи накануне возвращения на материк...

С рассветом прощаемся с Маточкиным Шаром, Новой Землей и с остальными судами. «Ермак» вспарывает молодой лед как нож масло, а в канале за нами идут «Зоя» и «Седов», как в настоящем караване. Знакомые места в низком солнечном освещении при ясной погоде выглядят совсем иначе, чем при первом знакомстве, в полном смысле обретая праздничный вид. У Столбового «Зоя» разворачивается уже на чистой воде, направляясь к месту очередной выгрузки, соблюдая традиционное прощание гудками.

Немного о пересечении Баренцева моря курсом на Мурманск, начиная со знакомства с историческим кораблем. В мировом арктическом ледокольном флоте он оказался первенцем, не претерпев сколько-либо значительных изменений в своей конструкции со времени постройки на верфях Ньюкастла (Англия) еще в 1898 году, порядком обветшав с тех пор на своей тяжелой ледовой работе. Несомненно, это историческое судно — без него история освоения Арктики сложилась бы иначе.

Последнее не относится к просторной верхней палубе, выдраенной до блеска благодаря боцману Мишину, кряжистому уверенному человеку с обветренным лицом, которого команда слушается беспрекословно. Если капитан для нее —

второй после бога, то, похоже, боцман следующий по рангу. Палуба, в отличие от современных судов, практически лишена надстроек, не считая мостика с ходовой рубкой и нескольких тамбуров, ведущих к трапам внутрь судна. Сверх того над световыми люками над машинным отделением сооружена посадочная платформа для вертолета, единственное новшество из XX века. В остальном все прежнее, включая старинные паровые машины, работающие на угле. Силуэт ледокола легко определяется по двум огромным трубам и единственной мачте. Кают-компания заставляет вспомнить Станюковича: мебель красного дерева, кресла и пианино в белых чехлах, картины на переборках, включая портреты создателя Макарова и первого командира Васильева. Для обоих могилой стало Желтое море после подрыва броненосца «Петропавловск» на японскойmine в марте 1904 года. Спустя несколько лет решением каких-то недоумков весьма высокого ранга уникальное судно было разобрано на металл, вместо того чтобы стать памятником потомству в пример.

За трое суток перехода только однажды увидели огни рыболовецких тральщиков на Гусиной банке (отмели). Зато Кольский залив встретил нас первым снежком на окрестных сопках, не считая праздничной иллюминации в городе и на военных кораблях. Определенно наши приключения на Новой Земле глубокой осенью 1956 года не стали чем-то выдающимися среди других событий в Арктике накануне МГГ. Наши испытания (отнюдь не опасности!) не были чрезвычайными, хотя и позволили нам считать себя малосольными моряками. Результаты первого знакомства с Арктикой кто-то из пассажиров «Ермака», ступая на земную твердь в славном городе Мурманске, выразил следующим образом: «Будь я проклят! Оно для начала совсем неплохо!..»

Глава 2

1957—1958. ПЕРВАЯ ЗИМОВКА В РУССКОЙ ГАВАНИ

Когда мы были молодыми
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные цвели.

Ю. Морщ

Там, где, мозол нам глаза,
Легла на глобус бирюза,
На деле там черным-черно,
Там солнца не было давно.
За тыщу верст среди глубин
На льду чернеет бивуак.

К. Симонов

Сборы на будущую зимовку четко разделялись на две независимые половины. Первая — не столько научная, сколько образовательная, которую мы прошли на различных курсах и практиках, а также в библиотеке института, постигая премудрости науки, которую нам предстояло создать. Иные корифеи готовы превратить ее в систему дифференциальных уравнений, за недостающими членами которых нам и предстояло отправиться на арктические архипелаги.

Вторая — сплошной бесконечный аврал, репетиция того, который ожидает нас в Арктике накануне зимовки. Сначала в разных организациях ищем все необходимое для работы и жизни на зимовке, а затем пакуем все это добро в тюки и ящики, груды которых грозили серьезно потеснить народонаселение нашего института. Когда размеры этой горы начинали напоминать то ли Эверест, то ли Казбек, грузовики вывозили ее на склады таинственной

организации под названием Арктикснаб, располагавшейся тогда за городом на станции Перово. Так мы существенно расширили свой кругозор в качестве грузчиков, что было составной частью подготовки будущих полярных исследователей. Если мы рассчитывали на некий героический ореол в глазах знакомых девушек, то они все чаще смотрели на нас с сожалением, ибо уж они-то знали, что зимовочная полярная экспедиция настоящее кладбище несостоявшихся надежд и обещаний. Само собой — еще тревог для родителей, в основном матерей, поскольку мы представляем поколение без отцов, оставшихся на полях сражений 1941—1945 годов или сгинувших в ГУЛАГе.

В основе нашей научной программы лежит вещественный баланс ледника Шокальского по наблюдениям за снегонакоплением (приход) и таянием (расход), с учетом айсбергообразования. На основе послойного описания в шурфе предстоит восстановить прошлую историю ледника по соотношению количества льда (для теплых лет) и фирна (для холодных). Еще — метеорологические наблюдения, которые для ледника практически отсутствуют. Мне вместе с начальником предстоит изучение движения ледника. Главная проблема моей работы — отсутствие сведений о каменном ложе, по которому движется ледник, только самые общие соображения. В целом моя тема — не самая перспективная для младшего научного сотрудника.

Такая у нас наука — взаимодействие трех сред на планете: твердой (земной коры), жидкой (Мировой океан) и газообразной (атмосфера). Умные физики от взаимосвязей нескольких сред бегут как черт от ладана, свалив эту проблему на географов, при этом понося нашу науку за отсталость и ретроградство, одновременно оттопырив от

презрения нижнюю губу. Мол, какая может быть к черту география в наше время!

Работать нам предстоит практически с чистого листа, поскольку материалы Михаила Михайловича Ермолаева, замечательного и перспективного ученого, начальника экспедиции по программе 2-го Международного Полярного года, базировавшейся на Русскую Гавань, были уничтожены при его аресте в 1937 году. Известно, что он не обнаружил фирна, то есть питания, на ледниковом покрове Новой Земли. Позднее фирн там появился. Распутывать эту чертовщину предстоит нам, но и этого еще мало.

В Москве информация неизвестной бабки со двора с пленницами на берегах Северной Двины полностью подтвердилась. Нам это, естественно, ничего хорошего не сулит, но заведомо отразится на нашей деятельности самым отрицательным образом. Похоже, даже будущий академик Авсюк не знал многого. Однажды мы обратились к нему с предложением: в том же составе и с той же программой перебросить нас на Северную Землю. Григорий Александрович ответил вполне определенно:

— Станция в Русской Гавани уже внесена во все перечни по программе Международного Геофизического года, причем согласованные. Изменить мы их не вправе даже на самом высоком уровне. Разумеется, в Москве мы будем отслеживать обстановку, и вас не бросим. Если кто-то опасается риска, то он свободен в своем выборе.

Желающих воспользоваться такой свободой не оказалось. Неожиданно Яблонский, определенно отличавшийся радикализмом в своих суждениях, так объяснил позицию шефа:

— Нам отведена роль прикрытия в планах ВПК, причем на самом высшем уровне.

В разведке бы служить такому парню аналитиком высшего уровня, хотя представителем компетентных инстанций среди нас оказался совсем другой, похоже, не отличавшийся склонностью к анализу.

В июне в Архангельске северные белые ночи. В городе областной молодежный фестиваль, местная репетиция того, что спустя полтора месяца разразится в столице на уровне всемирного. Прямо на широкой набережной имени Ленина (всего год назад — Сталина) оркестры наяривают «Мамбо итальяно», «Бесаме мучо» и «Домино». Звуки музыки доносятся через Двину к причалам Бакарицы, где мы вкальваем в качестве грузчиков на сухогрузе «Мста», который доставит нас в Русскую Гавань. Там нам предстоит оставаться неизвестно сколько, поскольку программа Международного Геофизического года действует с 1 июля 1957 по 31 декабря 1958 года. Разумеется, в разгар полярной ночи нас никто снимать не будет — это ясно и белому медведю. Как и у наших предшественников, уходивших за моря в былые времена, у нас все впереди, и все мы молоды, ибо средний возраст участников экспедиции — всего четверть века! Вот опыта бы нам побольше, особенно полярного...

На погрузочном аврале работаем вместе с моряками и докерами, чтобы знать, в каких трюмах и в какой последовательности окажется наш груз, чтобы без паники разбираться с ним уже при выгрузке в Русской Гавани. Люди заново присматриваются друг к другу, мысленно прикидывая, с кем легче сойтись, на кого можно положиться. Для меня главное — причастность к Арктике, поэтому мне интересней общаться с Евгением Зингером (который в 1944—1945 годах зимовал в Амбарчике в устье Колымы, а позже плывал радистом на ледоколах «Северный ветер» и «Микоян») или

с Зиновием Каневским, в 1955—1956 годах отзимовавшим на полярной станции в Русской Гавани. Отменным качеством обоих является бьющий через край оптимизм в сочетании с юмором, в меру соленым у Зингера и более тонким, но приправленным солидной дозой перца у Каневского: обоих наши зубоскалы побаиваются. Женя даже внешне и всем поведением напоминает незабвенного Джона Фальстафа, который, по определению своего создателя Шекспира, «молодец мужчина и, вообще, клянусь небом, боевой малый», в чем читателю предстоит убедиться неоднократно. Зиновий Каневский ближе к героям Бабеля, но с отчетливыми чертами московского интеллигента. С обоими нескудно, для зимовочной экспедиции что надо.

Начальник нашей экспедиции тоже с полярным опытом, хотя и небольшим — неполный полевой сезон в дельте Лены и месяц на острове Врангеля. Самый опытный из нас — пятидесятилетний плотник (и одновременно промысловик) Романов, которого обычно называют дядя Саша. У Наташи Давидович, супруги Каневского, есть также свой зимовочный опыт, но на полярной станции, причем непонятно, в какой степени он применим для нашей экспедиции. Опыт остальных — чисто книжный, и ему еще предстоит пройти проверку, как и у меня.

Забывается, уходит в прошлое расставание с родными там, в Москве. Все заслонил аврал, не оставляя времени для сомнений, интересы экспедиции все больше определяют наши дела и поступки, когда индивидуальность каждого все отчетливей проявляется в готовности подчинить личное общему делу. Судьба каждого все чаще воспринимается как часть успеха (или неудачи) экспедиции. Вживаясь в новые условия, постепенно постигаем суть предстоящего бытия.

Постепенно в каждом возникает уверенность — да, мы сможем, это нам по плечу. Наконец погрузка закончена, судовые документы оформлены, и 6 июля наша «Мста» отдает швартовы. Жены и знакомые моряков бодро машут вслед своим милым с причалов Бакарицы, нас провожать некому. Не спеша низкие берега Северной Двины уходят куда-то за корму, а навстречу нам плывут один за другим лесовозы под флагами разных стран. Прощание с Большой землей для меня и моих товарищей прошло без эмоций, нашим главным желанием тогда было просто выспаться.

До Русской Гавани мы добирались десять суток, продолжив свою деятельность в качестве грузчиков при заходе на полярные станции в Малых Кармакулах и на мысе Столбовой. Немного генерального груза (мука и цемент) и до черта угля, который к берегу доставляется на плашкоутах. Затем его затариваем в мешки, и на собственном горбу вброд доставляем по назначению. Во время перекуса на берегу приобщились к местным экзотическим яствам, которых не подают в «Метрополе» или «Национале»: малосоленому гольцу и громадным пятнистым яйцам кайры. Их вареный белок настолько жирный, что, оставаясь прозрачным, напоминает странное желе, что поначалу озадачивает. К завершению рейса мы стали квалифицированными грузчиками и точно знали, в каких трюмах и в каком порядке находятся наши грузы.

Утром 16 июля справа по курсу открылась Русская Гавань. Я поднялся пораньше, чтобы посмотреть подходы к ней по радиолокатору. Возможности этого прибора я описал в своей дипломной работе, но теперь только впервые получил возможность познакомиться с ним на практике. Капитан Г.Д. Бурков любезно предоставил эту возможность. К моему

удивлению, эта новая по тем временам техника оказалась относительно простой в обращении, и мне, как геодезисту, она пришлась по душе, тем более что позволяла брать пеленги и измерять расстояния при скверной видимости, в тумане и ночью. Жаль, что подобной штуки не оказалось в прошлом году на «Зое»...

Ледник Шокальского в знак приветствия выслал нам навстречу флотилию нежно-голубых айсбергов. В глубине суши просматриваются невысокие горные цепи, среди которых выделяется силуэт горы Ермолаева. Горы слегка присыпаны снежком, выпавшим накануне. Сам пейзаж не такой враждебный, каким показался мне в сумерках наступающей полярной ночи при первой встрече с борта «Зои Космодемьянской». Прошлогодня рекогносцировка не прошла даром, местность под сереньким низким небом опознается быстро и уверенно по всем важнейшим ориентирам. Судно, обходя айсберги стороной, пробирается в сложных очертаниях побережья и наконец с грохотом вываливает якорь в бухте Володькиной у поморского становища. Все, приехали!

Обстановка у будущей экспедиционной базы спустя несколько дней в моем дневнике описана следующим образом: «На берегу невообразимый кавардак. Груды угля, бочки с горючим, ящики, строительный лес... Лают на привязи собаки. Полтора десятка непроставшихся личностей бродят среди этого хаоса в тщетных попытках обнаружить самое необходимое и определить, к чему бы приложить руки в первую очередь. Голодные, измотанные недосыпанием люди с трудом держатся на ногах... Первым делом пытаемся выяснить, все ли доставлено на берег. Поначалу приходим в ужас, потому что в каждой партии грузов не хватает чуть

ли не по десятку мест. Что-то нашли, на остальное махнули рукой, благо общее количество все же сходится. В три часа пополудни 20 июля “Мста” дает продолжительный гудок. Слышно, как на судне выбирают якорь. У трубы возникает султан пара, словно звук прощального салюта... Против ожидания уход судна прошел спокойно, без особых эмоций. Два-три человека как-то лениво помахали руками, и все. Тут же все повалились спать».

Все мы нуждались в отдыхе, потому что впереди нас ожидала тяжелейшая бесконечная работа. Наша ближайшая жизненная альтернатива необыкновенно отчетлива. Или все вместе выстоим и выполним задуманное, или, кое-как перезимовав, втихомолку вернемся на Большую землю и разбежимся, чтобы поскорее забыть здешнее житье-бытье. Дискомфорт, физические трудности, жизнь в безвестье, все это мы проходили в детстве и юности, которые пришлось на военную пору. Оттуда у нас не только привычка к трудностям, но и необходимость знать, во имя чего, этого из нашего поколения не вытравить. Соответственно, главное требование к себе и людям — надежность. Как должное мы восприняли решение о 14-часовом рабочем дне вплоть до завершения строительства на экспедиционной базе и будущих научных стационаров на леднике Шокальского. О выходных не могло быть и речи. Наш удел на ближайшие месяцы — вкалывать на износ, даже обычные человеческие потребности, такие как еда и сон, удовлетворяются, только чтобы обеспечить собственную работоспособность.

Тем не менее нашу жизнь на берегах Новой Земли никак нельзя было назвать ущербной. У людей сохранялся интерес к окружающему, и поэтому после окончания дневных работ и ужина желающие ознакомиться с окрестностями отпра-

лялись побродить вокруг базы, разумеется, за счет сна. Сама жизнь поддерживала нас в активной форме.

Эти прогулки на практике выливались в своеобразные рекогносцировки, тем более, что здешняя «история с географией» всюду заявляет о себе через местную топонимику. Название обширному заливу Русская Гавань норвежский промысловик Фридрих Мак дал в 1870 году, обнаружив на его берегах поморские кресты. Наш ледник в честь известного океанографа и географа Шокальского назвал Седов, посетивший эти места в апреле 1913 года. Основная масса других топонимов здесь возникла в 1930 году, во время стоянки ледокольного парохода «Седов» с экспедицией О.Ю. Шмидта на борту, в честь которого назван полуостров, на котором находится наша база. Именами других участников этой экспедиции были также названы полуостров Савича, бухты Микитова и Воронина (капитана «Седова»), гидробиологов Усачева и Ретовского (озера). Полуостров западнее нашей базы был назван в честь помора Степана Горякова, имя которого оказалось на одном из крестов. Другие природные объекты в округе носят имена выполнявших работу по программе 2-го МПГ: гора Ермолаева и бухта Карбасникова. Мыс Утешения был назван еще в 1594 году голландцами из экспедиции Виллема Баренца — это наиболее старый топоним в нашем районе.

Поскольку наша база располагается в бухте Володькиной, на этом названии необходимо остановиться особо. Похоже, в том же 1930 году она была названа в честь заместителя Шмидта, директора Института по изучению Севера профессора Р.Л. Самойловича. Когда позднее он оказался одной из жертв Большого Террора, бухту переименовали в честь сына профессора, также побывавшего совсем молодым

в Русской Гавани и также оказавшегося среди жертв Большого Террора.

Войцеховский создание своей карты описал так: «Я заснял только береговую часть Русской Гавани и ближайшего побережья, а в глубь суши я уходить не мог из-за недостатка времени. Теперь я всех сотрудников “исповедую”. Каждый приходит и рассказывает, где он был, что видел и как шел». Рассчитывать на особую точность такой съемки не приходится, но и отказываться от этой карты в нашем положении нельзя. Современная карта масштаба 1: 100 000 составлена на основе аэрофотосъемки 1952 года, и судить о ее достоинствах и недостатках еще рано, но определенно одно: фронт ледника Шокальского на обеих картах в сравнении с тем, что мы можем наблюдать на местности, изменился мало. Это не укладывается в общие представления о всеобщем, глобальном отступании оледенения, и решать это противоречие в любом случае предстоит нам. Как это мы сделаем, пока непонятно, но ради этого сюда мы и забрались. Наш предшественник Михаил Михайлович Ермолаев, геолог по основной специальности, свою докторскую диссертацию посвятил оледенению Новой Земли, и мы отнюдь не преисполнены благодарности отважным чекистам, уничтожившим его работу.

Наша главная забота — как превратить бывшее промысловое становище в экспедиционную базу, способную выдержать здешнюю суровую зиму с ее свирепыми ветрами, характер которых многократно описан с деталями, способными напугать самого отчаянного хабреца. По этой причине наш начальник отказался взять обычные брезентовые палатки, которые используются на Большой земле повсеместно от Таймыра до Памира. Для наших работ он

намерен доставлять нас на пункты наблюдений в балке на прицепе трактора, но насколько это реально?

Состояние доставшегося нам наследства озадачивает. Холодный склад практически не требует ремонта. Уютная внешне банька, увы, без печки, но восстановить ее несложно. Бывшую салотопку, стены которой, казалось, насквозь пропитаны специфическим ароматом жира морского зверя, наши механики Коля Неверов и Игорь Ружицкий решили приспособить под механическую. Здесь работы будет побольше. В перспективе два наших трактора нуждаются в гараже, но его строительство мы отложили на потом. Жилой дом без печей и оконных рам требовал наибольших усилий. Романов-старший обошел весь дом, который строил еще четверть века назад, деловито обстукал его стены плотничьим топориком и вынес такое заключение:

— Глаза боятся, руки делают. Будем жить, ребята!

Печник Романов-младший (в обиходе дядя Вася) в это время сидел на красных кирпичных развалах, покуривал и деловито сплевывал сквозь зубы, ему тоже все было ясно.

Часть научных сотрудников в качестве неквалифицированной рабочей силы поступила в распоряжении печников и плотников, остальные работали на складе. На мою долю выпало приготовление глиняного раствора, штукатурные работы, доставка кирпича, уборка мусора и изготовление печей-временок. Первую такую печь я соорудил в «детской комнате», среди обитателей которой со своими 177 сантиметрами я оказался самым низкорослым. По своему архитектурному исполнению она несколько напоминала известную Пизанскую башню, но грела, не слишком дымила и честно сушила портянки всех «деток». Следующее отопительное сооружение в «девичьей» (временное жилье Ляли Бажевой

и Наташи Давидович) носило отчетливые черты модернизма и конструктивизма, и с этой точки зрения вызвало некоторые замечания, которые я за занятостью отверг. Работа, ничего, кроме работы...

Зингер (поскольку он еще и парторг, многие зовут его товарищ Зингер, а большинство — просто Женькой), проходя мимо меня, замечает:

— Работай, негр, солнце еще высоко...

Сам он, облачившись в брезентовый ямщицкий плащ, препоясанный вервием, конопатит стены будущего жилья и во всю глотку распевает текст на слова Беранже:

Четыре капуцина пришли однажды в сад,
В саду растут маслины и зреет виноград...

Видимо, спохватившись, что описанная ситуация не соответствует окружающей реальности, Женя неожиданно меняет тему:

Раз в поезде сидел один военный,
Обыкновенный гуляка-франт.
По чину своему он был поручик,
Но дамских ручек был генерал...

Смену репертуара дядя Саша, орудовавший на лестнице под самым потолком, прокомментировал по-своему:

— Батя наш с духовного на мирское перешел.

Как любитель истории, в оправдание нашего бытия он тут же сослался на прецедент былых времен:

— В ту германскую, когда строили железную дорогу на Мурманск, нанимали китайцев с условием работать от вос-

хода до заката... Вы-то, люди образованные, знали, на что шли. В полярную ночь отоспимся...

База базой, но не только она. 22 июля начальник с водителем Игорем Ружицким отправился на ближнюю рекогносцировку в район горы Ермолаева, которая неожиданно затянулась на сутки, поскольку наши разведчики предприняли настоящий бросок вверх по леднику, побывав на самом ледниковом покрове где-то в районе ледораздела. Миновав разбитый трещинами уступ ледника, названного Ермолаевым Барьером Сомнений, они обнаружили еще один неизвестный барьер, правда, без трещин, отсутствующий на карте. Ледник на большей части своего пространства оказался проходимым для трактора, и это уже немало.

Начальник метеоотряда Олег Павлович Чижов, которому положение и возраст дают особое положение в экспедиции, не без сарказма так прокомментировал это событие в адрес руководства:

— По неожиданности вы как Амундсен...

Начальник уверяет, что будущие маршруты, мои и Олега, будут проводиться в санно-тракторном поезде. К строительству передвижных балков наши плотники уже приступили, хотя в такую полевую благодать почему-то не верится. Высказав руководству свои сомнения, получил резкую отповедь:

— Об этом, Владислав Сергеевич, не с вашим опытом судить¹.

¹ Фамилии нашего начальника я не привожу, поскольку человек, не лишенный достоинств, просто оказался не на своем месте. Его пребывание на Новой Земле оказалось не характерным для его трудовой и научной биографии. Однако, опустив некоторые детали, связанные с руководством экспедиции, целый ряд событий в ее деятельности не получил бы объяснения на страницах настоящей книги.

Все же отметили день рождения нашего повара, которого по случаю достижения совершеннолетия мы произвели в коки, иначе работник кают-компании именоваться не мог. Изредка наша жизнь разнообразилась походами в баню на полярной станции, пока мы не ввели в строй свою. На полярке есть чему поучиться. Оказалось, что все постройки на полярке, как и в нашем становище, обращены торцами навстречу лютой боре, что не случайно, поскольку строители 30-х годов знали, что делали. Наружные двери домов, во избежание метельных заносов, открываются только внутрь. Если повезет, смотрим кино. На полярной станции Главсевморпути электричество, тепло, уютно, чисто, налаженный быт, работа со строгим чередованием вахт, условия жизни — для нас пока недостижимая мечта.

Ее небольшой коллектив возглавляет радист Г.Е. Щетинин, полярник с довоенным стажем. В 1950—1951 годах дрейфовал на засекреченной (второй дрейфующей после папанинской СП-1) станции СП-2, а еще раньше участвовал на Диксоне в отражении нападения немецкого рейдера «Шеер» в августе 1942 года. Как человек, причастный к закрытым операциям того времени, в воспоминаниях предельно осторожен — сталинское время наложило свой отпечаток.

Кстати, следы войны нетрудно заметить и в окрестностях нашей базы — старые артиллерийские позиции на полуострове Савича. Один из промысловых домиков неподалеку от полярной станции в те годы служил наблюдательным пунктом, о чем свидетельствует надпись на потолке, бесхитростно изложившая чью-то полярную одиссею:

В скворечнике этом зимою и летом
Томились матросы, забытые светом.

Прожили три года на Новой Земле,
И с богом ушли на большом корабле.

Ушли, однако, не все — у берегового обрыва осталась могила с вырезанным на деревянном столбике якорем и звездой.

Иногда начальник собирает нас для обсуждения планов на будущее, которое омрачают два обстоятельства: строительство на базе требует гораздо больше времени, чем мы ожидали, а трудности маршрутов по леднику мы также недооценили. Многие буквально мечтают о зимовке на ледниковом покрове (точнее, ледоразделе), где можно получить уникальный научный материал, тогда как меня это место интересует мало. Отношения между людьми остаются практически в пределах нормы, хотя попытка начальника заставить вчерашних студентов обращаться к друг другу по имени-отчеству, разумеется, провалилась. Однако, когда в руководстве произошел так называемый инцидент на крыше, многие насторожились.

Бажев работал на кровле бани и, увидев проходящего Зингера, окликнул его и поманил к себе пальцем. Женя такое обращение посчитал недостойным и, кратко словесно отреагировав, продолжил свой путь. Большой чести участникам этого, в общем, незначительного конфликта описанное событие не делало, но начальник сумел поднять его на должный уровень, всенародно обратившись к своему парторму:

— Евгений Максимович! Нам с вами надо поговорить.

Секретов, что в экспедиции, что в коммунальной квартире, не бывает. Стало известно, что начало беседы имело шекспировский оттенок:

— Вы оскорбили моего заместителя, вам придется подать рапорт об отъезде на Большую землю.

В ответе же прозвучали гашековские нотки, причем достаточно официально:

— Товарищ начальник! Меня назначило партбюро института. Пусть мой беспартийный шеф обратится к нему с обоснованием замены, тем более, что я здесь единственный коммунист. По отношению ко мне была допущена вопиющая бестактность, и я указал своему оппоненту его место, не более.

На том беседа закончилось... Общественное мнение экспедиции сочло, что Зингер удачно закрыл наметившийся конфликт.

Нужно только время, которое в череде будней и событий отведет каждому достойное место в нашем маленьком ограниченном коллективе.

10 августа два санно-тракторных поезда отправляются на ледниковый покров с грузом для строительства наиболее удаленного от базы научного стационара. В походе участвуют оба водителя, начальник, Чижов и Каневский. Бажев, показавший себя сильным организатором и хозяйственником, остается на опустевшей базе, где дел достаточно. Людей на базе осталось меньше, они успешно трудились и за себя, и за уехавших. Определенно спокойней и без нервозности, которую начальник нередко создавал просто своим присутствием.

Неожиданная новость — с полярки сообщили, что вышел из строя трактор Ружицкого. И это в начале экспедиции! Только аврал и забота о тех, кто находился в маршруте на единственном оставшемся тракторе, отвлекала нас от черных мыслей. Участники похода вернулись 16 августа, оставив груз на месте будущего стационара. Усталые, измотанные, с обгоревшими лицами. Дважды трактор Неверова садился

в трещины, из второй удалось его извлечь только спустя десять часов. При форсировании одной из зон трещин расстояние по прямой в три километра прошли за пять часов, тщательно проверяя фирн специальными щупами, то и дело отыскивая обходные пути и т.д. Достаточно сказать, что по маршруту выставлено 120 вех, в основном в зоне фирна. Из-за многочисленных поворотов это место получило название Серпантин.

Хотя нервов в этом походе было потрачено немало, случались и веселые моменты. Все многократно вспоминают, как Олег Павлович, стоя на тракторной гусенице, распорядился: «Трогай!» Причем это указание совпало с реакцией водителя на свою технику:

— У, зараза!

Наш ученый муж (еще один кандидат наук в экспедиции) на это с достоинством незамедлительно отреагировал: «Я вам не зараза, я старше вас!» Последовал взрыв хохота у присутствующих: все довольны и никто себя не уронил...

Со строительством базы к этому времени мы преуспели. Закончены штукатурные работы в главном доме базы. В механической забетонированы опоры под движки. Один уже опробовали, заработали приемники, а вечерами на исходе полярного дня стали включать свет.

Только бы не подвел транспорт накануне решающих событий, завершения строительства стационара на ледниковом покрове, от которого зависит успех экспедиции. Все чаще возникает вопрос — как быть маршрутникам — мне и Олегу Яблонскому: ведь в соответствии с предварительными планами нас должны перевозить с точки на точку наблюдений в балке на прицепе трактора! Теперь в подобное не верится. Разумеется, можно и пешком, только тогда

придется запланированный объем наблюдений сокращать и изменять, но как? Необходимость в этом вырисовывается все неотвратимей, причем с потерями в сравнении с первоначальными планами.

Спустя полтора месяца после высадки в Русской Гавани я начал свои первые маршруты, причем с массой ненужных приключений. 22 августа впервые проехал на тракторе по леднику Шокальского до так называемой Перевалки, расположенной у боковой морены в пяти километрах южнее горы Ермолаева против гор Бастионы. Цель моего появления — нанести положение Перевалки на карту, поскольку отсюда тракторный путь расходится на юг к будущим стационарам Ледораздельная в области питания и к западу Барьер Сомнений в области расхода.

Впечатления от езды по каменистой полярной пустыне в кабине трактора: сплошной немилосердный грохот и тряска. Одновременно возникает тревога, когда бросается в глаза летящая из-под гусениц каменная крошка и талый снег, изгибающийся от непосильного груза, словно бумажная лента, двутавровый швеллер буксировочного устройства, куски металлической оковки, надраенной до зеркального блеска вместе с древесной трухой по всему тракторному следу. Ненадолго нам хватит при такой езде тракторных саней. Тем разительнее бег трактора с прицепом по леднику в спокойной краевой зоне ледника, лишенной больших трещин.

Пока Перевалка представляет скопление ящиков и бочек с брошенными тракторными санями поблизости, не выдержавшими описанных испытаний. Ребята занимались разгрузкой, а я успел отнаблюдать пункт на морене, отметив его солидным гурием, благо камня здесь хватало. Начальник заполнял журнал под мою диктовку, явно оценивая мою дея-

тельность. С Перевалки я пришел к выводу о необходимости такого же пункта на гребне гор Бастионы.

Начальству моя идея понравилась, и на следующий день мы отправились претворять ее в жизнь. Часа за полтора на гребной шлюпке одолели акваторию Русской Гавани, благо погода стояла идеальная. Высадились в устье речки Неожиданная за ледником Шокальского, начали подъем по каменистым склонам и снежникам, временами по снежным мостам, под которыми бесновалась и ревела Неожиданная. Пока поднимались, потянуло холодным ветерком — и чем выше, тем сильнее. Наконец добрались до плоского гребня на Бастионах с превосходным обзором по всем направлениям, где анемометр показал скорость ветра 27 метров в секунду или 11 баллов по шкале Бофорта («Производит сильные разрушения. Вдали от побережья наблюдается очень редко»). В такой обстановке я задумался — стоит ли приступать к наблюдениям, но начальник решил иначе. Разумеется, это была напрасная попытка, поскольку перекрестье нитей в поле зрения трубы дергалось и прыгало. Нам оставалось (по жаргону военной поры) драпен махен. Пока добрались до берега, шлюпку оттащило от него уже на десяток метров, хорошо на мелководе.

Все последующее — сплошное нагромождение спонтанных, не слишком умных решений, из которых мы каким-то образом выпутались. Решили грести к полярке напрямую, получив волнение в правый борт, грозившее перевернуть шлюпку, а нас — отправить на корм креветкам. Невольно стараясь укрыться от ветра, мы прижимались к фронту ледника со всеми вытекающими последствиями, к счастью, от него не отвалилось ни единого айсберга. То и дело наше суденышко на очередном гребне взлетало к небесам, а затем

рушилось в бездну, и с каждым подобным кульбитом, казалось, сердце вот-вот оторвется в направлении ближе к седлищу. Сидя на мокрых банках, в полузатопленной шлюпке, мы яростно орудовали веслами, поскольку другого нам не оставалось. Таким оказалось наше первое знакомство со здешней борой. Переживания не в счет, тем более что, не проявив предусмотрительности, все же мы дешево отделались. Поучительно, тем более что пока в наших действиях больше мальчишеского...

Уже на следующий день я отправился с санно-тракторным поездом к Ледораздельной, чтобы положить маршрут, провешенный на местности, на карту, начиная с Перевалки. На исходе августа на 76° с.ш. ночь уже входит в свои права, преображая пейзаж. По леднику тянет легкий ветер, над темно-синей поверхностью моря повисла алая полоска зари. Необычайная голубая мгла разлита вокруг, и сама поверхность ледника, изъеденная летним таянием, вся в огромных кристаллах льда, буквально исходит голубизной. Глубокую тишину нарушают лишь осторожное журчание воды да хруст талого льда под ногами. Багровая луна в два обхвата зависла в голубой дымке. Заснеженные горы по горизонту словно обсыпаны синькой. В пути пытаюсь доспать на койке в балке в обнимку с теодолитом, чтобы, не дай бог, вывалившись, этот точный инструмент не претерпел ущерба. Под скрежет гусениц и броски нашего «экипажа» возникает своеобразный маршрутный концерт из дребезжанья металлической посуды, грохота незакрепленных ящиков, лязга металла и скрипа дерева. Люди на койках-полках держатся за деревянные стойки, головами и ногами пытаясь лежа образовать упор, и, странно, продолжают спать в этой адской кабафонии. Способные ребята! Остановка воспринимается как нечто

чрезвычайное и, поскольку не сулит ничего хорошего, комментируется преимущественно матюками и другой близкой терминологией. Со стороны даже за стеклами кабины видно, насколько напряжено лицо водителя. На сложных трещиноватых участках с покатой поверхностью люди для страховки пытаются удерживать балки и сани собственными плечами и спинами. Порой кажется, не выдержит позвоночник, а мускулы сводит от запредельного напряжения. Все это создает дополнительную нервную нагрузку, лишая людей сна. Но даже в тревожном сне, больше напоминающем забытье, пережитое не отпускает людей.

Для ночевки остановились на плоском выходе коренных пород в километрах двух севернее безымянного второго барьера. Этот важный ориентир получил название оазис (по примеру антарктических) Анахорет. После непродолжительного сна продолжаем путь наверх. Приближение к ледоразделу словно мобилизует людей. Участок ледникового покрова под названием Серпантин доставил немало тревог из-за многочисленных трещин, скрытых под снегом и фирном, которые требовали поисков пути и частых обходов. На ровной белой скатерти пройденный путь санно-тракторного поезда выглядит скоплением своеобразных вензелей в попытках разминуться с трещинами. Уже исчезли из вида береговые ориентиры, так что моя работа теперь состоит в регистрации пройденного расстояния и направления движения, чтобы потом наметить положение Ледораздельной. Нет-нет в стороне в поле зрения возникает голубой провал, от одного вида которого по спине пробегает холодок. К счастью, туман и низкая облачность не помешали нам в приближении к цели, которая обозначилась на горизонте грудой грузов, доставленных сюда еще в середине августа.

Вторично на Ледораздельной я появился спустя неделю. За это время она приняла вполне обжитой вид. Рядом с балком возвышался небольшой жилой домик площадью всего 15 квадратных метров (не считая тамбура и холодного склада), достаточных для житья-бытья трех человек. При необходимости он мог вместить и десяток непрехотливых полярников! Оставалось сбить деревянные койки и дополнительные стеллажи. Уже сложена печь, просыхает. При мне заканчивалось оборудование метеоплощадки, причем в адских условиях — сплошная поземка, мокрый снег замерзает на штормовке, превращаясь в ледяную броню. Теперь ясно, какой просчет мы допустили в оценке погоды для геодезических работ, просто потому, что не было необходимой исходной информации: за ней-то мы и забрались в эти забытые богом и людьми места.

Людей с Ледораздельной только успели перебросить на строительство второго стационара у Барьера Сомнений, как произошли те самые события, которые предрекла нам неизвестная бабка почти год назад. В первых числах сентября на рейде полярной станции бросил якорь военный тральщик. Его командир заперся со Щетининым для обсуждения каких-то общих проблем. Возвращаясь на корабль, бравый моряк поинтересовался у своего провожатого:

— А это что за люди в становище? Экспедиция, откуда взялась! Мне же со своих матросов придется респираторы снимать.

Еще спустя несколько дней на полярную станцию прибыл капитан-дозиметрист, который поведал о предстоящих событиях много интересного. Правительственным решением Новая Земля становится полигоном по испытанию новейших видов оружия. В некий день «Д» и час «Ч» (о чем

мы будем извещены особо) нам надлежит собраться на полярной станции и совместно с ее персоналом ждать своей участи, бросив все свои дела. Кто-то из наших попытался уточнить ситуацию:

— А мы тоже здесь по решению правительства...

Капитан отреагировал достойным и, главное, убедительным образом:

— Мы, военные, приказы не обсуждаем, мы их исполняем. Так исполняем, что будет слышно, а если повезет — то и видно. Может возникнуть необходимость эвакуации. Прошу быть готовым к любому повороту событий...

Все последующее развивалось как обещано. После сообщения о подрыве «изделия» нам оставалось только дождаться его результатов. Спустя минут пятнадцать—двадцать до нас донеслись раскаты, напоминавшие нестройные артиллерийские залпы или грохот рождающихся айсбергов, а наши барографы зафиксировали удар воздушной волны, преодолевшей трехсоткилометровое расстояние. Позднее над полуостровом Литке поднялось странное, ни на что не похожее облако с характерными выступами-протуберанцами, торчавшими во все стороны: шляпка термоядерного гриба. Прошло время: термоядерное пугало то ли растворилось в атмосфере, то ли туман и дымка скрыли его. Теперь нас интересовал уровень радиации, измерение которой капитан доверил одному из нас, продемонстрировав употребление радиометра, приемная часть которого была похожа на хоккейную клюшку.

Утром нас растолкал очередной дозиметрист-доброволец, поскольку уровень радиации приближался к опасному пределу, а капитан куда-то запропастился. Известно, что даже маленькие люди способны нарушить ход истории самым непредвиденным образом, как это произошло и в нашем

случае. В конце концов капитана извлекли из комнаты поварахи, и история смогла развиваться в направлении, предусмотренном командованием полигона. К счастью, переполох продолжался недолго, и вскоре мы вернулись к своим делам.

Пребывание на полярной станции совпало с двумя событиями. Во-первых, нас поздравил с началом работ Михаил Михайлович Ермолаев, пожелавший успехов в выполнении программы МГГ, что стало для нас символом преемственности исследователей разных поколений полярников. Во-вторых, мы достойно отметили день рождения Каневского. В меру «подававший» Олег Яблонский собирал подписи под телеграммой: «Спасибо, что воспитали такого человека». Теперь можно было думать о завершении строительства на Барьере Сомнений, а также одновременно готовиться к заброске зимовщиков Ледораздельной.

С учетом нашего строительства, термоядерных игрish у военных и других вынужденных задержек сокращение моей программы по времени становится неизбежным даже просто по техническим причинам — использовать тяжеленный (в сборе до 120 кг) фототеодолитный комплект при отсутствии постоянного помощника физически невозможно. Хочешь не хочешь, придется заменять фототеодолитную съемку геодезическими наблюдениями, таким образом, чтобы точность наблюдений не сказалась на окончательных выводах в части природного процесса.

Дальше — больше... С наступлением полярной ночи начальник направляет меня на ледник для завершения работ, причем без помощника. Я потребовал письменный приказ, но мои доводы были отвергнуты самым простым и доходчивым образом:

— Путь в науку непростой, как и отношения в научной среде. А теперь представьте, как вы после зимовки появляетесь в институте без собственных наблюдений. Кто с вами захочет иметь дело, кому вы будете нужны?

Весьма убедительная постановка проблемы! На следующее утро я в одиночестве отправился на ледник. В таком же положении находится и Яблонский. Два недалеких индивидуалиста — слишком много для одного ледника, где любая случайность может оказаться роковой... Тем не менее мы продолжали работать порознь, встречаясь только для ночлега и совместной трапезы. Вскоре я уяснил, что не должен с темнотой оказаться в незнакомой части ледника, Олег этого правила не признавал. Не пользовался он и bussолью, что было удивительно, поскольку он имел опыт работы с геологами. Лишь однажды мы предприняли совместный маршрут в опаснейшей зоне трещин Барьера Сомнений, где обнаружили домик Каневского, наполовину погружившийся со снежным блоком в трещину. Очень сложный в моральном плане парень, совмещающий в характере одновременно внутреннюю незащитность с агрессивностью, цинизм с ранимостью. Весьма неосторожный и неадекватный в опасных условиях. Со временем мы бы преодолели сложившуюся отчужденность, но для этого требовалось время... Тем самым в одинаково сложном положении оказались оба.

Ночь становилась длиннее с каждым сутками, что в сочетании с непогодой позволяло нам знакомиться с завалами литературы, полученной еще на Большой земле из запасников. Мы оба открыли тогда для себя Хемингуэя, и фраза одного из героев «Пятой колонны»: «Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписался на весь срок», — удивительно совпала с нашим тогдашним восприятием нашего

арктического бытия. Я выполнил этот контракт, судьба Олега (об этом ниже) сложилась иначе.

Без нас 21 октября с Большой земли пришло судно, доставившее овощи и пополнение для экспедиции: актинометриста Валерия Генина, прежде зимовавшего на Чукотке, и врача, ступившего на берега Новой Земли в габардиновом плаще и модных ботинках апельсинового цвета. Они много рассказывали о молодежном фестивале в Москве, изменившего многие стереотипы сталинского времени. Тысячи иностранцев, и ни одного взрыва или другой диверсии! Но в целом это событие — лишь на периферии наших интересов. Из других событий — запуск спутника. В нашем восприятии преобладало впечатление от самого факта первенства в космической гонке. Я тогда не предполагал, что спустя четверть века буду использовать съемки из космоса в своей повседневной работе, когда можно будет считывать с экрана компьютера необходимую информацию без запредельных физических перегрузок и воздействия мороза и ветра на собственную «морду лица», не считая душевных терзаний успеть или не успеть в зависимости от изменений погоды.

По радио слово «спутник» заполняет эфир, но нас больше волнует предстоящая заброска зимовщиков Ледораздельной, которые втроем (Генин, Яблонский и Хмелевской) покинули базу во главе с начальником 4 ноября, миновав в тот же день стационар Барьер Сомнений. Каневские успели сообщить нам по радиостанции «Урожай» об этом событии, затем эфир в промороженной полярной ночи замолчал...

Вернувшись десять дней спустя, рассказали о провалах трактора в трещины, когда с разрушением снежного моста на 30-градусном морозе оттуда начинал валить пар, поражающий воображение, поскольку в глубине трещин еще

сохранялась летняя температура. Удивляли и одновременно создавали свои трудности обросшие инеем вехи, с трудом различимые ночью. Непосредственно заселение Ледораздельной заняло четверо суток, когда выяснились два неприятных обстоятельства: во-первых, забыли соль, во-вторых, «Урожай» не обеспечивает связи ни с базой, ни Барьером Сомнений... Что и говорить, славная зимовка предстоит нашим товарищам!

На базе — свои проблемы, и первая из них вполне ощутима, поскольку с замерзанием ручья мы остались без воды. Попытка решить проблему заготовкой снега на ближайшем снежнике закончилась конфузом из-за гнилых водорослей, брошенных туда штормом. Придется заготавливать лед для камбуза на ближайших озерах. Пока наши товарищи штурмовали ледораздел, завершились стройработы на базе, в связи с чем решили вымыть пол в кают-компании, и первый же посетитель покатился по заледеневшему полу! Совместить кают-компанию с ледяным катком — определенно в этом заключается нечто сугубо арктическое. На фоне мелких неудач задействована баня, что опять-таки связано с повышенным расходом воды на фоне общего дефицита драгоценной влаги. Заготовка озерного льда позволила решить проблему вплоть до Нового года, но самыми напряженными усилиями!

Сильное впечатление оставило первое знакомство с зимней борой. При таком ветерке лучше держаться от береговых обрывов подальше, случайным порывом запросто может сдуть в море. При встречной боре (мордотык на полярном сленге) возникает ощущение, что отпетый злодей пытается содрать кожу с «морды лица» тупым ножом. Однако! Температура в доме в эти дни упала до +5. Обложив наветренные

стены дома снежными блоками, мы значительно утеплили нашу полярную обитель.

Где-то в начале декабря чету Каневских на Барьере Сомнений предстояло заменить Олегу Павловичу Чижову и автору настоящих строк, что разнообразило нашу жизнь и существенно обогатило мой полярный опыт. Первые дни предстояли большие хозяйственные работы: перебросить в склад тонну угля и дрова, привести в порядок продуктовой склад, освоить приготовление пищи на печке и т.д. и т.п. Сопровождаю Чижова на метеоплощадку, отмечая мелочи, способные вывести наблюдателя из себя, что ведет к ошибкам при снятии показаний приборов и т.д. Хуже с актинометрическими наблюдениями, когда приходится нередко работать с металлом голыми руками. К счастью, пока везет с погодой.

Уже полтора месяца, как мы расстались с солнцем, таким обычным для Большой земли. За повседневной работой не замечаем признаков серых полуденных сумерок. Соответственно, большая часть нашей жизни проходит при свете керосиновой лампы. Оба переносим темноту спокойно. В ясную погоду при полнолунии ледник и окрестные горы залиты потоками лунного света. Отчетливо видны наши следы вокруг домика и море заструт до самого горизонта. Время от времени небосвод перепоясывается лентой полярного сияния, от которого становится еще светлей. Знакомые созвездия среди россыпи звезд забрались куда-то к зениту. На севере, приглядевшись, можно различить равномерные вспышки маяка на острове Богатом: все, что нам осталось от цивилизации и людей. «Уму непостижим тот мир, который недвижим», — как сказал поэт и оказался прав. Довольно часто в стылой тишине слышен глухой и поначалу непо-

нятный регулярно повторяющийся шум, когда рушатся снежные мосты и осыпаются в глубь ледниковых трещин. Изредка звонкий и сильный, напоминающий винтовочный выстрел удар, когда возникают свежие трещины во льду, до поры до времени не представляющие опасности.

Потом погода внезапно меняется, что, естественно, отражается на производственном процессе. При театральных сборах в столице выбор одежды определяется действующей модой и вкусом спутницы, здесь же — сугубой целесообразностью, прежде всего защитой от непогоды. Соответственно, не столько одеваешься, сколько упаковываешься в брезентовый плащ поверх мехового летного комплекта. Особое внимание — меховым рукавицам, потеря которых чревата потерей кистей. Поэтому рукавицы носишь на шнурке, пропущенном в рукава верхней одежды, что позволяет сохранить их практически в любой ситуации. Отправляясь на метеонаблюдения, под рукавицы надеваешь еще тонкие шерстяные перчатки, позволяющие вести записи карандашом в условиях любой погоды.

Временами удары боры обрушиваются на наше скромное жильё, когда беспощадный напор взбесившегося ветра буквально загоняет через самые незаметные щели снег в виде пудры внутрь нашего жилья. Вернувшись с метеоплощадки, порой выбираешь снег из самых укромных деталей робы, например, карманов, скрытых под несколькими слоями ветрозащитного плаща. Пробираясь на метеоплощадку, иногда с удивлением обнаруживаешь диск луны за завесой низовой метели, проносившейся над ледником. К метеоплощадке в бору буквально подтягиваешься на леере, специально установленном для подобных случаев. Разумеется, заполнять журнал наблюдений обычным образом в таких условиях невозможно. С трудом, преодолевая удары ветра, при свете

фонарика записываешь показания приборов карандашом на кусочке фанеры, то и другое на надежных шнурках висящее на шее. Возвратившись в жилье, старательно переписываешь в обычный журнал записи с фанеры.

Сама полярная ночь не вызывала у нас особых отрицательных эмоций. Разница в возрасте и характере и ограниченность жилплощади вместе со специфичным комфортом не сказались на нашем отношении к друг другу, каждый оставался самим собой. Точно так же не возникло ни повышенной раздражительности, ни апатии. К Новому, 1958 году нас вернули на базу в бухте Володькиной.

В неполном составе мы встретили его в гостях у полярников Главсевморпути вокруг елки, изготовленной из подручных материалов, в основном остатков отслужившей свой срок метлы. Убранство кают-компания составили ватные хлопья, висевшие на нитях, разрисованные шары-пилоты, обычные украшения из сусального золота и т.д. Наступление Нового года проходило под ружейную пальбу и вспышки фальшфейеров. Само собой, были подняты наполненные кружки за зимовщиков Барьера Сомнений и Ледораздельной, с которыми не было связи ни по радио, ни какой другой, только мысленно. Пусть им повезет! Разумеется, и за тех, кто ждал нас на Большой земле.

Январская бора вырвала образовавшийся в заливе припай, наглядно продемонстрировав его ненадежность. Как-то необычно звучит прибой за завесой метели, а рабочая роба на аврале покрывается тяжелой ледяной броней. Подошвы начинают скользить по предательской ледяной поверхности, угрожая отправить неосторожного в бушующее море. Осторожность, еще раз осторожность, и ничего более, даже на ступенях крыльца у входа в спасительное жилье.

В феврале мне вновь предстояло отправиться с Чижовым на Барьер Сомнений. Олег Павлович ушел на стационар на лыжах самостоятельно, а я спустя двое суток сопровождал трактор с грузовыми санями вместе с дядей Васей, Романовым-младшим. Спокойно добрались до Усачевского языка, где нас накрыла довольно плотная дымка с ограниченной видимостью. Поскольку справа располагался трещиноватый купол, я посоветовал водителю взять немного левее. В ответ водитель заложил лихой разворот. Меня это насторожило, тем более что спустя несколько минут он спросил меня:

— Где же фронт Усачевского языка?

Та же мысль тревожила и меня, и я посоветовал ему остановиться. Выпрыгнув из кабины, я буквально погрузился в белую мглу, лишённую теней, когда зрительно теряешь ощущение местности и своего положения. Предчувствие грозящей опасности не покидало меня, и даже пешком я передвигался с предельной осторожностью, пока не увидел чуть в стороне голубоватые очертания фронтального обрыва, высотой с десятков метров. Осторожно приблизившись к нему, я отсчитал количество шагов по направлению к трактору — их оказалось двадцать три! Какие-то секунды отделяли нас от падения с обрыва при продолжении движения! Остальное представить нетрудно: в свободном полете многотонная машина пробивает лед на озере Усачева, а затем на нас рушатся еще сани с солидным грузом! Перспектива, от которой покрываешься холодным потом... Несколько минут мы молча пытались понять, как мы оказались на грани катастрофы на знакомой местности.

Разворачиваемся почти на месте и начинаем выбирать из несостоявшейся смертельной ловушки, строго придержи-

живаясь прежнего следа. Однако Арктика определенно решила не отказываться от своего злодейского замысла. Вдруг какой-то непонятный бросок, бессильный визг гусениц по льду, и машина оседает, наваливаясь кормой на буксирное устройство. С треском распахиваются двери, люди в спешке выпрыгивают на лед. Каким образом мы оказались в трещине, понять невозможно, но это так. Раз за разом пытаемся вылезти из западни, бессильный рев мотора, визг гусениц, все безрезультатно... Снова и снова, все с тем же успехом... Ясно, что придется принимать более серьезные меры по извлечению нашей машины. Вскрываем лопатами часть снежного моста, чтобы убедиться в положении трещины. Дальше необходимо загнать под гусеницы обрубки бревен: оказалось, что одна из гусениц работает вхолостую, все больше разрушая снежный мост, под которым отчетливо обозначилась темная дыра, от которой хочется отвести взгляд. Создав дополнительные опоры под гусеницы, отцепляем сани. Водитель снова занимает свое место за рычагами. Снова напряженный рев мотора, потом трактор, задрав радиатор к небу, совершает очередной рывок и, плюхнувшись всей массой на лед, наконец выбирается из трещины. Дальше проще: на мягком буксире перетаскиваем сани через трещину, восстанавливаем жесткий буксир и снова вперед.

Наступили синие глубокие сумерки, разъяснило, крепкий морозец усилился, небо вызвездило. Однако наше невезение продолжается: сначала на развороте вырываем жесткий буксир, а затем на Перевалке едва не раздавили оставленный там балок. Кое-как отработали задним ходом, и теперь ползем в темноте от одной вежи к другой, надеясь, что все испытания позади. Неожиданно в свете фар возникает силуэт лыжника. Олег Павлович, наблюдавший наши метания со станции,

ориентируясь по свету фар, решил выступить в качестве проводника. Расспрашиваем его о возможных трещинах, но наш проводник не заметил чего-либо серьезного. Кто-то припоминает, что в конце лета юго-западнее стационара (то есть там, где мы теперь примерно находимся) видел солидный ледниковый котел, да минует нас чаша сия... Чижов чего-либо подобного сейчас не встретил, но воспоминания такого рода в переполненной кабине трактора создают атмосферу нездорового веселья. Водитель каким-то образом через замерзшие стекла кабины в свете фар выдерживает движение вдоль лыжного следа, и все вместе мы на какой-то момент повисаем в невесомости при бросках трактора на ледяных буграх и высоких застругах. За очередным броском последовала знакомая мягкая просадка, после которой трактор продолжил свой бег.

Вот наконец и домик стационара Барьер Сомнений, наполовину утонувший в огромном сугробе, рядом неподвижные закутанные фигуры его обитателей. Заждались! Наспех обмениваемся первыми впечатлениями, пока один из зимовщиков не интересуется: «Что это вы, ребята, привезли?» Тракторный экипаж с удивлением уставился на перст указующий: пустая платформа от саней, поскольку груз где-то свалился по пути вместе с пострадавшим коробом! Взрыв проклятий предшествовал нашему возвращению для поисков потерянного груза. Вскоре отыскали его, а рядом с ним — провал в снежном мосту на том самом ледниковом котле, который мы вспоминали с Чижовым, и где произошла та самая мягкая просадка! Удивительное везение как на смертельные, практически безнадежные ситуации, так и на самые невероятные избавления от них! К этому нечего добавить!

В значительной мере наше повторное пребывание на Барьере Сомнений с Чижовым оказалось повторением первого. На этом фоне, однако, имел место ряд примечательных событий, которые нельзя не отметить. Из них самое значительное и радостное: сброс почты самолетом после полугодового перерыва. Чижов срочно решил сбежать на базу по такому поводу и вернулся вместе с Севой Энгельгардтом только 18 февраля. Я получил целых семнадцать писем, из дома и от знакомых, и на несколько дней стационар превратился в избу-читальню, когда наши мысли и воспоминания уносили нас далеко-далеко от нашей арктической повседневности, в попытке отогреть душу и сердце. Вечером все трое собираются за столом и предаются молчаливому чтению, создавая подобие семейного уюта, оставаясь наедине со своими мыслями, впечатлениями и воспоминаниями. Дом, далекий дом, населенный близкими и милыми людьми, словно становится ближе, и даже лютующая снаружи пурга при походах на метеоплощадку встречает нас, похоже, не так сурово.

Однажды в снежных вихрях и смерчах, проносившихся по Барьеру Сомнений, возник краешек «дневного светила». Позже выяснилось, что зимовщики Ледораздельной встретили солнце раньше всех — 5 февраля, зато на базе, откуда обзор в южном направлении ограничен, позже остальных — только 19 февраля. Общий итог — солнцепоклонников из нас не получилось, хотя жить и работать стало настолько легче, что я смог приступить к повторным наблюдениям, определив скорости движения льда в леднике между Перевалкой и Бастионами за предшествующие пять месяцев.

Сутки спустя в направлении горы Ермолаева в ночи в районе Перевалки показали тракторные огни. По отрывочному радиоперехвату на нашем дохломе «Урожае» мы

догадывались, что начался поход на Ледораздельную, откуда не поступало известий с ноября. Решил сбегать навстречу к людям, чтобы получить последние новости с экспедиционной базы. На моем пути оказались удивительно высокие и скользкие заструги, на которых я несколько раз падал. Застал на Перевалке едва ли не половину экспедиции, выяснив, что на смену первозимовщикам Ледораздельной отправляются Каневские и Зингер. По известиям из Большого мира: англичане пришли на Южный полюс, причем больше всех славы при этом досталось на долю покорителя Эвереста Эдмунда Хиллари, имена остальных слышу впервые.

21 февраля санно-тракторный поезд продолжил свой путь на юг. Провешенный межбарьерный участок на этот раз был пройден без особых приключений, но на подходах к Серпантину ситуация осложнилась. Снега к тому времени здесь выпало столько, что от вех остались только верхушки, и поиск каждой из них превратился в сложную операцию. Участники похода выстраивались цепью и начинали прочесывать море заструг в надежде наткнуться на верхушку вехи, возвышавшуюся над снегом порой всего на полметра. В процессе поисков кто-то обнаружил, что «искомый объект» лучше всего видно лежа, с поверхности убитого зимними ветрами снега. Счастливчик орал водителю со своего жесткого и замороженного ложа истошным голосом:

— Николай, давай!

Как обычно, Неверов старался ни на метр не отойти от наезженной трассы, в чем, несомненно, был прав. При движении возникли новые трудности, с которыми водитель не сталкивался раньше. Балок и сани на ходу настолько погружались в рыхлый снег, что в процессе движения они начинали сгребать его перед собой, толкая впереди живописный,

шевелиющийся холм. За несколько часов светлого времени удавалось пройти совсем немного, и с наступлением темноты поиски очередных вех прекращались. Осветительные ракеты не помогали, множество стремительно бегущих теней лучше всякого камуфляжа скрывали предметы поисков.

Между тем станция располагалась где-то поблизости, и участники похода решили сигнализировать зимовщикам Ледораздельной о своем присутствии из ракетницы. Позже обитатели стационара рассказали, что в очередной срок наблюдений Генин с метеоплощадки увидал какие-то отдаленные вспышки. Сначала три аборигена снегов не поняли, от кого могли исходить сигналы (в те отдаленные времена инопланетяне еще были не в моде), но они поступили абсолютно правильно: с зажженным факелом отправились на лыжах в направлении вспышек, о которых сообщил Генин. Очевидно, между Ледораздельной и санно-тракторным поездом в это время не было прямой видимости, в противном случае трое зимовщиков видели бы свет тракторных фар. Пока они в ночной тьме шли по указанному Гениным направлению, участники похода на своей стоянке выключили фары, приготовившись к ночевке в балке. Ребята с Ледораздельной вернулись в свое обиталище ни с чем, но теперь в их жизни возникло нечто, сулившее долгожданные перемены в самом ближайшем будущем.

В слабом свете рассвета наступившего дня люди из санно-тракторного поезда обнаружили ближайшую вежу всего в двадцати метрах от своей стоянки. Не теряя времени, они тронулись в путь, и вскоре им стали попадаться новые высокие вехи, установленные совсем недавно: это могли сделать только обитатели Ледораздельной. Значит, живы — и это главное!

Сама станция Ледораздельная выглядела необычно: исчез дом, полностью похороненный в снегу, из которого высовывались нелепо низкие флюгеры. По этой же причине, казалось, какой-то остроумец поставил метеобудки просто на снег для порядка в ряд. Множество свежих следов, груды золы и каких-то отбросов свидетельствовали о наличии аборигенов Ледораздела, впервые обживавших эту самую негостеприимную часть негостеприимной Новой Земли. Приехавшие словно опасались нарушить оцепенение природы, не сговариваясь, решили отдать инициативу обитателям ледникового царства. Наконец, посреди груд мусора и множества оттяжек флюгеров поднялась крышка люка и из него возникла заросшая и прокопченная физиономия, разразившаяся радостным воплем. Это памятное событие в истории Новой Земли «имело место быть» 23 февраля.

Остальное было делом техники, и уже спустя несколько суток зимовщики Ледораздельной оказались на базе в бухте Володькиной, причем они объяснили загадочную ситуацию, возникшую на рубеже февраль — март, когда полярка сообщила о возможном прибытии самолета, причем с посадкой, что позволило бы нам отправить почту. Между тем время шло, временами мы слышали странные раскаты, напоминавшие те, что мы уже слышали в сентябре. Что за чертовщина, не могут же хозяева Новой Земли начать без предупреждения свои атомные игрища, ведь у нас нет даже элементарных ни средств защиты, ни измерителей радиации? О нас забыли или на нас просто наплевать? Полярная станция по этому поводу ничего не сообщала... Между тем непонятный грохот повторялся неоднократно, и в конце концов наше руководство шифровкой через полярку запросило Президиум Академии. Суть вопроса: что происходит?

Ответ был в духе времени: слушайте радио. Выслушав, узнали, что партия и правительство объявили очередной мораторий на испытание ядерного оружия. Надолго ли? Определенно Олег был прав: нас используют в качестве прикрытия, причем втемную, не ставя в известность и без каких-либо гарантий на будущее, скрываясь за пресловутой секретностью. Вернувшись с ледораздела лишь подтвердили, что слышали характерные раскаты и даже видели верхушку термоядерного страшилища.

Однако вернемся в новоземельскую весну 1958 года. Я оставался на Барьере Сомнений до середины марта, но занимался уже геодезией, выполняя повторные наблюдения на пунктах, чтобы получить данные о скоростях движения льда. На нашей станции после возвращения с Ледораздельной Чижова заменил Генин. На базе он получил только неделю отдыха, большего мы не могли позволить. 3 марта я отнаблюдал первый пункт, мороз стоял за 30, но практически не было ветра. При такой температуре работать с изящными микрометренными винтами непросто. Приходилось задерживать дыхание, поскольку при неосторожном выдохе окуляр моментально обрастал кустистой изморозью. Арктика в эти дни проявило самое изощренное коварство. Для невооруженного взгляда видимость оставалась приличной, зато из высокослоистых облаков валили и валили миллиарды и миллиарды изящных кристалликов льда. Воздух буквально искрился, недаром это явление называется алмазной пылью. Зато в поле зрения трубы теодолита плавают и переливаются нечто бесформенное, нельзя было разглядеть не то что дальние знаки, а даже просто гребни горных хребтов.

Решил делать только три приема вместо пятнадцати. Точность при этом падает вдвое, зато выигрыш во времени,

судя по опыту прошлого года, даже не впятеро, а значительно больше. По результатам вычислений относительная точность определения скоростей движения льда близка к проценту, этого больше чем достаточно, но очевидный выигрыш во времени позволил больше наблюдать пунктов.

А пока Арктика распорядилась по-своему. Целую декаду день за днем я подходил к теодолиту, уныло заглядывая в трубу, заранее зная, что меня ожидает. Потом часами вышагивал на морозе около инструмента, пока холод не загонял в жильё. Темпераментный сибиряк Генин, большой любитель советов, кажется, заподозрил меня в каком-то хитром саботаже с оттенком мазохизма. Однако 13 марта волей небес там истощился запас алмазной пыли. Оставшиеся десять точек я отнаблюдал в три дня, сократив время наблюдений по сравнению с осенью втрое, что значит опыт! На траверсе Усачевского языка при выборе очередных пунктов наблюдений обнаружил еще следы экспедиции М.М. Ермолаева: сломанные нарты, доски, винтовой бур и еще какие-то мелочи.

Вскоре к нам присоединился Яблонский. Похоже, Олег и Валерий не надоели друг другу за полгода пребывания на Ледораздельной. Однако, судя по отдельным репликам и замечаниям, смена там прошла не вполне идеально, настолько, что это чревато проблемами на будущее. Хотя Олегу присуща неуравновешенность в отношениях с людьми, но изменение его отношения к Каневскому теперь просто бросается в глаза. На мой взгляд, повод был пустяковый и объяснялся разным отношением у академических зимовщиков и полярников Главсевморпути, для которых заполнение журнала наблюдений является священнодействием. А когда в журнале наблюдений Ледораздельной Каневский обнаружил любимую

эмблему Яблонского (кота с задраным хвостом в характерной позе!), Зиновий слишком темпераментно высказался по этому поводу ребятам, которые жаждали расстаться с ледоразделом как можно скорей. А тут еще «баба Ната» стала слишком пунктуально пересчитывать консервные банки по привычке, полученной на полярке, что в нашей экспедиции не было принято. Какая глупость, но, боюсь, дело сделано, и ничемная причина может послужить поводом для осложнений в будущем. Удивительно, что Бажев, к слову которого в экспедиции прислушиваются, не погасил ненужной вспышки страстей. Досадно, но, похоже, тот самый черный кот, которого Зиновий так неосторожно, подразнил при смене Ледораздельной, пробежал между людьми.

При всем при том после зимовки на Ледораздельной у Олега явно произошла определенная переоценка ценностей, и даже наши отношения в меру выровнялись. Но пока еще рецидивы мальчишеского самолюбия мешают нам объединить усилия, наряду с объективными обстоятельствами: основные работы у Олега теперь к югу от Второго Барьера, у меня — севернее. Работать в одиночку просто опасно, причем последний случай очень показателен. В состоянии крайней усталости решил спрямить путь на снежном мосту через широкую трещину. Результат: продавил снежную кровлю, к счастью, одной ногой. Если бы двумя, не писать бы мне этих строк... Лежа на плотном ветровом снегу, ощутил пустоту под собой и, покрывшись холодным потом, по-щенячьи переполз оставшиеся метры к противоположному краю, и уже на прочном льду долго не рисковал принять нормальное положение. Нельзя доводить себя до состояния, когда от усталости начинаешь совершать поступки, чреватые смертельным риском. Ведь научился же ты не пользоваться

незнакомыми участками ледника без предварительного осмотра, с наступлением темноты выходить на известные места и освоил другую полевую премудрость... Риск провала уменьшается, если пользоваться лыжами, но за пределами ледника (особенно после с сильных ветров) снег сохраняется только пятнами, и, например, наш дядя Саша лыж явно избегает. Еще их несомненное преимущество, по крайней мере на леднике, — возрастает скорость передвижения.

И, конечно, проклятая бора, непознаваемая и непредсказуемая, к которой невозможно приспособиться. Порой в соседних долинах в одной она шурует по полной программе, а рядом — ни дуновения. Видишь, как по соседству пошли султаны снега, а что дальше? Будет нарастать до опасного предела или на том и остановится, никто не подскажет. Пока везет, но, очевидно, надо научиться если не предвидеть развитие погоды, то выходить из возникшей ситуации. Определенно при потере видимости направление можно выдерживать на леднике по уклону поверхности, по застругам, и даже по ветру во время боры, направление которого практически не меняется.

Каневский уверен, что бора непредсказуема, но я думаю, что у него это от системы образования, когда в нашей ситуации он лишен возможности нормального синоптического анализа. Однако для маршрутника эта информация всегда будет недоступной, и он может полагаться лишь на местные признаки, например, типы облачности, особенно с характерными зализанными формами, повторяющими рельеф. Все вместе позволяет судить о ближайшем развитии погоды, но, разумеется, только с определенной долей вероятности и, главное, без той ее доли, которая несет смертельную угрозу. И да не оставит нас удача!

Со временем разница между маршрутниками и персоналом стационаров проявляется все отчетливей по многим направлениям, включая питание и одежду. Затраты энергии у тех, кто несет свою вахту на стационарах (помимо ежедневного жизнеобеспечения) по сравнению с маршрутниками минимальны: «поход» каждые три часа от жилья к метеоплощадке. Разница в нагрузках отражается в ее восполнении — обитатель стационара в целом довольствуется казенным пайком, прикупая к нему для разнообразия сгущенку, воблу, фруктовые консервы и иную «вкуснятину», тогда как маршрутнику не до разносолов. Оказавшись на ночевке под гостеприимной крышей, он, к изумлению «стационарщика», пожирает полбанки мясных консервов с гарниром (также полбанки) из овощных, запивая все это литром крепчайшего кофе, после которого предается «морфею», что называется, без задних ног. Проспавшись, маршрутник повторяет свое насыщение, не заботясь о его разнообразии, и снова исчезает, чтобы возникнуть на стационаре неизвестно когда, не заботясь о распорядке дня его обитателей, что нередко вызывает законный протест.

Такая же разница существует и в обмундировании двух основных подразделений экспедиции. Опять-таки на стационаре можно обойтись казенным набором полярного одеяния в виде ватных штанов в сочетании с полушубком или меховой курткой. Если снаружи задувает так, что отличить заснеженную поверхность ледника от неба зрительно невозможно, описанный выходной «костюм» дополняется ямщицким плащом, брезент которого по плотности приближается к фанере. В одежде, с точки зрения обитателей стационаров, маршрутник проявляет ненужную привередливость, пытаясь обосновать ее разницей в нагрузках на переходе (когда

он нередко изнемогает под непосильной ноши, так что его белье становится мокрым от пота) и вынужденной неподвижностью на точке наблюдений, когда пропитанная потом одежда грозит замерзнуть раньше своего хозяина. Соответственно, на переходе приходится избавляться от меховой одежды, чтобы воспользоваться ею на точке наблюдений, а на переходе — это дополнительный груз. В общем, хочешь жить, умей вертеться...

Из новостей, внесших разнообразие в нашу повседневную жизнь. Наконец наш начальник заявил о предстоящем отъезде в Москву со ссылкой на состояние здоровья, что подтвердил и врач. Большинство восприняло новость с удовлетворением.

Выполнив в мае очередную серию наблюдений на поперечном створе через стационар Барьер Сомнений, я испытал чувство удовлетворения — полученные результаты уже позволяли планировать мою полевую деятельность на будущее. Определелись возможность выявить сезонные изменения на поперечном створе, теперь можно приступать к изучению движению льда на продольном створе от Ледораздела к фронту ледника Шокальского. Как это удастся, знает только Всевышний.

Предстоит сгущение опорной сети, для чего нужны гурьи на Бастионах и ЦАГИ. Первый из них я соорудил и отнаблюдал практически в день летнего солнцестояния, 21 июня. Разумеется, в одиночку (как и Яблонский), поскольку людей просто не хватает, что, строго говоря, запрещено всеми действующими инструкциями. Возвращаясь на стационар, неоднократно оглядывался: видно превосходно, гурий буквально упирается в небосвод. Теперь предстоит поставить такой же в южном массиве гор ЦАГИ. На стационаре Барьер Сомнений

в порядке накануне этого постарался отоспаться и заправиться. Утешает и подбадривает установившаяся словно по заказу спокойная солнечная погода, достаточно ненадежная, требующая спешки и напряжения. Пункт на ЦАГИ позволял провести сгущение засечкой по многим направлениям, времени на наблюдения уже не оставалось, как и на оценку пейзажа, тем более что я не рисковал упустить погоду, чтобы приступить к наблюдениям на межбарьерном участке.

Для этого понадобилось возвращаться в балок Анахорет. Там я провел часа два, одновременно топил печку, готовил варево и пробовал урывками сидя спать, хотя такой сон больше походил на забытье. Временами сквозь дрему в мозгу возникала мысль, что подобный напряг к добру не приведет... Взвалив на плечи теодолит с треногой, снова продолжил свою работу, отнаблюдав по пути несколько пунктов, отметив их вехами, которые волок с собой. Так как бура мне не дали (их с трудом хватило для других отрядов), я просто втыкал вехи в снег и фирн, надеясь забурить их в обозримом будущем. Совершенно в сомнамбулическом состоянии пришел к Каневским. На последнем километре сил не оставалось, через сотню-другую метров приходилось сбрасывать рюкзак, чтобы перевести дух. Садиться не решался, боялся не встать. Кое-как добрал, чтобы услышать от недовольной Натальи: «Чего приперся, не мог в другое время выбрать?» Ах, Наталья, ты Наталья! Не знаешь ты, что не маршрутник выбирает время, а время определяет начало маршрута и его конец.

На стационаре позволил себе выспаться и снова возвращаюсь в балок Анахорет. Сплошное белое пекло: солнце палит всю, лицо разъедает пот, штормовка от него мокрая, не говоря о белье. Добрался, а наблюдать из-за сильных вертикальных токов нагретого воздуха невозможно. Позволил

себе отдых, хотя и вынужденный. Зато позже сделал еще несколько пунктов вплоть до Второго барьера, хотя тревога за их сохранность не покидала меня. Если в ближайшую неделю или декаду я их не забурю, все сделанное пойдет прахом, и даже жаловаться будет некому, включая начальника. С истечением своих полномочий он просто пошлет меня подальше, и со своей логикой будет прав. С таким же успехом я могу обвинить в своих неудачах Арктику или Александра Македонского, совсем невесело от таких дум.

27 июня я вернулся к Каневским, причем не лучшим маршрутом — напрямую через перебитый трещинами Барьер Сомнений. Последний раз я там был девять месяцев назад с Яблонским и, видимо, здорово подзабыл ситуацию, если в состоянии крайней усталости решился на подобное. Объяснения в благополучном исходе, кроме как пьяным и дуракам, не вижу. Дал себе зарок: впредь Барьер Сомнений — только в обход. Еще бы научиться не доводить себя до состояния полного физического и морального истощения от усталости.

Стационар уже в окружении озер талой воды, соединенных бодрыми потоками. Надеюсь, у Олега ситуация с таянием все же лучше. С 8 июня я его не встречал, мы обменивались только короткими записками на стенах балка Анахорет. Судя по последней, он где-то у балка Серпантин, а там активное таяние еще только впереди, да и в области питания оно доставляет меньше хлопот. Можно возвращаться к базе, чтобы подготовиться к наблюдениям на участке покрова между Вторым барьером и Ледораздельной. А усталость, накопившаяся за июнь, уже не проходит, и с этим приходится считаться. Тело отяжелело, суставы словно проржавели, состояние оупения отражается на способности реально оценивать опасность.

Главная новость на базе: официально с 1 июля в должность руководителя экспедиции вступает Олег Павлович Чижов. Мы встретили это как должное, хотя новому начальнику экспедиции не позавидуешь. Прежний начальник запустил экспедиционную машину по-своему, и привести ее в нормальное состояние при отсутствии связи практически с обоими стационарами, не говоря о маршрутных отрядах (скорее бродячих людских единицах), невозможно. Продолжается накопление совокупности неблагоприятных факторов, среди которых на первом месте огромные, ненормальные перегрузки у маршрутников. При малейшем стечении неблагоприятных обстоятельств ничего хорошего нас не ожидает. Посмотрим, как развернутся события в самом ближайшем будущем.

Июль не принес облегчения маршрутникам. До выхода на ледниковый покров предпринимаю еще одну безнадежную попытку выполнить фототеодолитную съемку с горы Ермолаева, единственный результат которой — потеря почти недели драгоценного времени. Если бы я догадывался, что такое летнее таяние на леднике Шокальского, то, бросив напрасные попытки на горе Ермолаева, как можно скорее вышел бы к Ледораздельной. Уже в разгар распутицы удалось добраться до балка Анахорет 13 июля. Тащить на себе пришлось так много, что Чижов выделил мне в помощь плотника Василия Перова, неплохого специалиста в своем деле, который, однако, был далек от любой романтики, и муза странствий не была его избранницей.

Мы быстро убедились, что нас ожидала поистине адская дорога из-за снежных болот, занимавших километры, где лыжи тонули настолько, что, казалось, эта жижа вот-вот хлынет за голенища резиновых сапог. Каждый шаг требовал

невероятных усилий, и поэтому мы тащились со скоростью черепахи. «Морда лица», обожженная отраженными солнечными лучами, невероятно распухла и потрескалась, а соленый пот нещадно разъедал обожженную кожу. Хорошо, что наши близкие не могли нас видеть на этом отчаянном переходе. По кошмарному пути мы все же добрались до балка Анахорет, откуда до Ледораздельной примерно 12 километров.

Ничего хорошего дальше нас не ждало. Всего в 50 метрах от балка в ледяном русле, перекрытом нараставшими снежными мостами, несся бешеный поток, рев которого был слышен за несколько километров. Даже воду из него было набирать опасно, ибо напор воды на чайник мог сорвать неосторожного во взбесившийся поток и утащить в клоко-тавший тоннель чуть ниже по течению безвозвратно. Отовсюду рев взбесившейся воды, океан отраженной солнечной радиации, а где-то поблизости бродят полосы тумана. Из-за него несколько раз переносили выход на Ледораздельную.

Описал это жуткое место. Глубокое русло забито здесь зимним снегом, в толще которого вода проложила свой тоннель. Тут и там видны участки рухнувшей кровли, во многих местах просевшая снежная поверхность изборождена трещинами. Ловушка за ловушкой, не знаешь, которая сработает. Скопления странного комковатого мокрого снега образуют своеобразные конусы выбросов, возникших под напором бешеной талой воды, время от времени вышибающей снежную пробку, закупорившую ледяной тоннель. И отовсюду рев воды, к которому невозможно привыкнуть. Нет желания задерживаться в этом кошмарном местечке, настоящем белом пекле в прямом и переносном смысле.

Неожиданно выше по тракторной дороге из тумана возникает одинокий силуэт лыжника: это Иван Хмелевской,

не дождавшись Олега Яблонского, возвращается к базе, придерживаясь старого тракторного следа и расставленных вдоль него путевых вех. Пока он добрался до нас, туман накрыл все вокруг, словно Арктика играла с нами в прятки.

Противопоставить ей мы можем только терпение, запас которого у нас тоже на пределе. Вскоре она извела на нас свои лимиты этой гадости — снова солнце засияло, небо безоблачно и даже дыхание полярного зефира не тревожит наших обезображенных лиц. Пока сидели в балке с Иваном, попивая на дорожку освежающий кисель, старательно ввели его в курс обстановки на предстоящем ему пути к базе, расспрашиваем о ребятах на Ледораздельной. Особо: почему не пошел Олег?

— Во-первых, он обирается поставить дополнительный речный створ от Ледораздельной к Бастионам. Во-вторых, он так намучился в одиночестве, что просто отводит душу, общаясь с Бажевыми и компанией. Есть и третье — не хочет он встречаться с бывшим начальником на базе, ждет, пока тот уедет.

Объяснения Ивана, в общем, понятны, и все-таки... Расстаемся, ему вниз по леднику к базе, нам вверх к Ледораздельной. На наш стационар мы решили выходить по прямой не случайно: во-первых, расстояние короче, во-вторых, выполним рекогносцировку под будущий теодолитный ход, расставляя вехи, которые тащили на себе. Поднявшись вдоль потока на метров сто пятьдесят, мы спокойно одолели Второй Барьер. Таяло там уже меньше, и до Ледораздельной простиралось пространство мокрого сыпучего фирна, идти по которому на лыжах было значительно легче, чем по топким снежным болотам. Мы отошли от барьера на полтора-два километра, когда Перов, обладавший обостренным зрением, вдруг остановился

и начал что-то выглядывать из-под ладони по направлению движения. Спустя минуту заявляет — вижу стационар. Действительно, в поле зрения бинокля прорисовываются резкие на белом фоне очертания флюгеров и метеобудок. Дальнейший путь к Ледораздельной с учетом нашего состояния занял еще часа три. Население Ледораздельной обнаружило два силуэта по непривычному направлению за километр от стационара и дружно бросилось нам навстречу. И вовремя, силенки были у нас на исходе, поскольку для похода на ледниковый покров мы выбрали не лучшую пору. Какое счастье пройти последний километр без рюкзака!

Всплеск радости от встречи с людьми прошел, осталось тяжелое нервное напряжение, которое не дает уснуть. От бессонницы мучается и мой напарник. Оба мы так и промаялись до утра, когда Олег начал готовиться к маршруту, укладывать рюкзак, инструктировать своего напарника Женю Дебабова и т.д. Поднимаюсь и я, чтобы рассказать Олегу о предстоящем ему маршруте, тем более, что он намеревался задержаться в балке Анахорет с расчетом на его запасы. Особо подчеркиваю в разницу в наших маршрутах: мы, поднимаясь, уходили от опасности, у него она будет нарастать по мере снижения. Советую ни в коем случае не выходить к балку Анахорет напрямую с форсированием ручья. Потом ударились в какую-то научную дискуссию. После завтрака Яблонский и Дебабов уходят общим направлением на Второй барьер, немного западнее нашего лыжного следа, постепенно удаляясь от него. С сожалением отмечаю про себя, что мы опять и опять развиваем наши сети независимо друг от друга, вместо того, чтобы с самого начала объединить их. Наконец, погрузился в спасительный сон, больше напоминающий забытие. Проснувшись, лишь отметил, как вернулся

понурый, до предела уставший Дебабов и без привычных разговоров залез в спальный мешок.

Ситуация на ледоразделе в моем дневнике в те дни описана следующим образом: «16.06.58. Ровно год нашего пребывания на Новой Земле. Прошел год и ничего особенного — все живы. Можно считать, что половину положенного нам здесь времени мы провели... Снаружи туман и туман. Без происшествий. Кончаются папиросы — Альберт лично выдает курящим по одной или двум в день». В общем, главная проблема на Ледораздельной — отсутствие курева. Дневник также отмечает отличия Ледораздельной от Барьера Сомнений. Здесь существенно холодней, и поэтому продолжались наблюдения на снегомерной площадке и работала холодная лаборатория, в которой Бажевы изучали лед, извлеченный из шурфа глубиной 28 метров.

Однако главное отличие — жилой дом здесь погребен по крышу в протаявшем фирне, тогда как обитатели Барьера Сомнений, расположенного в области расхода, опасаются, что их жилье в ближайшем будущем окажется на ледяном пьедестале — ведь под домом-то у них лед не тает. Записи дневника: «В Москве лето, это так не похоже на нас... Завтра там обещают по радио 24—26°, разумеется, тепла... В Антарктиде на Советской —79°, в Мирном только —11°, и это в разгар Антарктической зимы!»

Осторожно интересуюсь у Альберта о возможности работ на Карской стороне. Бажев иронично пожимает плечами и, как обычно, очень веско высказывается:

— Дик, ликвидация белых пятен закончилась. Хотел Олег, но не смог, времени не нашел...

Если не смог — значит, понимал, а не смог потому, что, как и я, работал в одиночку. Вот только разговор я вел не

о белых пятнах. Уже ближайшее будущее показало, что снегосъемки к карскому побережью (которые при ином планировании мы могли бы выполнить) дали бы ценную информацию о природном процессе. Однако случилось нечто такое, чего мы все в глубине души опасались...

На следующий день мы с Перовым продолжили расстановку вех по пройденному нами пути, заночевав в балке Анахорет. Странно, но, похоже, Олега не было в балке! Осталась нетронутой даже кастрюля киселя, который мы специально оставили для маршрутников, обычно страдавших от жажды. Еще неприятное открытие — южнее Второго барьера в процессе таяния вскрылась зона трещин, осложнившая завершение маршрута. Всего-то за двое суток! Подарочек! При работе с теодолитным ходом не обойти, ни объехать. Похоже, лед здесь при движении упирается в какую-то преграду на коренном ложе, с которым также связан наш Второй Барьер. Окончательно это станет ясно после повторных наблюдений на теодолитном ходу.

На всякий случай прошел несколько сот метров вдоль ручья, в котором воды стало значительно меньше, — ничего подозрительного. Выходит, Олег махнул дальше по леднику к Каневским на Барьере Сомнений? Едва ли, потому что после ссоры с ними он избегал каких-либо контактов. С другой стороны, наши маршрутники так часто были вынуждены менять свои планы (знаю это по себе), что ожидать от них можно чего угодно... Пока меня больше беспокоит признаки снежной слепоты (конъюнктивита или ожога слизистой оболочки глаз) у Перова, без которого мои планы могут завершиться крахом. К счастью, помощь персонала Ледораздела помогла избежать подобного финала.

Да и дневниковые записи тех дней свидетельствуют, что озабоченность судьбой Олега еще не превратилась в тревогу.

«20 июля... Было сообщение с полярки, нет ничего об Олеге. Он вышел на Барьер Сомнений 15-го, но, возможно, там не в порядке радио». А какое у нас было радио, читатель, вероятно, получил представление. Разумеется, в разговорах мы обсуждали вероятные действия Олега, склоняясь к тому, что он, вероятно «тянет резину» в ожидании отъезда начальника то ли на Барьере Сомнений, то ли на полярке, а может быть, и в «чайном домике», балке на Усачевском языке — так откровенно ему не хотелось возвращаться на базу.

Снова работа, работа и работа, напряженная день за днем, пожалуй, впервые за долгое время успешная. С каждым днем теодолитный ход становился все длинней и длинней, в чем была немалая заслуга Альберта. Что касается озабоченности за судьбу Олега, пока не хватало какого-то звена, чтобы озабоченность сменилась тревогой. Видимо, такое же настроение было и на базе, где происходила передача дел от одного начальника к другому, а также подготовка к приходу судна.

Характерно, что связь «блиндром» (то есть односторонняя) 25 июля началась с сообщения об авиасбросе почты, именно это событие для всех было первостепенным. Зингер быстро на слух переписывал текст из эфира на бумагу, а мы, столпившись у него за спиной, старались ухватить новости, что называется, с «пылу с жару». Пока шли самые приятные: «П/х “Сухуми” вышел из Архангельска в ночь на 24 июля. Первый пункт захода Русская Гавань, может прийти 27 июля; Генин и Ружицкий вышли с Барьера Сомнений 22 июля...» А дальше — словно выстрел в упор: «Приход Яблонского с Дебабовым необходим. Чижов».

Ну и ситуация! Ведь мы должны начинать с поиска двух человек в тумане при видимости около 150 метров!

Где могут оказаться Генин и Ружицкий, если таяние уничтожило по дороге тракторные следы? А если в тумане они ушли на карскую сторону? Примерно в полдень, когда туман немного ослаб, на их поиски к балку Серпантин отправились Энгельгардт и Перов, и вскоре вернулись с теми, кого искали. Выяснилось, что Генин и Ружицкий нигде на своем пути не встретили признаков пребывания Олега. Теперь Бажев стал срочно готовить свободных людей к поиску. Последующие события так описаны в моем дневнике:

«Вечером 25-го около 18 часов на север уходит поисковая группа — Бажев, Перов, Ружицкий, кок и я. В сплошном тумане выходим на мой створ. Следов здесь уже никаких не сохранилось. Через два с половиной часа мы у Второго Барьера. Сзади остается стена сплошного тумана и ключья драных стратусов (слоистых) над головой. Обвязавшись веревками, проходим зону трещин по очень слабым снежным мостам и затем спускаемся по Второму Барьеру у вехи Край.

Снег здесь уже почти стаял и вода ушла. Продолжаем идти в связках, хотя трещин нет. Пользуясь сведениями Дебабова, выходим на конец створа, выставленного Олегом. Пока все совпадает с тем, что Женя рассказал еще на Ледораздельной. Продолжаем поиск в оазисе Анахорет, обходим его со всех сторон, но и здесь ничего подозрительного. Все больше укрепляюсь во мнении, что поиск следует продолжить по ручью. Ведь говорил же я Олегу, чтобы он опасался этого проклятого места!

Полдень 26 июля. Хорошая видимость. Вот уже виден балок Анахорет, но перед ним ручей в толще льда, преграждающий нам путь. Мы давно развязали веревки и идем, растянувшись, в затылок друг другу: Перов, кок, я, за мной

где-то Игорь, сильно отстал Альберт. Почти напротив балка замечаю две черных точки. Почти одновременно Перов увеличивает скорость, потом останавливается и что-то кричит. Можно только разобрать слово “Олег”. Все мы теперь несемся вниз по течению ручья к черным точкам прямо по снежным мостам, не разбирая дороги. На другом берегу ручья видна лыжа с отломанным задником, потом палка, какие-то мелкие разбросанные предметы. А вот и первое черное пятно — промокший рюкзак. А дальше то, что когда-то было Олегом Яблонским.

Он лежит на спине с раскинутыми руками и ногами в мокром снегу конуса выноса ручья. Штормовка подвернута под мышки, вывернут правый карман, сапоги еле держится на ногах, капюшон штормовки стянул слегка потемневшее лицо. Совсем рядом снежный мост, вокруг мелкие трещины. Ребята стоят сняв шапки, Альберт почти шепчет: “Что я скажу твоей матери, Олежка...” Увы, слишком поздно...

Четырехчасовой перерыв в балке Анахорет. Перов сколачивает из лыж сани для перевозки тела. Несмотря на усталость, под впечатлением пережитого никто не хочет есть. Выпиваем по кружке кофе. Тело завертываем в тулуп и крепим веревками к саням».

Картина гибели Олега, в общем, понятна и объясняет, почему я не увидел тела во время посещения балка Анахорет 17 июля. В конце тяжелого маршрута, когда до балка оставалось всего полсотни метров, желание оказаться в жилье поскорее возобладало над элементарной осторожностью, и Олег решил пересечь ручей по снежным мостам, которые еще больше ослабили от таяния после моего посещения. Под тяжестью Олега снежный мост рухнул, и его мгновенно втянуло в тоннель в снежно-ледяной толще. Вместе с ним

пропали и сани, которые он тащил за собой. Груз (ледовый бур, рюкзак и карабин) также попали в туннель, где и оставались вместе с телом, когда мы с Перовым побывали в балке. Позже под давлением воды снежная масса была выброшена из тоннеля наружу (последствия гидравлического взрыва, результаты которого я описал в полевом дневнике 15 июля), с ней-то и выбросило тело Олега и рюкзак, тогда как бур, сани и карабин остались в теле ледника. Единственное утешение: судьба Олега выяснилась, в отличие от многих других, погибших при сходных обстоятельствах в Арктике и оказавшихся среди пропавших без вести со всеми вытекающими последствиями. Печальное шествие: Альберт тянет сани за веревочную лямку, я с Первым подталкиваем их сзади, иногда к нам присоединяется Дебабов. Ружицкий идет впереди в качестве разведчика. Поздно вечером добрались до базы, закопав тело погибшего до вскрытия в снежник.

«Сухуми» бросил якорь на рейде бухты Володькиной спустя сутки, и теперь тяжесть пережитого причудливо переплетается с новыми впечатлениями. Хочется отвлечься от тягостных мыслей, пообщаться с новыми людьми. Разумеется, ничто не могло отменить разгрузочный аврал, когда люди работают без различия возраста, должности и бывлых заслуг даже не сколько могут, а сколько надо. С новыми людьми общаемся в основном расспросами.

— Стоит ли Большая земля?

— Не хуже, чем стояла. С харчами получше стало, водка подорожала, целину осваиваем, кукурузу сеем. Вам не приказали?

— Пока обходимся. Сталина-то вспоминают?

— Которые по сталинской путевке Колыму осваивали, те и так не забудут. Другие считают, что без него не побе-

дили, как будто Жукова не было... Похоже, управленцы на Никиту злы.

— За анекдоты не сажают?

— Анекдотов много, и за них не сажают. Вы-то как?

— Пока ни шагу назад, а через год домой. Хотя уже не все...

На несколько дней аврал заслонил нас, потеснив даже тяжесть недавней трагедии. Как обычно, при выгрузке множество проблем. Кто-то не учел, что выгрузка будет проходить у нас и на полярке. Какие-то необыкновенной тяжести контейнеры, от которых гнутся грузовые стрелы на судне: в них оказался кирпич, в котором мы не нуждались. Как бы пораньше извлечь из судового чрева табачные изделия для озверевших курильщиков, которые с марта сидят на голодном пайке? И так далее, и тому подобное до бесконечности...

Среди прочего получили дозиметр, вызвавший такой комментарий:

— Вот спасибо! Лучше позже, чем никогда...

— Не каркай! Накличешь еще...

Специально для меня прислали несколько солидных пачек аэрофотосъемки: вот это воистину подарок, лучше некуда! Правда, в ближайшее время я не могу приступить к полевому дешифрированию из-за занятости геодезией, зато позднее смогу развернуться по полной. Хотя это здорово усложнит мою программу, но зато поможет мне по другим направлениям, включая те, где дела идут ни шатко не валко...

Определенно, год назад мы многому научились при разгрузке. Пока на высшем уровне (капитан и старпом от моряков, Чижов с Бажевым с нашей стороны) определялся

порядок подачи грузов на берег, мы также не теряли времени даром. Что значит опыт — оставалось только следить за маркировкой, и когда четверо суток спустя груз был доставлен на берег, мы уже имели полную картину, что к чему, тем более, что потерь не было. Как обычно на подобных авралах, день смешался с ночью, и вскоре желание отоспаться стало доминирующим. Однако позволить подобное мы смогли только в последний день июля, когда весь груз оказался на берегу. Пока мы предавались заслуженному отдыху, за завесой дождевой дымки «Сухуми» осторожно покинул Русскую Гавань, увозя бывшего начальника экспедиции. Человек немало вложил собственных сил, больше в его жизни чего-либо подобного уже не будет, но пожать плодов своей деятельности на Новой Земле ему не было суждено...

Первый день августа выдался пасмурным, один вид тяжелого свинцового моря за струями дождя снова возвращал нас к мрачной действительности. Все вместе мы олицетворяли модель человеческого общества на каком-то важном переломе, от которого зависела наша дальнейшая судьба. Одни уже предвкушают будущее, вскрывая ящики с продовольствием и аппаратурой, радуясь пополнению наших запасов и строя планы на будущее. Другие никак не оправятся от пережитого.

Дядя Саша уже сделал массивный и прочный гроб, механики готовят к нему цинковую оболочку. Сменяясь по очереди, рубим кирками могилу в неподатливой скале у Воронинского створа, откуда открывается вид на всю Русскую Гавань. Доктор для вскрытия тела привлек в качестве ассистента Перова, и они трудятся на морском берегу, где-то в укромном уголке за баней. Потом врач рассказывал, что в легких покойника почти не оказалось воды. Само собой,

надо подготовить массу бумаг для законников, объясняя им очевидные для нас вещи, а также приказы про экспедиции и многое, многое другое. После ужина гроб с телом покойного устанавливается в кают-компанию.

К полудню 2 августа мы прощаемся с погибшим, молчаливо, с непокрытыми головами выстроившись у гроба, установленного в кают-компанию. Далеко не все: отсутствуют наши товарищи, продолжающие свою научную вахту на Ледораздельной (Зингер, Бажева, Генин, Энгельгардт) и на Барьере Сомнений (Давидович и Каневский). Последнюю дань уважения к покойному пришли отдать сотрудники полярной станции во главе с Щетининым. Среди гостей — новый гидролог Анатолий Афанасьев, зимовавший на Северной Земле, очевидно, полярник с опытом, не зеленый новичок.

От базы к могиле тяжеленный гроб несут, сменяясь, восемь человек. Сзади гроыхает трактор с огромным листовничным бревном-обелиском. Гроб плывет над плечами людей, головы которых, несмотря на резкий ветер с запада и косые струи снега, остаются непокрытыми на протяжении всего печального обряда. Холодно и на сердце, и, словно в унисон настроению, на глазах суровеет окрестный ландшафт, все более и более покрываясь снежным саваном. Что-то слишком рано в этом году...

Вот и кончается последний маршрут для Олега, не понадобятся ему больше рюкзак и карабин, а верный ледоруб уже украсил бревно-обелиск. Все заменил деревянный бушлат. У могилы устанавливают бревно-обелиск, приваливая его основание огромными камнями. С трудом удерживая на веревках, опускают в каменистую могилу гроб. Отдаваясь дальними раскатами эха, разрывает тишину троекратный

залп траурного салюта. Под выстрелы радист с полярки успевает сказать мне на ухо:

— Мы-то думали, что это случится с тобой...

Глухо стучат камни о крышку гроба, постепенно растет могильная груда. Сгорбившиеся от пережитого и просто от холода хмурые люди у свежей могилы. С уходом судна для нас начиналась вторая зимовка, принеся очередные испытания.

Глава 3 1958—1959. ВТОРАЯ ЗИМОВКА В РУССКОЙ ГАВАНИ

Не давай ты, боже,
Зимовые службы:
Зимова служба
Молодцу кручина
Да сердцу надсадно!
*Старинная
солдатская песня*

Тот мир стал нашею судьбою.
В том мире нам бывало круто,
Но не было такой минуты,
Когда б мы ка лись с тобой...

*И. Тауфер
(перевод К. Симонова)*

В Арктике свой календарь: не от января до января, а от навигации до навигации, время между ними — зимовка. Начало нашей второй зимовки трудное и невеселое. Большая часть народа оказалась на базе, обнажив поле деятельности на леднике. Со мной предстоит возвращаться Перову и Хмелевскому. Потеря Олега невосполнима: в полевой части его

в чем-то заменит Сева Энгельгардт, при обработке наблюдений — Зингер, часть снегомерной сети придется оставить из-за нехватки сил. На совете экспедиции решено Второй Барьер впредь именовать Барьером Яблонского. Выход нашей группы назначен на 7 августа.

В оставшиеся дни завершаю топографическую съемку окрестностей нашей базы, в которой без помощи речника не обойтись. Не работа, а сплошной психологический этюд: Романов-старший с выражением скуки на лице явно демонстрирует презрение к недостойной его работе, тогда как Романов-младший в роли речника великолепно чувствовал рельеф и всегда становился куда надо. С мензулой на Новой Земле работать непросто: при ветре она начинает парусить, от повышенной влажности бумаги графит карандаша продавливает бумагу, не оставляя другого следа, и т.д. Погода не радует, на леднике снег, видимо, уже не растает, радиосвязи даже с Барьером Сомнений нет. Посетив по пути эту станцию, где непогода задержала нас на двое суток, поведали Каневским о постигшей нас беде.

Очередная ночевка в балке Анахорет, от которого место гибели Олега в полусотне метров. Никаких новых находок, зато все больше ужасающих деталей. Раньше думали, что глубина потока, в который провалился Олег, около двух метров, оказалось — почти шесть. С завершением таяния стала видна система подснежных русел, частично забитых мокрым снегом и фирном. Во многих местах сохранились снежные мосты толщиной до метра. Поставь мы балок в другом месте, можно было бы избежать гибели товарища. Еще одно неприятное открытие: мои вехи, которые я не успел забурить, вытаяли и теперь похоронены под выпавшим снегом. Рискованный труд в значительной степени обесцenen,

вот она, цена опыта! Пока мы тащились к Ледораздельной, мрачные мысли одолевали нас, и даже крайняя усталость не могла их заглушить.

Даже односторонняя связь Ледораздельной с Русской Гаванью благодаря Зингеру, принимавшему «морзянку» на слух (бывших радистов не бывает), позволила остававшейся здесь четверке вовремя узнать о гибели Олега и о нашем предстоящем прибытии. Когда 11 августа вдали показались три силуэта, волочившие за собой сани, никто не удивился нашему появлению.

Обмен новостями из эфира, которых оказалось немало. С опозданием на несколько лет заработала Куйбышевская ГЭС, первая из строек коммунизма. В Брюсселе состоится Всемирная выставка, Международный Геофизический год будет продлен по 1959 год включительно, и таким образом наша вторая зимовка становится реальностью. В Большом мире неспокойно. Мао рвется на Тайвань, в самом Китае бурлит какая-то культурная революция, американцы высадились в Ливане. Политики с Ледораздельной считают, что нас эти события не обойдут стороной. Наше радио поносит Бориса Пастернака за публикацию на Западе клеветнического романа «Доктор Живаго», каким его считает сам Хрущев. Насколько это так, нам понять невозможно.

— С ближайшим сбросом почты узнаем, — прокомментировал кто-то не без иронии. Тем не менее приговор общественного мнения Ледораздельной был таков: скорее всего, антисоветского там не больше, чем в «Не хлебом единым» Дудинцева, а вся официальная критика — обычная пропагандистская склока в верхах, не первая и не последняя. Жене пришлось выслушать немало вопросов на литературные темы, поскольку его отец, известный корреспондент-

известинец, был членом Союза писателей. Вместо ответа Зингер процитировал чью-то старую эпиграмму:

— Все изменяется под нашим зодиаком,
Лишь Пастернак остался Пастернаком.

Потом задумался и добавил:

— Я не большой знаток поэзии, ребята, но те мои знакомые писатели, которым я доверяю, считают Пастернака наравне с Ахматовой великими русскими поэтами...

На этом дискуссия о литературных проблемах среди ледникового покрова Новой Земли себя исчерпала, и мы обратились к более жизненным темам.

Вскоре на экспедиционную базу пешком отправились три человека. Спустя несколько дней «морзянкой» нас известили: «24 августа возвратились Бажева, Перов, Энгельгардт. На днях выезжаем на тракторе. Пешком не выходить. 21-го парходом уехал Ружицкий. Погода плохая, выпал снег. Чижов». В условиях информационного голода каждое новое слово обгладывается и обсасывается в поисках чего-то скрытого и неясного, к последнему относится отъезд Ружицкого: почему? Принимаемся за решение собственных проблем, преимущественно хозяйственных, которые с наступлением зимы приобретают все больше специфический характер.

Вечером 27 августа (в конце лета это понятие в наших широтах обретает свой изначальный смысл) ветер достиг 25 метров в секунду. С рассветом два наших небольших оконца подернуты рябой синевой или плотно прикрыты снегом. Дверь внутрь мы кое-как отворили, и перед нами предстала стена снега, буквально исходившая каким-то дьявольским голубоватым светом. Что за ней — этот вопрос волновал каждого. Между тем струйки мелкого снега с тихим шелестом проникали в наше жилье и оседали на полу и стенах.

Зингер выразительно показал глазами наверх и спросил, очевидно, подразумевая силу ветра:

— Сколько?

Оптимисты склонялись к 15 метрам в секунду, пессимисты увеличили эту величину вдвое. Как и положено отпущенному командиру в сложной обстановке, Женя вполне командным голосом распорядился:

— Дежурному наблюдателю подготовиться к выходу наверх, нервных прошу удалиться.

Дежурным наблюдателем оказался Генин. Напялив на себя все, что можно, и сверх того облачившись в брезентовый ямщицкий плащ, он стал еще более круглым и неповоротливым.

— Ты еще слишком красив, — прокомментировал его сборы Зингер. — Дай-ка я тебя посажу на поводок...

Несчастливого наблюдателя обвязали вокруг живота капроновой веревкой. Оглядев Генина со всех сторон, Женя с удовлетворением констатировал:

— Теперь я за тебя спокоен.

Остальные присутствующие в знак сочувствия по очереди пожимают Валерию руки, и кто-то не преминул добавить:

— Если ты не вернешься, мы будем считать тебя полярником.

Зингер, разумеется, не удержался от очередного жизне-радостного комментария:

— Вскрытие покажет, можешь быть уверен!

Затем ударами лопаты в снежную стену обозначил несчастному наблюдателю путь наверх. Когда под напором ветра в наше скромное жилье ворвалась настоящая струя мельчайшего снега, окатившая присутствующих с головы до ног, выражение их лиц не поддается описа-

нию, но самое выразительное, разумеется, у Генина. Он до отказа затягивает капюшон и со всей решительностью начинает ввинчиваться в открывшуюся дыру головой. Когда в поле зрения присутствующих осталась часть тела нашего товарища ниже поясицы, Зингер дружески похлопал по ней лопатой, благословляя нашего товарища на подвиг. Скоро в снежной дыре исчезли его ноги, и только веревка с шуршанием продолжала уползать в неизвестность. Генин отсутствовал минут пятнадцать — двадцать. При попытке вернуться ему просунули в снежную дыру лопату с явным намеком на дальнейшие действия. Откопав кое-как вход снаружи, Генин наконец, под сочувственные возгласы присутствующих, смог вернуться. Отплевываясь и чертыхаясь, он наконец выдал:

— Ну, дает! 24 метра в секунду... Общая метель, и вообще...

— Содом и геморрой, — закончил за него Зингер. — Поздравляю с успешным выполнением задания и началом зимы! Ты еще раз покрыл неувядаемой славой знамена нашей полярной службы!

Определенно мы оказались в осаде наступившей зимы. Тем не менее вокруг нашего жилья в снегу сохранились галереи, в которых хранились запасы продовольствия и топлива, а вот туалет... Поначалу эта недостойная тема как-то не занимала нас, но ближе к полудню кто-то заявил:

— Кажется, мне придется вылезать, причем скоро...

— Возможно, я составлю тебе компанию, — с деланным безразличием откликнулся второй.

— Мне-то, вообще, не нужно... Но раз люди идут, можно и заодно, авансом, — мотивировал свое решение третий.

Как и положено командиру, Зингер возглавил эту отчаянную вылазку, предварительно связав ее участников веревкой.

Впечатляющим выглядело возвращение всей оравы, когда заляпанные снегом люди возникали в дверном проеме один за другим, путаясь в веревке, одновременно не рискуя выпустить из рук наиболее ответственные детали одежды. Выражались они при этом в духе папаши Бени Крика, которого, как известно, одесские биндюжники считали грубияном. Теперь читателю понятна роль окружающей среды в выполнении таких элементарных нужд, кои в условиях Большой земли просто не достойны упоминания в силу своей низменности. А у нас, видите ли, уже проблема, от которой не уйти! Кстати, в полярной литературе описаны случаи исчезновения людей именно в подобной ситуации. (Например, в «Гостеприимной Арктике» В. Стефансона.)

На следующий день Арктика выдохлась в своих кознях: ветер прекратился, а с ним и метель, установилась вполне приличная видимость. Используя установившуюся погоду, я выставил вдоль теодолитного хода десятки дополнительных вех: так возникла «трасса жизни», теперь с нее не сбиться в самую гнусную погоду, чем и ограничились мои достижения на ледоразделе.

Погода на исходе августа позволила направить к нам 29 августа трактор с грузом угля, провианта и, само собой, с почтой и посылками. К нам это транспорт добрался лишь 2 сентября, высадив по дороге Энгельгардта и Дебабова для перебуривания вытаивавших снегомерных вех и замеров на них. Приехавшие, поделившись новостями, объяснили отъезд Ружицкого на Большую землю последними административными веяниями, причем далеко не фатальными. Определенно в сентябре наблюдалась активизация научной деятельности.

Нашу активность прервала очередная серия термоядерных испытаний, наподобие тех, что проходили год назад,

но подольше и поинтенсивней. Первый же взрыв вызвал детонацию отборного мата, и было от чего: снова перерыв в наблюдениях, опять переход от изматывающего напряжения к развращающему безделью, чем я воспользовался для камерального дешифрирования. Сразу получил картину оледенения далеко за пределами бассейна ледника Шокальского, многое стало понятно, еще больше вопросов возникло на будущее, причем кардинального плана. Остается главная проблема: почему ледник Шокальского не отступает, тогда как все оледенение Новой Земли вместе с остальной Арктикой катится в тартарары? Определенно анализ аэрофотосъемки позволит ответить на этот вопрос, хотя бы частично. Даже беглый просмотр показал совершенно отчетливые признаки асимметрии оледенения на пространстве от Баренцева моря к Карскому, но как бы их выразить в ближайшем будущем на количественной основе?

Пока нас больше заботит перспектива восстановления Ледораздельной в условиях наступившей полярной ночи. Какие мелочи наши заботы для людей, определяющих сроки и цели термоядерных игрish во имя мира во всем мире или во имя свободы и демократии тоже во всем мире! С нашего оледенелого острова трудно определить, насколько эти испытания нужны стране и народу, но если там, наверху, не смогли достойно развести наши военную и сугубо мирную научную программы, возникают серьезные сомнения в части способностей власть предержащих и во многом другом. Прав оказался покойный Олег — нас использовали как прикрытие, не спросив нашего желания. Просто наш замечательный ВПК уподобился средневековому королю, который, как известно,

Судил он и правил с дубового трона
Не ведая правил, не зная закона.

Когда выяснилось, что законы истории и экономики распространяются и на него, вместе с советским ВПК перепало по полной и стране, и всему советскому обществу, переставшему существовать в первоначальном виде. Разумеется, и былой советской науке... Утверждаю, что уровень радиации оказался удивительно низким, тем более что с радиометром пришлось работать мне. Стратеги из бухты Володькиной пришли в выводу, что испытывались так называемые «чистые бомбы», особо поносимые советской пропагандой той поры. Кое-как всеми правдами и неправдами, порой нарушая все, что можно нарушить, мы обеспечили работу самописцев на Барьере Сомнений, тем самым сохранив хотя бы там непрерывность наблюдений. Довольно просто решили проблему водоснабжения базы: вытащили трактором на берег парочку айсбергов, каждый размером чуть побольше домиков наших стационаров. В последних числах октября, не дожидаясь конца испытаний, стали готовить санно-тракторный поезд на Ледораздельную.

Если подлая судьбина бросила нам вызов, мы его приняли. Это было нормальное человеческое стремление самим определять свою судьбу, противоречившее всем канонам тогдашней поры. Остановить нас мог только особый отдел полигона, до которого было далеко, а скорее всего, ему было тоже наплевать на нас. Общий настрой к тому времени был какой-то мрачно-отчаянный. С таким наши отцы, расстреляв последнюю обойму, вероятно, шли в последнюю штыковую.

Лично меня дурные предчувствия не обманули. Уезжая в сентябре с ледника, я не успел замерить всего два угла на теодолитном ходу. Пожертвовать им я не мог, и это стало причиной одного из тех приключений, от которого до тра-

гедии (если повезет) — только шаг... Спустя десятилетия от чтения страниц дневника той поры по спине пробегают мурашки, тем более что дневник четко зафиксировал происходившее:

«02.11.58. Балок Анахорет. Вчера приехал сюда санно-тракторным поездом для окончания работ на теодолитном ходу. Очень боюсь, что погоды не будет в течении трех-четырёх ближайших суток, а это значит — ход погибнет... На стенах балка моя переписка с Олегом. Бедный Олег — место его гибели в каких-нибудь пятидесяти метрах от моего ложа».

Ноябрь — месяц боры, на побережье в среднем 17 суток с бурным ветром и, соответственно, с метелью, а также начало полярной ночи. Год назад я бы не решился работать в таких условиях. К балку Анахорет меня забрасывали попутно, вместе с очередными зимовщиками Ледораздельной (Каневские и Романов-старший). С ними для завершения работ отправились Чижов, Перов, Хмелевский и Энгельгардт. От моего жилья до ближайших пунктов наблюдений километров шесть, причем балок стоит в низине, и, возвращаясь, каждый раз приходится отыскивать его заново, а погода не давала мне надежды на будущее. Неудивительно, что с возвращавшимся трактором Чижов предоставил мне свободу выбора — возвращаться с трактором или оставаться в ожидании трех последних пешеходов с Ледораздельной. Я выбрал последнее, однако мои походы к вехе Край на самом конце теодолитного хода из-за погоды остались безуспешными. В одном из таких выходов сжег лампочку в фонарике, так что теперь я уже не мог рассчитывать на успех.

Хотя балок оставался надежной защитой от непогоды, в нем было мало продуктов и топлива. Экономя последние

свечи, оставалось лежать в темноте и прослушивать полярную ночь с бесконечным шелестом поземки и шумом ветра, которые своим постоянством и плавными переходами лишь подчеркивали безмолвие гигантского ледника и гор за пологом темноты. Страницы дневника отражают настроение тех дней: «Звук разгорающейся печи, потрескивание высыхающего дерева, оседание тающего снега в ведре воспринимаются диссонансом на фоне усыпляющего шелеста метели. Порой как бы слышатся чьи-то осторожные шаги, хруст снега под чьими-то ногами и даже отдаленный разговор... Даже с рассветом в серенькой мгле, когда трудно отличить снежную поверхность от низкой облачности, нет ни горизонта, ни огонька, ничего напоминающего человеческую фигуру». Определенно нервные перегрузки тех дней отчетливо давали о себе знать.

Утро 9 ноября не предвещало ничего нового — низкая облачность скрывает Барьер Яблонского и задерживает рассвет. Затих ветер. Робкие сумерки около десяти часов, и, неожиданно, около полудня словно поднялся занавес: открываются горы ЦАГИ и Бастионы, видно даже море на севере, до которого более двадцати километров. На юге отчетливо вырисовывается Барьер Яблонского, окрашенный светом зари. Еще через несколько минут я увидел три далеких силуэта, медленно скользивших по ледяному склону посреди моря заструг. Наконец-то! Пока люди на подходе, готовлю праздничный обед, не жалея продуктов. Торопливый и сбивчивый обмен новостями. С надеждой выпрашиваю — нет ли фонарика? Тут же сговариваюсь со Всеволодом после еды бежать на работу. Если бы знали, на что идем...

Пока добирались до вехи Край, сумерки сгустились до глубокой синевы, на небе высыпали звезды. Подмораживает,

но на это мы не обращаем внимания. По-прежнему тихо, а главное, сохраняется видимость. Работали так: Сева бежал на соседнюю вежу, на которую ставил зажженный фонарик, а я наводил на дальний огонек расфокусированную трубу теодолита, чтобы можно было разглядеть в поле зрения сетку нитей. Затем Сева возвращался бегом ко мне, чтобы подсветить микрометр, по которому я снимал отсчет. Так повторялось несколько раз — и за полтора часа мы успешно отнаблюдали оба угла.

Работа спасена буквально в последний момент! Настроение успеха переполняет нас, погода великолепная, но когда осторожно начинает тянуть ветерок с юга, появилась мысль: уж не бора ли напоминает о себе? Затем возникает поначалу такой вкрадчивый шелест поземки. И в этот момент в фонарике перегорает лампочка.

При вспышках спичек, гаснувших на ветру, отыскивали мой старый лыжный след и, проверив его направление, двинулись к балку. На всякий случай я отметил время — 17 часов 30 минут. А ветер стремительно набирал силу, видимость, с учетом наступающей темноты, сократилась метров до ста, но звезды позволяли уверенно выдерживать направление, да еще по ветру, подгонявшему нас в спину.

Спустя час мы оказались в районе балка, но обнаружить спасительное жилье нам так и не удалось. Несколько раз за огонь в окошке мы принимали низкие звезды за завесой метели, и наше положение ухудшалось с каждой минутой. Пошли зигзагом, отклоняясь к западу в надежде наткнуться на тракторный след, но безрезультатно. Спустя полтора или два часа мы убедились в бесперспективности поисков. Тогда встал вопрос, что делать: теряя с каждым часом силы, продолжать поиски балка или же марш-броском устремиться

к побережью (всего-навсего 25 километров!), где, определив свое местоположение, выходить к базе? Третьего не дано, хотя оба варианта — на грани смертельного риска, даже если в нашем положении терять нечего. Второй вариант предпочтительней, причем приступить к нему надо немедленно, не теряя времени. Голова работает ясно и четко, выдавая все за и против.

Сколько продлится бора — неизвестно. У Всеволода неважная одежда — штормовка, одетая на свитер, да и за спиной у него на десяток километров больше, чем у меня. Я одет теплее, меньше устал, лучше хожу и, пожалуй, лучше знаю район. Зато у меня больше груза (теодолит и карабин), а главное, я хуже вижу, очки то и дело забивает снегом. Через несколько часов мы будем в таком состоянии, что вытащить один другого уже не сможет. Значит, первый выбившийся из сил поставит на грань гибели и себя, и напарника. Сева возражает — люди в балке будут беспокоиться о нас. Это верно, но они в безопасности, а мы...

Около двадцати часов мы приняли общее решение и пошли на север к морю, выдерживая направление по вполне надежным ориентирам — звездам и ветру. Бора задует практически по неизменному направлению, по которому соориентированы и заструги. Очень надежный ориентир, благо он отчетливо нащупывается с каждым шагом подошвами. Ни черта не видно, видимость, по-видимому, всего в пределах пятидесяти метров. Главное для нас — выдержать направление: не уйти ни влево (там трещиноватые уступы Барьера Сомнений), ни вправо, в зоны трещин соседнего ледника Чаева. Дополнительный контроль — время. Однако часы у Севы без светящегося циферблата, отчего за ночь мы сожгли уйму спичек.

На ходу прикидываю: проходим траверс гор ЦАГИ, скоро Барьер Сомнений останется у нас левее. Если я не допустил ошибки, мы спустимся по его правому участку, лишенному трещин. Если ошибусь — Арктика приведет свой приговор в исполнение немедленно. Скоро поверхность ледника у нас под ногами стала заметно круче, больше оказалось и метелевого снега: все правильно, значит, мы на верном пути. Наши шансы пошли заметно вверх, но как раз в это время Сева стал заметно сдавать, отставать, шататься на ходу. Резко сбавили темп, чтобы не потерять друг друга, пошли под руку, словно парочка на прогулке. А бора, похоже, только набирает разбег, ветер все сильнее толкает и бросает нас с разгону из стороны в сторону. Практически мы ослеплены, и тем не менее, похоже, самое страшное место мы миновали.

Кризис наступил, когда мы подошли к краю ледника. За завесой метели совершенно неожиданно выросла темная, угловатая каменная масса. Морена, коренные породы? Всеволод почему-то считает, что мы оказались на Бастионах, что я посчитал невозможным. А вот и гурий: скорее всего, мы на Перевалке. Если не так, до утренних сумерок, в которых возможно определить визуально, нам не продержаться. Именно в это время у обоих начались галлюцинации, причем коллективные, когда мы оба видели огни жилья. Однако, преодолев это наваждение, мы продолжили наш путь к побережью, порой ковляя среди несущегося снега и пронизывающего ветра, по каменистому склону, уводившему куда-то в поднебесье. Сева то и дело исчезал за завесой метели. Ветер озверел, никак не меньше 30 метров в секунду. Мой напарник снова и снова просит об отдыхе, а я, обещая ему вот-вот найти подходящее укрытие, увожу за собой, как считаю, к базе. Оба тащимся из последних силенок, и друг...

Прямо под нами — высоченный отвесный скальный обрыв, присыпанный слегка снежком, скалы буквально из-под ног обрываются крутым уступом в темноту, за которой проглядывает пятнистая от снега прибрежная равнина, переходящая вдали в монотонную морскую поверхность. Справа и впереди — отчетливые проблески маяка, который словно не на месте. Куда же нас занесло? Мысленно пропускаю в памяти всевозможные варианты открывшейся местности, отдельные компоненты которой пока не складываются в единое целое... Неожиданно расшифровываю каменный неподвижный массив слева: это же гора Ермолаева, причем с такого направления, с которого я ее ни разу не видел! Дальше все складывается само собой. Маяк задний створный у полярной станции, передний почему-то не горит. А мы стоим на гребне гор Веселых, в шести километрах от базы по прямой. Неужто спаслись?

Такой вывод мог оказаться преждевременным, поскольку спуск по двухсотметровому обрыву мог закончиться совсем иначе, чем закончился. Где-то мы кувырком летели по каменным кручам, где-то скользили по снежникам, в безнадежной попытке использовать карабин вместо ледоруба. Для меня этот спуск-полет завершился в каменистой осыпи, где я оставил изрядный кусок штормовых брюк и толику собственного мягкого места. Дешево отделался!

Оставшиеся километры мы медленно тащились, проклиная на все лады непогоду, полярную ночь, Арктику, центр весеннего (а заодно и осеннего) равноденствия, все вместе и каждое в отдельности. Ветер на подходе к базе совсем ослаб, не было уже ни намека на метель, и, расслабившись, постепенно теряя силы, мы тащились от одного знакомого ориентира к другому, временами оглядываясь на гигантский

снежный шлейф на гребне гор Веселых: последний привет ледника тем, кого он выпустил из своей пасти в ту сумасшедшую ночь. В четвертом часу 10 ноября мы, словно два белых призрака, наконец дотянули до базы.

К нашему возвращению здесь оставалось всего пять человек во главе с Зингером, которому Чижов препоручил хозяйство. Через несколько часов Коля Неверов на тракторе предпринял отчаянную попытку прорваться к балку Анахорет, чтобы вызволить оставшихся там людей. Однако дальше горы Ермолаева нашему отважному трактористу пробиться не удалось — метель там продолжала лютовать. Для людей в Анахорете мы с Севой оказались пропавшими без вести, практически без шансов остаться в живых. Когда через трое суток трактор все-таки добрался до цели и из него живым и здоровым выпрыгнул Сева Энгельгардт, Чижов с Хмелевским едва не приняли его за выходца с того света, мысленно простившись с нами обоими.

Ночные приключения не прошли для нас без последствий, причем Всеволод восстановился быстрее меня. Мое главное впечатление от пережитого — ощущение потрясения, хотя мы сумели реализовать тот минимум удачи, который Арктика оставила нам. Год назад исход был бы однозначным. Дело не просто в везении. Я отнесся к пережитому по-солдатски: радуйся, что живой... Тем не менее из полевой деятельности я на время выбыл.

Записи в дневнике после пережитого скупы и отрывочны, но в целом рисуют картину деятельности экспедиции, запущенной на полный ход. Вернувшись, Чижов организовал систему докладов специалистов о проделанной работе с выводами на будущее на основе полученного материала. Пока могу утверждать, что наша станция Барьер Сомне-

ний смещается к фронту ледника со скоростью порядка 80 метров в год, причем скорость движения льда ближе к фронту ледника возрастает примерно вдвое, а на самом трещиноватом Барьере Сомнений, — видимо, вчетверо. Отчетливая разница в скоростях также на поперечном створе, причем лед у подножия гор Бастионы движется гораздо быстрее, чем у Перевалки. Определенно фототеодолитная съемка, успешно применяемая на Кавказе и в Тянь-Шане, — не для наших условий, пусть ею занимаются другие.

Ближайшие задачи на будущее: повторные наблюдения на пунктах геодезической сети для получения более детальной картины движения льда. Промер со льда позволит объяснить причины стационарности фронта ледника Шокальского. Пока длится полярная ночь, можно будет приступить к камеральному дешифрированию аэросъемки, прибывшей на «Сухуми», а с наступлением светлого времени можно будет продолжить ее уже в поле. На этом небогатом фоне надеюсь поправить положение новой информацией в части форм ледников и их колебаний. К такому варианту коллеги относятся с изрядной долей скепсиса, поскольку, по их мнению, по этой тематике все сделано еще Ермолаевым. Мне трудно согласиться с этим, ибо наш предшественник не располагал аэрофотосъемкой и современными картами. В любом случае мой баланс затраченных сил и результатов далек от идеального.

Отрыв от Большой земли сказывается все больше и чаще. Для многих связь только по радио там, в Москве, видимо, не устраивает наших друзей и знакомых, как и перерывы в почте, последний сброс у нас был летом. Соответственно, связи нарушаются, постепенно кто-то нас забывает, а кого-то — мы. Действительно, ведь Арктика подходящее место для забвения.

Страшно вспомнить, как мучился Олег, мы все вместе ненавидим предмет его страданий, хотя большинство из нас ее не видело и не увидит эту женщину, на это у нас свое полярное право, даже если она не подозревает об этом.

Многие наши родственники, друзья и подруги на Большой земле не представляют наших реалий. Недавно кок получил телеграмму: «Дома неблагополучно. Выезжай ближайшим поездом...» У нас же — что до ближайшей железнодорожной станции, что до Луны. А люди послали отчаянную телеграмму не случайно, Женя ходит опустив голову, а начальник экспедиции пытается объяснить его родным по радио, почему возлюбленное чадо задерживается вопреки общему желанию. С письмами не лучше. Вероятно, проклятья в адрес авиации несутся со всей Новой Земли. Не любят авиаторы наш остров с его сложным режимом ветров. Пару месяцев назад едва не долетели, но повернули чуть ли не в пределах видимости, отделавшись извинениями: «Сильные броски, рвет управление из рук». Нам ли не понять и не посочувствовать, причем вполне искренне, даже если Новый 1959 год на носу.

Есть высшая справедливость на свете! Утром 25 декабря, впервые за много месяцев, мы услышали долгожданный гул авиационных моторов и тут же бросились на полярку. Судя по тому, что на полярной станции освещение включили буквально в последний момент, самолет заходил по радиопеленгу. Снижаясь, он описал широкий круг уже на малой высоте. Когда радостный гул моторов достиг своего максимума, экипаж включил мощную осветительную фару и конус слепящего света заставил нас остановиться. Звук удаляющейся машины известил, что в нашей жизни случилось нечто новое и интересное.

На полярке нас ожидала радостная картина в виде груды журналов, газет и долгожданных писем, громоздившихся на столе в кают-компании. Среди мельканья рук чей-то голос чередовал имена полярников вперемежку со словом «экспедиция». Чем чаще оно повторялось, тем теплее становилось на душе.

С нашим возвращением какие-либо работы на базе прекратились, и из комнат слышен только шелест страниц, прерываемый порой темпераментными восклицаниями. Похоже, что жизнь на Большой земле после XX съезда обрела некий новый смысл, и в духовной сфере, и в материальной. Все москвичи после распределения вернулись в столицу, один я зацепился своими меховыми штанами за последние параллели планеты. Все жалеем Каневских с Романовым — в лучшем случае они только видели самолет над головой, возвращающийся на Диксон.

Определенно приближение Нового, 1959 года наполнилось каким-то новым смыслом. Ведь теперь нам предстояло возвращение на Большую землю, к родным и близким, заждавшимся нас. Определенно Большая земля в своем внимании к нам превзошла саму себя. Через день нам обещана передача с выступлениями родных и близких. Четыре разных частоты объявлены нам заранее на разных диапазонах, так чтобы избежать магнитных бурь и прочих коварств Арктики. В назначенное время все струдились по комнатам у своих радиоприемников в попытке обрести уединение в общении с дорогими людьми.

Сжавшись, я выслушал поздравления с достижением жизненной цели и пожелания избежать разочарования. А еще я услышал боль ожидания и горечь разлуки за словами о том, что все родные живы и здоровы. Матерям ли убеждать сыновей,

что они любят и ждут! Долго не мог прийти в себя, испытав то состояние, которое на другом краю Арктики другой полярник назвал «сегодня ты без спирта пьян». И так, видимо, с каждым из нас. Всеобщий восторг вызвал вопрос дочери нашего парторга, навеянный полярной тематикой: «Если есть мамы и мамонты, почему нет папонтгов?» Вполне заслуженно североведы МГУ объявили Каневских полярниками из полярников, раз им выпало встречать Новый год в самом сердце страны Белого безмолвия, в чем, несомненно, были правы.

Последние страницы дневника накануне наступления Нового, 1959 года: «Прощай, старый! Мы крепко запомним тебя трудным, даже тяжелым, но необходимым. А в Новом, который наступит через несколько часов, мы вернемся домой. Уже от одного этого хочется вопить “ура!” до хрипоты».

Люди бреются, стригутся, приводят себя в человеческий вид. Я, Женя и Ляля рисуют флаги стран-участников МГГ, приобщаясь, таким образом, к единству мировой науки без политических и социальных преград. Зингер, как работник идеологического фронта, изготавливает плакаты типа «Вперед в Москву!» или «Выполним МГГ досрочно!», несомненно, самого вдохновляющего свойства. Ощутимо почувствовали, насколько Новый год — праздник семейный, и поэтому встречали его на этот раз на базе. Все по-другому, чем год назад, — и настроение, и ожидания, и мысли, устремленные к дому и Большой земле. Уже в наступившем году обменялись визитами с полярниками Главсевморпути.

Праздник кончился, начались будни, хотя осталось своеобразное «послевкусие» последних событий, прежде всего сброса почты, позволившее нам по-своему приобщиться к жизни Большой земли. Не только снова и снова перечитываются письма, но тщательно штудируются газеты и жур-

налы. Большинство заболели сообщениями о последних культурных новостях, включая художественные выставки, о которых мы можем, правда, судить лишь по иллюстрациям в «Огоньке».

— Смотри-ка, Рерих. Ты что-нибудь слышал о таком?

— Нет, не помню такого по Третьяковке.

— Совершенно необычные краски. Больше горы, Гималаи, Тибет, Индия и вообще Восток. Сильный художник. Вернусь, надо будет познакомиться получше. Еще ранняя Русь. Судя по письму, начало века.

— Смотри-ка, а вот и Арктика! Какой-то американец по имени Рокуэлл Кент. Такого знаешь? Явно писал с натуры, хотя, чтобы судить по-настоящему, надо посмотреть сами картины. Что-либо слышал о нем?

— Нет, но картины посмотрел бы с интересом. Или у него другая Арктика, или другое восприятие. Тебе не кажется?

— Пожалуй, действительно другая. Мы уже никогда не увидим ее глазами посетителя художественного салона или вернисажа. Она у нас в печенках, как профессионалы, мы воспринимаем ее с позиций преодоления и пережитого...

— А как тебе нравится современный жанр? Смотри-ка, сценка в метро. Фамилия Жилинский тебе что-либо говорит?

— Действительно, простенько и со вкусом... Надоели героические позы. Наконец-то обычные простые люди, по которым мы соскучились. Еще новое имя — какой-то Илья Глазунов. Пишут о портрете Ленина, который знает о делах своего преемника...

— Актуализмом нас не удивишь. Поживем — увидим...

Неожиданно беседа любителей живописи нарушается. В коридоре с треском распахивается дверь и зычный голос возглашает:

— Кок! Дуй сюда — тебя в журнале пропечатали!

На такую новость реагируют сразу несколько человек вместе с Дебабовым:

— Ты смотри... Автографы раздает и даже при галстуке-бабочке!

— Кок! Во-первых, признавайся в том, что ты не Евгений Дебабов, а некто Ван Клиберн. Во-вторых, каким образом ты одновременно присутствовал на Ледораздельной и участвовал в конкурсе пианистов имени незабвенного Петра Ильина? Как удалось? И помни — раз оправдываешься, значит, виноват!

— Действительно, похож... Женя, вернешься на Большую землю, девушкам не отказывай в автографах.

В кают-компании разговоры протекают в более строгом русле, хотя и с многочисленными сугубо полярными отклонениями.

— Представьте, выходит «Идиот» в постановке Пырьева. Достоевский на советском экране — невероятно!

— Скорее невероятно, что режиссер «Кубанских казаков» взялся за мировую классику. Женя, еще одну отбивную, пожалуйста. Ты сегодня медвежатину в уксусе вымачивал? Если я правильно понял, будут издавать или даже издали Бунина.

— Какого Бунина? Белогвардейского эмигранта?

— Ну, вы скажете... Не белогвардейца, а крупнейшего, если не великого русского писателя на уровне Чехова или Льва Толстого...

— Солнышко выскочит, пойду тюлешек постреляю, печенки отведаем. Ребят, а я в наших развалах нашел «Конь вороной» Бориса Савинкова. Написано во Внутренней тюрьме на Лубянке. Страшно интересно...

— А главное, не так, как в «В кратком курсе»...

— Никогда раньше не читал — какой-то Юрий Казаков.

Отменная проза, причем очень тонкая, человечная...

С дальнего конца стола кто-то интересуется:

— Кто слушал последние известия?

— Плохая проходимость, сплошное хрюканье. Разобрал, что наши запустили ракету на Луну, а на Кубе повстанцы вошли в Гавану во главе с каким-то Фиделем Кастро.

Если в наших разговорах постоянно присутствует Большая земля, — это неудивительно, ибо реализация того, что мы получили в Арктике (прежде всего достойное место в науке), произойдет именно там, причем строго по Твардовскому: «Кому память, кому слава, кому темная вода...»

В последние дни необыкновенные полярные сияния. Даже «старички» с полярной станции, начинавшие свою полярную службу еще в 30-е годы, таких не припоминают. Чтобы не повторяться, привожу описание из записок Е.М. Зингера: «Вечером 8 января было совершенно незабываемое зрелище — полярное сияние в форме драпри и короны. Такой дивной гаммы цветов мне никогда прежде не приходилось наблюдать в Арктике. Здесь были красный, зеленый, оранжевый, желтый, фиолетовый, белый и другие цвета. Над нашими головами растянулся колоссальный занавес. Казалось, что космическое шелковое полотнище трепещет на ветру. Затем все лучи собрались в одной точке в зените, образуя корону. Но особенную красоту придавал этому полярному сиянию какой-то необыкновенный рубиновый свет. Ни цветное кино, ни фото, никакая акварель не смогли бы передать этой волшебной картины, менявшейся с чрезвычайной быстротой. Глаза не успевали следить за изменениями небесной живописи». Определенно мой това-

риц создал одно из лучших описаний этого явления, одновременно художественное и реалистичное. Что и говорить, есть особый шарм в этом сугубо полярном зрелище. Красота, недоступная обитателю Большой земли, даже не подозревающего о существовании таковой в высоких широтах.

Могу только добавить: очень помогает маршрутнику в ночном переходе. Если сияние охватывает половину небосвода, уже можно читать самый мелкий текст. А когда светит со всех сторон — исчезают тени и окружающий ландшафт отдает чертовщиной. Такое было время — Международный Геофизический год, когда воедино слилась активность природных процессов с общественными, задав нам заряд энергетики на будущее и одновременно потребовав от нас напряжения всех сил.

К концу января я восстановился от перегрузок прошедшего полевого сезона. Я снова чувствую интерес к окружающему суровому миру за пределами базы, которая начинает надоедать, снова хочется окунуться с головой в превратности маршрутной жизни. Вычисления полевых наблюдений я благополучно завершил в январе по новой схеме, на которую потратил немало сил и времени, зато получив надежный контроль вычислений, который пригодился в будущем. По опыту прошлого года — февраль не для геодезических наблюдений, тем лучше его использовать для работ на припае. Подготовил обоснование и план работ на промер со льда перед фронтом ледника Шокальского. Не могу сказать, что мои предложения встретили в коллективе единодушное понимание.

Еще одно обстоятельство подвигнуло меня на поиск приключений в полярной ночи — появление на базе дяди Саши, или Романова-старшего. Объяснение его самое простое: надоел я этим женатикам до полусмерти. Обеспечил

их всем необходимым, больше им не нужен, пусть радуются и любятя без меня. Примерно таким же образом объясняет его поход и письмо Каневских. Силен, однако, наш Романов-старший, с его опытом промысловика, солдата и землепроходца, можно позавидовать его правилу принимать ответственность на себя. Думаю, что у Каневских остался соответствующий оправдательный документ за подписью нашего дяди Саши.

Дневник сохранил характеристику переживаемого сезона: «Удивительная зима в этом году. За весь декабрь — январь всего две-три боры, каждая продолжительностью в пределах суток. Необычно». Дорого обошлась нам эта необычность уже в самом ближайшем будущем!

Это на Большой земле февраль — кривые дороги, а у нас сплошное бездорожье, тем более, что любые ссылки на непогоду — не для новоземельцев. Возродившийся совет экспедиции отвел мне на мои дела две недели, из инструментов выделил наряду с санями СП-2 (расшифровка самая жизнерадостная — смерть полярнику, двум сразу) ледовый бур и лебедку Кузнецова с тросом на барабане для промера со льда. В качестве помощника со мной отправился Романов-младший, благо налаженные им печи на базе не требовали какого-либо вмешательства.

Раньше сядешь — раньше выйдешь, проводили нас мудростью недавних времен с весьма своеобразной песней, отбивая ритм подошвами под столом и ладонями по столу, исполненной хриплыми, не слишком стройными голосами, вместившей в себя одновременно заряд ярости, отчаянной надежды и насмешки, с текстом, не предназначенным для женских ушек. Из гуманных соображений ограничусь лишь двумя первыми строками:

Океан шумит угрюмо,
Грозно пенится волна...

Воодушевившись этим своеобразным гимном сорвиголов, не признающих ни бога, ни черта, мы отправились в путь. Теперь нам предстояло осваивать окрестности Русской Гавани заново в совершенно новой обстановке. Ширина залива Откупщикова перед фронтом ледника Шокальского, где нам предстояло работать, около пяти километров — это место памятно по «вояжу» в шлюпке вместе с начальником полтора года назад. Сплошная ледяная стена, вкривь и вкось перебитая трещинами, от которой время от времени рушатся айсберги, от звонкого удара которых по припаю почему-то хочется подпрыгнуть и заорать: «Мама!» В самой прифронтальной полосе, где припай испытывает воздействие ледника, располагаются растрескивавшиеся ледяные валы высотой в несколько метров, частично занесенные снегом. Сами валы состоят из отдельных блоков припая толщиной около метра, которые порой еле держатся, чуть соприкасаясь друг с другом. Своеобразная коварная мышеловка, потому что при попытке взобраться на такой вал легко рухнуть вместе с ледяным блоком в воду, и тогда последнее, что ты увидишь в своей жизни, замерзая, — кусок неба в кровле припая, до которого просто не дотянуться. Наглядно — дальше некуда! В таких местах риск превышает разумные пределы. Дальше к выходу из залива под низким сумрачным небом в сумерках приближающегося рассвета вырисовываются неподвижные туши айсбергов, тут и там вмороженные в припай.

За зиму на припае накопилось много снега, в котором бора, словно искусный скульптор, изваяла за зиму тысячи и тысячи неповторимых заструг, устремленных ко входу

в залив. Их высота порой до пояса, и карабкаться по ним с санями на буксире — удовольствие небольшое. Разумеется, под ними могут оказаться и трещины, а также тюленьи лунки, провалиться в которые ничего не стоит. До первого появления солнца — еще две недели. Работать нам предстоит большей частью в сумерках, а порой и ночью. Это помимо метелей, поземок, туманов и прочей надоевшей экзотики, ставшей привычной.

В полутьме провешиваем основную промерную магистраль, отмечая ее положение вехами, створ которых задаем двумя мощными аккумуляторными фонарями. Ориентируясь на них, продолжаем створ в глубь залива. Расстояние отмериваем пятидесятиметровым телефонным проводом. Ошибиться на этой стадии нельзя. Позднее, когда светлого времени прибавилось, я проверил эту предварительную работу теодолитом, все совпало. Начав работу в темноте, мы, несмотря на выпавшие трудности, выиграли время.

Работали с азартом и практически каждый день, хотя февраль оказался щедрым на атмосферные безобразия. Пять циклонов за две недели один за другим терзали Новую Землю вкривь, вкось и даже поперек, не давая нам пощады. На этот раз нас мучили не морозы и даже не окаянная бора, с которой мы уже свыклись. Сплошь и рядом мы имели дело с теплым фронтом, когда легкий теплый воздух вползал на окраину Новой Земли сначала по клину холодного и тяжелого приземного воздуха, а затем проливался на нас немилосердным дождем, замерзавшим на нашей одежде ледяной броней. Определенно в своем коварстве Арктика явила нечто новенькое.

Надо отдать должное моему напарнику. В отличие от своего отца Романова-старшего, дядя Вася не был столь

заметной фигурой в нашей экспедиции. Молчаливый, не склонный к внешнему проявлению чувств, в то же время он ни разу никого не подвел. Поначалу Василий делал то, что я ему указывал. Не возражал он, когда я выводил на работу в самую гнусную погоду, когда мне хотелось, чтобы кто-нибудь остановил бы меня самого. Правда, поначалу он с опаской оглядывался, когда за завесой мокрого снега исчезали береговые огни, но со временем приспособился к новой обстановке, тем более что я старался показывать ему, что мы контролируем ситуацию. Со временем он чаще стал проявлять собственную инициативу и даже в самых сложных ситуациях вел себя вполне достойно. Как полевой работник он держался совсем неплохо и стойко переносил выпадавшие на нашу долю трудности. Благородное честолюбие двигало моим помощником, который, выражаясь языком былых времен, «явил рвение по службе», и своим успехом в работе на припае в феврале 1959 года я во многом обязан ему, но не только. Начальник полярной станции Г.Е. Щетинин вынужден был терпеть на своей ограниченной жилплощади двух постояльцев-нахлебников. Немалую помощь оказал нам гидролог Анатолий Афанасьев в виде советов и консультаций, во многом определивших успех работы. Вместе с нами он занимался мелким ремонтом нашей лебедки и другого инструментария и был полезен во многих других отношениях.

Мы так были заняты своим делом, что прозевали появление солнца, хотя отметили, как заснеженные гребни гор вдруг приобрели багровый оттенок. Уже вернувшись для ночевки на полярку, узнали, что ее население видело солнце. Само по себе это сообщение не вызвало у нас особого интереса. В том, что солнце обязано появиться строго по Астрономическому еже-

годнику, у нас не было сомнений. Другое дело, что на припае его скрывал от нас высоченный фронт ледника Шокальского. Колеблющийся красный шар за завесой несущегося снега мы увидали, когда работа близилась к концу.

— Солнце, — между двумя затяжками констатировал мой напарник. Совсем как год назад, я подумал, что солнце-поклонников из нас не вышло.

Мы получили совсем неплохие результаты. Теперь мы знаем толщину ледника в прифронтальной части, которая, кстати, сидит на грунте, а не на плаву. Тем самым появилась возможность оценить расход ледника на айсберги в балансовых расчетах. Возможно, это главное достижение в том, что мы сделали в феврале 1959-го на припае в Русской Гавани.

Среди прочего узнали, что в средней части фронт ледника упирается в моренный вал на дне залива Откупшикова, — еще один довод в пользу малых изменений ледника. Еще одна конечная морена располагается несколько севернее. Все вместе означает, что по сравнению с наблюдениями экспедиции М.М. Ермолаева в 1932—1933 годах положение конца ледника изменилось мало, что не просто требует ответа, а буквально взывает и вопит — почему? Особенно в сравнении с ледниками в заливе Иностранцева (всего в 100 километрах восточнее), отступивших за 1933—1952 годы на целых восемь километров! Пока непонятно, но объяснять-то все равно придется.

Воистину, наша программа, составленная в Москве, — отнюдь не «Устав» или «Краткий курс» (как полагал бывший начальник), а лишь перечень тем, подлежащих решению. Каким образом, решать исполнителям, чего не понимал бывший начальник. Тем более, что время неумолимо и до конца экспедиции его остается совсем немного. Все это я высказал

на Совете экспедиции, где наш отчет о работах на припае был принят, я бы сказал, благосклонно и с интересом.

Впереди вырисовываются события, от которых голова идет кругом. Предстоит вывозить с Ледораздельной Каневских, проводить повторные наблюдения на снегомерной и геодезической сети, вести бурение для термометрической съемки и т.д. и т.п., всего не перечесть. При завершении экспедиции следует действовать вдумчиво и осторожно, чтобы не напортачить под занавес. На этом общем фоне произошло еще одно примечательное событие с оттенком юмористическо-бытового характера. Долгое время среди «научников» шли споры, как понимать утверждение М.В. Ломоносова о том, что зимой «на Новой Земле и Шпицбергене из-под ледяных гор ущелинами текут ручьи и речки»? Наш главный термометрист, осторожный Иван Хмелевской, до завершения всего комплекса наблюдений не торопится высказываться на эту тему. Но однажды Олег Павлович, вернувшись из короткой рекогносцировки вблизи ледника, торжественно продемонстрировал нам в разгар холодов мокрые валенки и портянки, причем с присутствующим ему характерным комментарием:

— Прав был наш дорогой Михаил Васильевич! Еще раз прав! Вот я и влетел на лыжах в снежную кашу с водой — при нынешних-то морозах!

Мокрые портянки и валенки как научный аргумент в пользу важной научной проблемы двухвековой давности у иных вызывают иронический комментарий, но, с другой стороны, — факт, требующий объяснения. А то, что этот факт за двести лет никто не опроверг, право, какие мелочи! Прошло еще немного времени, и Хмелевской не только подтвердил, но и объяснил здешний феномен на основе вполне современных систем доказательств.

С наступлением светлого времени я специально сходил к горам Веселым, чтобы найти место, где мы с Севой умурились спуститься, и ничего не нашел.. И все-таки мы сделали это! Хуже другое: не все события той ночи сохранились в нашей памяти. На пути от Перевалки с гурием к горам Веселым, мы должны были пересечь замерзшее озеро Усачева, оба не припоминаем чего-либо похожего. Хороши же мы были... Выдержали в главном — в направлении, а в остальном не стоит гневить судьбу.

Целая серия мелких, но чувствительных неприятностей обрушилась на экспедицию на рубеже февраль — март. Люди готовятся к напряженному полевому сезону и один за другим, словно по вмешательству нечистой силы, выходят из строя. Чижов, возвращаясь с Барьера Сомнений, серьезно повредил стопу с разрывом суставной сумки. Врач удивляется, как он в таком состоянии смог доковылять до базы. Спустя несколько дней, словно сговорившись, такую же травму получает Перов при... возвращении из бани. Бажеву попал в глаз каустикум — к счастью, обошлось, но темпераментный кабардинец пару недель ходил с повязкой на глазу. Романов-младший, благополучно закончив работу на припае, на базе обзавелся ангиной в какой-то неприятной форме, и т.д. и т.п. Впервые наш доктор получил приличный объем работ по специальности, и теперь никто не иронизирует в его адрес. Сама база заполнена стуком костылей, кругом повязки, хрипы, стоны... Не экспедиционная база, а скорее прифронтовой госпиталь, как выразился кто-то на очередном Совете экспедиции.

— Хуже, — развила эту мысль Ляля Бажева. — Вы просто похожи на побитое воинство, но я призываю вас оставаться мужчинами.

Дальний гул нарождающегося айсберга был ей ответом.

— Так как противник, выражаясь военным языком, упредил нас, — Олег Павлович оглядел присутствующих с неожиданным блеском в глазах, — командовать парадом приказано мне. Я и приказываю — действуйте, ребяташки, действуйте!

У меня снова и снова бесплодные попытки провести фототеодолитную съемку. Выход за выходом, но каждый раз погода портится снова и снова. Стоит мне покинуть базу, как самая лучшая погода каким-то странным образом превращается в свою противоположность. На полярке мое появление неизменно вызывает вопрос: «Что, явился портить погоду?» В результате за мной закрепилась прочно кличка «Боравестник».

Похоже, из-за нее меня устранили от похода на Ледораздельную, поручив работу на теодолитном ходе Севе Энгельгардту. (Забегая вперед, отмечу, что наш безотказный умелец успешно справился с этой работой.) Арктика таким решением осталась довольна, тут же установилась отличнейшая погода, и санно-тракторный поезд торжественно отбыл на Ледораздельную 19 марта.

Необычно тихо стало на базе, с Бажевым на Ледораздельную выехали девять человек, чтобы провести эвакуацию станции. У балка Серпантин оставили Энгельгардта, Дебабова и Романова-младшего для снегосъемок в центре ледникового покрова. Кажется, Каневские (как и их предшественники, зимовавшие без радиосвязи) в это время не ожидали людей с базы. Во всяком случае крышка «подснежного» дома открылась только тогда, когда трактор оказался едва не на крыше. Физиономия в люке напоминала то ли пещерного человека,

то ли одичавшего обитателя цыганского табора. Только по голосу приехавшие опознали Зиновия Каневского.

Прощание всегда вызывает печаль, а тут был особый случай: предстояло закрытие первого «зимовья» в центре ледникового покрова. Все причастные к этому событию были очень молоды, в самом начале своего жизненного и научного пути. Им самим было трудно оценить меру выпавшего на их долю. Действительно, с той поры никому не удалось повторить чего либо подобного. Ребятам было чуть-чуть грустно и в меру напряженно, впереди отчетливо обозначился финал экспедиции. Всем хотелось ее завершения, и вместе с тем они догадывались, что повторения чего-либо подобного в их жизни уже не случится. После того как были сняты флюгера и метеобудки, станция безвозвратно утратила первоначальный облик. Наконец погрузка закончена, санно-тракторный поезд тронулся на базу, а на Ледораздельной остался отряд Хмелевского, которому предстояло через многочисленные балки самостоятельно возвращаться к базе с термометрической съемкой.

Кажется, я правильно сделал, отказавшись от похода на Ледораздельную. Самое удивительное, погода наладилась, так что мне удалось снять фототеодолитом ледник с нескольких базисов. Добавилось и нечто новое. Во время посещения полярки Щетинин попросил меня помочь Афанасьеву в проведении гидрологической станции. С учетом нашего пребывания на полярке во время работ на припае месяц назад в этом не было ничего необычного, тем более что я знал, что Москва настаивала на проведении этой станции по каким-то причинам именно в первом квартале. Кроме того, мне хотелось ознакомиться с этим новым для меня видом работ, почему я согласился. Сутки-другие теперь для меня ничего не значили.

Возвращаюсь на базу и вижу свежий тракторный след, наши вернулись с Ледораздельной. Бурные объятия, вопли восторга и прочая, и прочая. Зиновий страшно оброс и своей бородой и гривой удивительно напоминает кого-то из знаменитых полярников героического периода в изучении Арктики. Скомканный обмен впечатлениями, без каких-либо сомнений в ожидании реализации самых смелых планов.

Неожиданно Афанасьев сообщил, что заменяет меня кем-то с полярной станции, сославшись на то, что я не знаком с принятой формой записи результатов наблюдений, к этому в Главсевморпути подходили очень строго. Я пожал плечами, но собственных дел у меня оставалось немало, и спорить не приходилось.

23 марта, с очередной переброской фототеодолитного комплекта, я снова оказался на полярке. Поскольку утром мне предстояла очередная работа, я посетил метеокабинет, где застал Каневского и Афанасьева. Первым делом я обратил внимание на барограф, на котором кривая давления круто покатила вниз. Для начала меня огородил новостью Каневский:

— Завтра отправляюсь с Толей на гидрологию.

— А как с этим? — показал я на барограф.

— Как обычно, может, да, а может, нет... Бора непредсказуема.

В разговор вступил Афанасьев:

— Ну что ты, Боравестник, ходишь и каркаешь? Ты да Каневский два чудака в Русской Гавани. Давление у нас — не показатель...

Позиция Толи с его зимовочным опытом Северной Земли в условиях зимнего сибирского антициклона мне понятна,

но едва ли она отвечает нашей ситуации. У нас каждый должен принимать решение сам, не полагаясь на указания сверху, однако последнее — не в характере Щетинина.

Мне не удалось заронить в души моих оппонентов ни тени сомнения. Положение ребят непростое: грозные телеграммы из Москвы подгоняют и настаивают, а четкой аргументации для отказа или переноса сроков у них нет просто по состоянию науки. В нашей экспедиции исполнитель гораздо самостоятельнее, больше решает сам. Одним словом, в каждом монастыре — свой устав.

День 24 марта у меня ушел на заброску фототеодолитного комплекта на гору Ермолаева, на что я потратил практически все светлое время. Погода все время оставалась превосходной, а главное, с хорошей видимостью. Правда, за истекшие сутки давление упало еще на семь миллиметров. Ребята с полярки с утра укатили к своей палатке за пять километров на собачьей упряжке. Может быть, зря я сеял ненужные сомнения? Возвращаюсь в бухту Володькину, чтобы лучше подготовиться к завтрашней работе.

Утро 25 марта. Поднимаюсь около шести, уже довольно светло. Какая-то звенящая тишина, от которой ломит уши. Необычная дымка, которой не было накануне. Давление еще ниже, а бора не начинается. Что произойдет даже в ближайшие часы? Как поступать? Предчувствие угрозы, немаршрутное настроение — это не аргументы для моих коллег. Решаю по-своему: отправляюсь досыпать. Встаю через пару часов, завтрак в кают-компании уже закончен. Кок лениво интересуется:

— Все тянешь?

Определенно у меня нет оснований отказываться от работы на горе Ермолаева, до которой чуть больше часа пути.

Задерживаюсь с перезарядкой фототеодолитных кассет в темной нетопленной бане. Развернул пластинки, открыл кассеты, потом решил перекурить. Вдруг резко хлопнула наружная дверь, так что от удара вздрогнул весь крошечный домик. С трудом выталкиваю дверь наружу и буквально задыхаюсь от страшного напора ветра. Успеваю только отметить, как от ледника по прибрежной равнине накатывается стена клубящегося снега. Преодолевая ветер, изо всех сил бегу к крыльцу жилого дома. Сердце, кажется, выскочит из груди, холодный мерзлый воздух комьями забивает глотку, все же добежал...

Изнутри дом ходит ходуном с какими-то странными вздохами и потрескиваниями. Мир за его стенами поглотила взбесившаяся ревущая мгла. Стрелки на шкалах нашей дистанционной метеостанции бегают в разные стороны и зашкаливают, так что снять какие-либо показания просто невозможно. В 10 часов срок связи по радио с полярной станцией — в наушниках сплошной рев, до радики не дотронуться, бьет искрой. Очевидно, ее корпус заряжен статическим электричеством через антенну, которая получила его от несущегося снега. Такое в Русской Гавани мы наблюдаем впервые. Что же творится снаружи, там, на припае, в гидрологической палатке с Каневским и Афанасьевым? У нас снег образует сугроб с подветренной стены, так что окна постепенно мутнеют, все меньше пропуская наружного света.

Во второй половине дня ветер, насколько можно судить из дома, нисколько не уменьшился. Ревет не переставая, по звуку — сплошной равномерный поток, не ослабевая и не усиливаясь. Мачту с датчиками на крыше свалило ветром, так что на стрелки на нашей дистанционной метеостанции не показывают ничего. Явно снаружи происходит что-то

необычное. А всего в четырех километрах от нас в паршивой палатке двое парней на краю гибели. Что они предпринимают, чтобы выбраться из отчаянного положения? Со своей стороны мы ничего не можем сделать, поскольку во взбесившейся пурге не сможем найти их палатку.

Дружно уговариваем дежурного наблюдателя пропустить очередной срок. Вмешался Олег Павлович:

— У нас же допреж того ни одного срока не пропущено. Зачем же портить картину наблюдений? Я и сам пойду...

Выбирались вдвоем, пристегнувшись альпинистскими карабинами к штормовому лееру. На полпути ветер опрокинул Чижова на гальку (снег вокруг базы уже снесло свирепым ураганом), и лишь с помощью напарника ему кое-как удалось подняться на ноги, чтобы прокричать: «Возвращаемся!»

Не тут-то было! У напарника в самый неподходящий момент разыгралось самолюбие, и парень был намерен поступать «натуре вопреки, наперекор стихии». Поход на метеоплощадку занял на этот раз не менее получаса вместо обычных пяти минут. Принимали вернувшихся, словно выходцев с того света. Оба напоминали снежные чучела, но с красными лицами и слезящимися глазами. Минут пятнадцать они приходили в себя, прежде чем Олег Павлович поведал:

— Не меньше сорока метров в секунду...

Непогода разбушевалась, ни малейшего признака улучшения. Тем не менее мы подготовили аварийное снаряжение и с ночи спали не раздеваясь, чтобы при первой возможности приступить к поиску. Увы, ослабление ветра оказалось слишком кратковременным.

Тревожный рассвет 26 марта. Ветер начал сдавать, одновременно слабеет метель. Сквозь снежную завесу прорываются

очертания полуострова Савича и даже знаки Воронинского створа. Какой-то сонный голос Щетинина в эфире:

— Ребят что-то нет, наверное, беда стряслась. — Потом, видимо, продолжая надеяться на чудо, продолжил: — Или они у вас?

К этому времени наши наблюдатели с крыльца базы увидели на льду бухты Володькиной подозрительное черное пятно. Сразу же несколько человек, захватив сани и полупружки, бросились по направлению к нему. Я немного задержался с выходом и, когда спустился на лед, навстречу мне уже тащили сани с Каневским. Неестественными выглядели его голые руки без перчаток бледно-мертвенного цвета, негибающиеся, нелепо вывернутые. Он явно в плохом состоянии, что-либо узнать от него невозможно. Часть людей широкой цепью начинает прочесывать припай в направлении полярки. Условились, что если обнаружат Афанасьева, дадут сигнал выстрелом. Я с Зингером ухожу обследовать гидрологическую палатку.

Большой пологий сугроб скрывает ее почти всю, но все же видно, что северная подветренная сторона не выдержала ударов пурги. Лопата не берет этот ветровой закаменевший снег, заставляя использовать ломы и ледорубы. Из снега буквально вырубая собак, они в страшном виде. Некоторые настолько вмерзли в снег, что, вырываясь из него, оставляли в нем клочья собственной шкуры. Однако живучи полярные псы, через несколько минут начались обычные свары. Откуда на снегу столько мелкой гальки и каменного щебня? Целая полоса мелкого камня протянулась по оси бухты Воронина, упираясь в палатку: страшная струя воздушного потока оставила на припае свой след. Видимо, скорость ветра была здесь намного сильнее, чем в районе базы.

Мы быстро раскопали остатки палатки. Найдена свалившаяся на бок печка, ящик с пробами морской воды, походная складная койка, меховой спальник и драный полушубок. Заведомо ясно: останься ребята в палатке, они бы уцелели. Даже несмотря на то, что палатка лопнула поперек, частично поломан каркас, все же часть брезента удержалась на колу. Мы лихорадочно продолжаем раскопки, надеясь, что Афанасьев не последовал примеру Каневского. Отдаленный выстрел поставил точку на таких надеждах.

От палатки видно, как цепь начинает сворачиваться, люди собираются вместе, а с полярной станции к ним направляются трое. Нам только остается присоединиться к поисковикам, где нам открывается картина очередной трагедии — неподвижное замороженное тело в ватнике и таких же брюках посреди заструт. Снег словно пропитал ткань ватника, подчеркнув складки, набился в разбухшие карманы. На лице покойника — сплошная корка льда, сквозь которую проступает характерная гримаса, с которой человек щурится на сильном ветру. Из рукавов ватника выпущены манжеты водолазного свитера и снова нет перчаток или рукавиц. Что за чертовщина, почему он так легко одет? Все ясно, самое страшное случилось... Еще не все, с полярной станции ведут Наталью, которую мне предстоит сопровождать на базу к мужу.

— Скажи, Зиновий живой?

— Да, будет жить. (Сам в глубине души только надеюсь.)

— А руки?

Сказать — не знаю, или лучше утешить ложью?

— Считай, ты дважды жена. Это лучше, чем однажды вдова.

Кажется, мой мрачный юмор подействовал — определенно Наталья сильная женщина.

На базе Зиновия уже раздели, с трудом освободив от мехового летного костюма. Унты пришлось резать, часть одежды — тоже. Меховой летный костюм спас его, в отличие от Афанасьева, хотя состояние Зинка тяжелейшее. Руки безусловно отморожены, до локтя словно деревянные. Обе стопы также прихвачены морозом, хотя и не так сильно. Никто из нас с такими тяжелейшими обморожениями не сталкивался. Доктор оказался на станции Барьер Сомнений, за ним на тракторе отправился Неверов. Пока руки Зиновия оттирают спиртом и снегом, держат в холодной воде. Трем и боимся содрать кожу от собственного усердия, ведь на руках и на лице у него много ссадин, но главное для нас — попытаться восстановить кровообращение. Веки пострадавшего настолько распухли, что не раскрываются. Сам Зиновий в полубреду что-то пытается рассказать. Узнал меня по голосу.

— Дик! Учти мой опыт, соблюдай первую заповедь полярника.

— Какую, Зина?

— Вовремя смыться из Арктики.

У меня мурашки побежали по коже: острит, может быть, на смертном ложе.

До позднего вечера Зиновия оттирали, теперь уже с помощью врача, доставленного наконец с Барьера Сомнений. Состояние Зиновия остается тяжелым, чувствительность обеих кистей так и не восстановилась, хотя кое-где на коже появился красноватый оттенок. Ноги, похоже, все же оттерли. К ночи Зиновий впал в забытие, и его осторожно перенесли в одну из комнат. Наталья не отходит от мужа.

С Афанасьевым все ясно. Доктор наскоро осмотрел его и только произнес:

— Поздно... Мягкими остались только ткани живота.

Снимаю с него хронометр, извлекаю из набитого снегом внутреннего кармана журнал наблюдений. На замерзшем теле видно, как летевшей галькой или щебнем повредило шею. На лицо покойника лучше не смотреть. Тело Афанасьева привязали тросами к радиатору трактора и в таком виде отвезли на полярную станцию. Очень боялись поломать руки, обошлось.

Потянулись дни, когда отчаяние для нас многократно сменялось надеждой, а надежда — снова отчаяньем. Зиновий уже редко впадает в забытье. Опухоль на лице спала, глаза открываются и закрываются, хотя раны на лице остаются. Наталья держится молодцом, практически не отходит от мужа, не знаем, когда она спит. С разрешения Наташи и в ее присутствии мы с Зингером записали рассказ Зиновия о происходившем в палатке.

«Около 5 часов московского времени 24 марта при отличной погоде я и Афанасьев выехали на собачьей упряжке в гидрологическую палатку и около 8 часов приступили к работе.

На следующий день около 7 часов начался ветер по ощущению 10—15 метров в секунду, затем резко усилившийся. До конца наблюдений оставалось примерно четыре часа. Ветер работе не мешал. Температура в палатке до начала ветра была примерно +10°. Еще ночью от накалившейся трубы начал прогорать брезент палатки. Эти дыры стали затыкать перчатками и прожгли их. Возможно, потому с началом ветра температура упала до 0 и, возможно, ниже. Собаки оставались в упряжке, за исключением двух. Довольно скоро деревянный каркас палатки начало расша-

тывать ветром, дыры в палатке стали увеличиваться, и, чтобы их затыкать, стали рвать полушубок. Одна стенка палатки явно не выдерживала, и ее могло сорвать.

Мы закончили работу около 10 часов и приступили к упаковке приборов и вещей. На это ушло час-полтора, потом поели. Около 11 часов в палатку втащили двух собак, остальных из-за непогоды и метели было невозможно освободить из упряжи. Стали думать, как выбираться в непогоду на полярную станцию или экспедиционную базу, так как вода в майне начала сильно плескаться, что указывало на близость открытого моря и возможность выноса припая. Несколько раз выходили из палатки наружу за углем и чтобы оценить погоду.

Потом под ветром стали лопаться доски каркаса, а немного позднее ветром вырвало трубу и опрокинулась горящая печка, которая тут же потухла. Спустя минут 15 подняло подветренную стенку палатки, сорвало с каркаса и начало валить. К этому времени на руках Анатолия оставались только мокрые брезентовые рукавицы, а у меня меховые, также промокшие, потому что мы работали с приборами в майне. Вода в майне плескалась так сильно, что можно было думать, что припай вырвало и несет к северу, тем более что палатка была установлена в 1,5 км от кромки льда по открытой воде. Перед выходом Анатолий с час поспал в спальном мешке, а я читал газеты, употребившиеся для упаковки, и заполнял журнал наблюдений.

Когда северную подветренную стенку палатки сорвало с каркаса и Анатолий сказал: “Все, гроб приходит...” — мы укрылись в противоположной части палатки. Здесь я привел себя в порядок, застегнулся на все пуговицы и надел ветрозащитную маску. Решили идти на базу, но при первой же попытке нас сразу же отбросило ветром назад. Стали ползти

рядом, временами останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Анатолий прокричал: «Давай возвращаться назад..»

Однако палатку посреди пурги нам найти не удалось, хотя, возможно, мы были от нее в нескольких метрах. Тогда мы, ориентируясь по направлению ветра, снова решили двигаться к базе. Анатолий несколько раз предупреждал, что мы не должны потерять друг друга, и просил отогреть его руки у меня за пазухой, что было невозможно. Кистей рук у него не было видно, так как он втянул их в рукава ватника. Мои рукавицы также замерзли и не снимались. Мы продолжали ползти вперед, но вскоре порывами ветра нас разбросало в разные стороны. Больше я Анатолия не видел, хотя однажды слышал его за ревом пурги».

Картина в целом понятная, с одной стороны, и удивительная — с другой. На гидрологических работах не иметь запасных сухих рукавиц! Сыграло роль и то, что Анатолий работал на Северной Земле в континентальных условиях климата, с сильными зимними морозами, но без сильных ветров.. А дальше сплошные накладки: непонятное требование Москвы выполнить гидрологическую станцию до конца квартала, неспособность Щетинина взять решение на себя по принципу «Мне на месте видней!» и, наконец, игнорирование падения давления накануне. Не хочу развивать последнюю проблему, поскольку я не метеоролог. Своей одеждой Афанасьев подписал себе смертный приговор. Не знаю, как бы я сам вел себя в подобной ситуации, но, очевидно, своим решением Анатолий избавил меня от подобной участи, и рассуждать на эту тему дальше — не в моем положении... И тем не менее — поучительно, ничего не скажешь, лишь бы сделать правильные выводы.

Зиновий пробыл у нас трое суток, трое суток для нас отчаяние чередовалось с надеждой. Вечером 28 марта у него

началось резкое ухудшение. Хотя его пальцы шевелились, цвет кожи на руках все больше становился багрово-синим. На полярке обмывают покойника и в ожидании самолета гоняют авиаметеонаблюдения каждый час. 30 марта прилетел Ли-2 (командир экипажа Гурий Сорокин). На борту кроме экипажа врач и милиционер, видимо, следователь или представитель прокуратуры.

Самолет с гудением, словно гигантский жук, раскачиваясь на застругах, подрулил к базе. Передаем на борт Каневского, закутанного в спальный мешок. С ним улетает Наталья. Последние рукопожатия и напутствия, и самолет растворяется в снежной мгле. Нас осталось еще меньше. Недолгие, какие-то скомканные поминки на полярной станции — словно люди спешат освободиться от очередного кошмара, покончить с ним и забыть.

С первых чисел апреля установилась великолепная погода. Старик-метеоролог с полярной станции, начинавший свою полярную службу лет тридцать назад, выдал свой комментарий: Арктика получила очередную жертву и до поры до времени успокоилась. Вдосталь потаскав за собой сани с фототеодолитным комплектом, за первую неделю апреля я успел провести съемки со всех базисов. Один из таких выходов совпал с передачей по радио от родных и близких. Благо работать пришлось в полярной станции, оставляю сани со своим надоевшим грузом у крыльца и прямо в полевой робе устраиваюсь среди зимовщиков у приемника послушать своих. Выступала мама, и после ее выступления диктор объявил:

— Уважаемый Владислав Сергеевич! По просьбе ваших родных передаем русскую народную песню «Я на горку шла, тяжело несла».

Эти слова вызвали совершенно особый эффект: слушатели от дружного хохота повалились со стульев. Люди в хохоте изрыгали из себя пережитое, буквально давились в спазмах, снова и снова принимались корчиться от смеха, утирая слезы. Господи, как немного надо нам всем порой... Так чье-то вокальное искусство ненадолго сделало меня героем местного значения.

Пересекая в маршрутах припай, я частенько нахожу куски сланца величиной с ладонь, унесенных с ближайших скал мартовской борой на расстояние в несколько сот метров. Страшные детали, которые надо уяснить на будущее, хотя только от одних воспоминаний бросает в дрожь. Новости из Москвы: у Каневского руки ампутировали почти по локоть. Рухнули наши надежды на чудо, остается только пожелать Наталье и Зиновии сил и терпения.

Пора мне отправляться на ледник, чтобы провести повторные наблюдения на остатках сети вплоть до Барьера Яблонского, столь памятного по ноябрьским событиям. В первых числах апреля встретились с Иваном Хмелевским и его помощником Женей Дебабовым (на базе давно кухарили все оставшиеся по очереди), которые проводили маршрутную снегосъемку, начатую с опустевшей Ледораздельной. Поведали им горестную историю о Каневском и Афанасьеве. Ребята явно поникли от таких новостей...

По рассказам ребят, Сева Энгельгардт с Романовым-младшим, закончив работы на теодолитном ходу, заняты снегосъемкой в районе балка Анахорет. Думаю, Сева (как и я) надолго запомнит наш драп-бросок к морю в ноябре прошлого года. Когда ребята покидали Ледораздельную, в двух алюминиевых фляжках (одна у входа в дом, другая на столбе от флюгера) оставили записки одинакового содержания,

чтобы объяснить будущим исследователям, что за находку они обнаружили. В свете моих будущих планов установка балка «Вилла Бажевых» в восточной части Барьера Сомнений ближе к горам ЦАГИ пришлось весьма к месту.

Я поскорей отнаблюдал очередные пункты на поперечном створе ниже Барьер Сомнений, а также опорный пункт сгущения на Бастионах, тот самый, что выбирал вместе с начальником почти два года назад. Моим помощником нас этот раз выступал доктор. Севу Энгельгардта вместе с Романовым-младшим, двигавшимся нам навстречу с Ледораздельной, мы так и не встретили. Только иногда где-то вдали среди моря заструг можно было разглядеть два маленьких силуэта, не отличимых друг от друга даже в поле зрения бинокля: вот и вся роскошь человеческого общения...

Между тем установилась на редкость хорошая погода, температура редко опускалась ниже 10° , главное, только изредка срывался ветер, поднимавший клубы поземки. Разумеется, дней с геодезической видимостью было значительно меньше. Ничто в окрестностях Анахорета не напоминало о трагедии, постигшей Олега Яблонского, хотя я с точностью до метра мог бы показать место его гибели. Плотный, убитый ветром снег тысячами заструг надежно укрыл это место, но я-то знал, где... Сейчас невозможно представить, что здесь творилось во время таяния. Наверное, где-то в глубине сохранились обсохшие за зиму тоннели, но внешне ничто не выдавало их присутствия, а зимнего снега здесь накопилось столько, что провала можно было не опасаться. Довольно скоро я завершил геодезию и подумывал, как отнаблюдать опорный пункт в горах ЦАГИ. Я уже не однажды использовал в своих наблюдениях этот гурий, с таким трудом установленный там прошлым летом.

Пребывание в балке Анахорет запомнилось в связи одновременно с самым кошмарным, и наиболее смешным эпизодом, пережитым мной на Новой Земле, причем без свидетелей. Рано утром 28 апреля, пока мой напарник блаженствовал «в объятиях Морфея», я расшуровал печку и принялся готовить завтрак, одновременно просматривая последние записи в полевом журнале. За этим занятием я вдруг услышал чьи-то осторожные шаги снаружи, и тут-то мое сердце ухнуло куда-то ниже поясницы — у двери балка топчется медведь, а я, вернувшись в балок накануне, повесил карабин на веху в метрах десяти от жилья.

Непростительная глупость, за которую мне предстоит расплатиться в ближайшие минуты. Лихорадочно мечутся мысли в поисках выхода, кажется, что-то нашел... Извлекаю из дальнего угла две бутылки с бензином, обматываю их какой-то ветошью, предварительно смочив горючим. Вероятно, впервые от белого медведя готовились отбиваться таким образом, но мне уже не до исторических аналогий, а быть бы живу. Хорошо, что мой напарник дрыхнет без задних ног, а то начал бы задавать глупые вопросы и подавать ненужные советы... Куда-то подевались спички, нашел, руки ходят ходуном... Сейчас я тебе, зараза, в самую морду... Сначала лучше открыть дверь, а дальше лицом к лицу или, точнее, мордой к морде. Как всегда в таких случаях, крючок не поддается... Стук в дверь и голос Олега Павловича:

— А живые здесь есть? Напарник-то ваш спит? Чего-то бензином воняет...

Бутылки я успел спрятать подальше от позора и мямлю что-то первое, пришедшее мне на язык.

— А я чего пришел-то... — продолжает Олег Павлович. — Первое мая на носу, а мы ведь с начала экспедиции все вместе

так его ни разу и не встречали... Погода-то хорошая, дай, думаю, схожу, — делится с нами своими соображениями наш неожиданный гость. — Заодно и вас проведаю. Чайку выпью, а то туда да обратно, все сорок будут. Как вы с Севкой-то отсюда в ноябре в ночь да в пургу добирались, хорошо, что обошлось... А карабин-то надо в балке все-таки держать, на всякий случай, мало ли что...

— Само собой, Олег Павлович, это я его специально перед вашим приходом на холодок вывесил, — несу я околесицу под удивленными взглядами своего напарника, который начал что-то подозревать, так и не вникнув в суть происходящего.

После обильного чаепития провожаем нашего начальника и долго глядим ему вслед, наблюдая, как одинокий силуэт в самом кончике лыжного следа все уменьшается и уменьшается, прежде чем окончательно потеряться в море заструг.

Спустя сутки настала и наша очередь распрощаться с балком Анахорет. Сани с инструментом и харчами оставляем у «Виллы Бажевых», пригодятся, когда я вернусь сюда, чтобы отнаблюдать опорный пункт в горах ЦАГИ. Делать это все равно придется, даже если с другим помощником. Сейчас любой риск после пережитого не оправдан ни в какой мере.

После ледника 1 мая в кают-компании кажется шумным, многолюдным и скучным. Наши мысли уже давным-давно на Большой земле, и души тоже. В своих желаниях мы давно опережаем события, и поэтому последний большой праздник (не считая прихода судна за нами) проходит без подъема, без подлинного радостного настроения. Правда, возник один момент, вызвавший оживление среди присутствующих.

По завершении официальной части, когда публика начала распадаться на компании, кто-то приволок книжонку, казалось бы, под совершенно неактуальным названием «Для вас, девушки». Физиономия обладателя этого, с позволения сказать, издания явно выражала желание поделиться ее содержанием. Читатель должен иметь в виду, что дело, во-первых, происходило задолго до сексуальной революции, а во-вторых, в те времена, когда в нашей стране секса (по крайней мере официально) не было — в наших краях его действительно почти не было. Чтец с выражением поведал о страшной угрозе, ожидавшей девушек при вхождении во взрослую жизнь, особо остановившись на последствиях употребления спиртных напитков на примере одной юной особы, которая после рюмки, другой, и, видимо, третьей (а возможно, и четвертой) утратила не только память, но и невинность. Автор брошюры вполне серьезно утверждал, что если бы означенная особа перед пьянкой съела бы бутерброд с маслом (а лучше — два), то ничего подобного с ней не произошло. Указанная мера встретила единодушный отпор присутствующих под лозунгом: «Да ни в жисть!» — и клятвы вообще не использовать означенные бутерброды при общении с юными особами противоположного пола ни под каким видом. Старшее поколение отнеслось к этой идее с сомнением, а один из его представителей припомнил даже поговорку: «Быть бычку на веревочке...» Именно последняя точка зрения и возобладала при возвращении на Большую землю.

А пока мы заново привыкаем к сезонным изменениям в окрестностях базы. Кромка припая проходит от острова Богатого к полуострову Савича, севернее располагается сплошной дрейфующий лед с нагромождениями торосов и разводьями черной воды — ласкающая глаз картина, пред-

вещающая скорое начало навигации. С Богатого доносится птичий гомон: кайры, чайки и чистики вовсю справляют новоселье. Снег под солнечными лучами подтаивает, и на припае в бухте Воронина все отчетливее на протяжении нескольких километров все сильнее обнажается полоса мелкого щебня и гальки, возникшая в ту страшную ночь на исходе марта, отмечая на льду направление убийственной струи воздушного потока, обрушившегося на наших товарищей. Специально обследовал эту косу: ширина до сотни метров, толщина около 20 сантиметров, размер щебня большей частью с ноготь, но встречаются и крупнее, причем размеры этого каменного материала чем ближе к берегу, тем крупнее, иной раз с ладонь. Все описанное — составные части нашего страшного полярного опыта.

5 мая — очередной авиасброс почты. Кажется, авиаторы стараются наверстать свои прошлые упущения, когда у нас было два полугодовых перерыва в почте. В последнее время мы слушаем выступления наших родных по радио практически каждый месяц. Сугубо весенние новости: 8 мая первый день с положительной температурой до $+1,6^\circ$. Как бы не вспотеть! В ближайшие дни температура в окрестностях базы продолжала повышаться, вызывая желание вернуться на ледник, подальше от пекла, в котором майская температура приближается к $+10^\circ$. Очевидно, в каждом природном поясе свои понятия о том, что такое тепло или холодно.

Собравшись наконец на базе, пытаемся подвести итоги нашего пребывания в этом суровом краю на основе баланса достижений и потерь, включая невосполнимые, о которых разговор особый. Мы выполнили порученную нам программу, применяясь к нашей конкретной ситуации, хотя, похоже, я слишком много занимался перетаскиванием груза

с места на место, потратив на этом занятии массу времени. Опыт опытом, но пригодится ли он там, на Большой земле, да и придется ли нам еще поработать в Арктике?

Пока я обязан Севе Энгельгардту, выполнившему за меня повторные наблюдения на теодолитном ходу выше Барьера Яблонского. Даже первые результаты обработки по-своему показательны. Мало того, что скорости движения льда в истоках ледника Шокальского значительно меньше, чем на пространстве от Барьера Сомнений и до фронта, лед, упираясь в невидимое препятствие на ложе ледника, образующее Барьер Яблонского, меняет направление движения! Значит, мои данные можно попытаться использовать для суждений о толщине льда в местах измерений скоростей движения. Думаю, именно проблема движения — наиболее сложная часть в гляциологии, и ею должны заниматься физики.

11 мая вместе с Дебабовым (кок согласен на любые испытания, лишь бы вырваться за пределы осточертевшего камбуза) я отправляюсь к «Вилле Бажевых» для наблюдений на опорном пункте в горах ЦАГИ. Расположенный в горах, сам по себе он никак не характеризует движение льда, но без него невозможны вычисления координат ряда точек на леднике, поскольку он является опорным, вместе с таким же на гребне Бастионов, который я уже отнаблюдал. «Вилла Бажевых» весьма приспособлена для жилья, причем близко от места наблюдений. Кроме того, здесь довольно много разнообразной литературы, включая художественную. Это актуально, поскольку единственная книга в моем рюкзаке — это таблицы семизначных логарифмов, мало подходящие для удовлетворения художественных запросов. Что касается самого жилья — в таком можно жить месяцами, что, однако, не входило в наши намерения.

Печальная слава «Боравестника» продолжает преследовать меня. Пурга разразилась тут же после нашего прибытия, едва мы успели расположиться. Она продолжалась до утра 15 мая, когда после часового затишья западный ветер сменился южным. Терпеть не могу этих коротких затиший, которые легко могут оказаться опаснейшей ловушкой. Затянувшаяся вьюга под занавес настолько озверела, что, казалось, наш домик однажды вспорхнет и мы совершим вынужденный полет в направлении Земли Франца-Иосифа или Шпицбергена. К счастью, до этого не дошло. Только утром 18 мая мы увидели горы ЦАГИ с грандиозным снежным шлейфом на плоских вершинах. Столь же впечатляющие шлейфы гуляли и на межбарьерном пространстве, вызывая в памяти стихи, которые любил читать Олег:

Мело, мело по всей Земле, во все пределы...

Автора в те годы, я разумеется, не знал, но стихи для нас были в высшей степени актуальными...

На пути к цели мы без особых приключений одолели небольшую зону трещин. Даже Женя после всех наших трагедий проявляет не свойственную ему прежде осторожность. У скальных обрывов свежие обвалы снежных надувов — держимся от них на почтительном расстоянии, прежде чем начать подъем по заснеженной расселине. Пот заливаает глаза, сердце вот-вот выпрыгнет из грудной клетки, пологий подъем сменяется крутым, крутой — снова пологим, хотя крутых почему-то больше. И так много раз... Наконец-то плоский водораздел, а там и гурий, который я поставил в июне прошлого года, слегка пострадавший от мартовской боры. Наверху Женя, пользуясь затишьем, обнажился до пояса —

на фоне окружающих полярных пейзажей подобное производило жутковатое впечатление. Пока я выглядывал пункты на побережье, на севере над морем возникла полоса тумана, на которую четко проектировались гребни гор Веселых. Пока огляделся вокруг и установил треногу, ситуация уже изменилась к худшему — туман явно разросся, причем в нашем направлении. Оставалось только укрыть ящик с теодолитом среди каменных глыб и срочно возвращаться к «Вилле Бажевых». Несемся по склонам, чтобы успеть в сносных условиях видимости проскочить предгорную зону трещин — успели... наших следов на плотном ветровом снегу практически не оставалось, не считая редких пятен золы, приставшей к подошвам вблизи нашего жилища, а также ямок от лыжных палок, которые мы иногда находили кончиками пальцев. Хочешь жить, умей вертеться: вот она, одна из заповедей выживания полярника. Так и одолели все восемь километров в сплошном молоке.

Разумеется, туманом дело не кончилось. Туман сменился снегопадом, снегопад — бурным ветром, совсем как в известной детской присказке: жил-был царь, у царя был кол, на колу было мочало, начинай сначала... И так еще пять дней, вплоть до 24 мая, когда мы закончили свои наблюдения буквально в последний момент.

Опоздай мы на полчаса — накрылась бы наша работа, благо потом получили очередные двое суток порядочной пурги. «Двенадцать месяцев в году, двенадцать, так и знай, но веселее всех в году веселый месяц май» — это не про нас, хотя на скуку мы пожаловаться не можем. Главное мы сделали, приступаем к наблюдениям сверх программы.

27 мая выполнили шикарный маршрут с дешифрированием аэросъемки по всей северной группе ЦАГИ, использо-

вав уже известные подходы. На этот раз Арктика решила нас вознаградить за упрямство. День выдался на славу, и мы знали, что другой такой возможности не будет. Маршрут принес много нового и, пожалуй, неожиданного. В первую очередь это относится к перемычке между ледниками Шокальского и Чаева. Затем сюрприз преподнес участок, оказавшийся на аэрофотоснимке в тени, где мы обнаружили две узких долины, занятых на днищах озерами, которые отсутствовали на картах. Дело, однако, не в новых открытиях (таких аэрофотосъемка запечатлела сотни, а возможно, и тысячи), а в обнаруженных следах прежних уровней. Остается только привести сюда наших гидрологов, пускай «читают» и расшифровывают эту летопись. Есть над чем поломать голову со здешним довольно старым коренным рельефом, на который наложилось сравнительно молодое оледенение.

По легкой поземке мы благополучно вернулись к своему жилью и, используя хорошую погоду и незаходящее солнце, я определил еще местоположение балка. В последний день мая мы проволокли наши сани вдоль боковых морен ледника Шокальского, где снега почти не осталось, как и на прибрежной равнине на пути к базе. Поэтому мы решили идти к ней на лыжах по припаю. Ласковое солнце и такой же ветер приветствовали нас накануне календарного лета. Как всегда, после ледника на побережье радуют проявления жизни, например проносящаяся стайка изящных крачек. В разводьях всюду резвятся какие-то быстрые рачки, то и дело высовываются круглые лоснящиеся головы нерп с большими выпуклыми глазами. К нашему приходу состоялась очередная сброс почты, и свежие новости с Большой земли только добавили эмоций. Так закончился для нас веселый месяц май.

Некоторые итоги весны. В апреле—мае я провел на леднике почти полтора месяца, из них на работу ушло дней десять. Начинаю понимать Эрнста Шэклтона с его девизом «Терпение, терпение и терпение» или первоисследователя Северной Земли Георгия Алексеевича Ушакова, утверждавшего: «Терпение — основная добродетель полярника». Теперь я в полной мере познал это на собственной шкуре. Не удивлюсь, если однажды появится сугубо полярная медаль «За многолетнее терпение» или «Орден усердного терпения» (наряду с «Орденом благого упования») десяти степеней. Пожалуй, вся наша работа построена на этом принципе — выжди и сделай. Выжидание, как правило, требует времени, которого на зимовке достаточно, а если его нет, как это было в нашей первой рекогносцировке 1956 года?

После убийственных событий конца марта тяжелая, но успешная работа в апреле—мае не только снова позволила поверить в собственные силы, но с наступлением светлого времени все мы заново ощутили вкус к жизни, когда боль утрат лишь обострила наше восприятие окружающего мира. И, конечно, финал экспедиции уже не за горами, мы ощущали это каждой клеточкой, каждым нервом. Непростое это состояние — ожидание завершения экспедиции, которой отдано два года, и последующего возвращения на Большую землю. Несколько месяцев назад среди засидевшихся допоздна в кают-компании состоялся такой разговор.

— Ребята, а ведь здесь многое и не так уж плохо. Мы сами убедились, как много нам дано и как многое нам удастся. И компания у нас, хоть с бору да с сосенки, совсем не самая плохая, если дело ни разу до мордобития не дошло. Здешняя жизнь проста, наши права и обязанности понятны, друг друга мы знаем как облупленные и поэтому доверяем.

Денег не надо, самое страшное, что может случиться, нам знакомо. Пожалуй, мне не так уж терпится вернуться на Большую землю.

— И не тебе одному, — добавил кто-то. — Есть в здешней жизни нечто... Это только в Москве многие думают, как мы здесь тупеем, спиваемся и погружаемся в маразм... Да, наш опыт совсем иной, чем в столице, а главное, требует совсем иной реализации... Не говоря о кругозоре, который достался каждому из нас.

«А ведь и я так же думаю, — пронеслось у меня в голове. — Может быть, при первой возможности еще задержаться в Арктике?»

Эта мысль не получила дальнейшего развития, но характерно само ее появление. По мере того как люди собирались на экспедиционной базе, общее настроение все больше и больше уводило нас к дому, пока наконец не стало всеобщим. Предвкушение завершения захватило всех нас, и каждый выполнял любую работу, связанную с возвращением на Большую землю, с невольным энтузиазмом.

В первых числах июня «разоружили» станцию Барьер Сомнений. В рабочем состоянии там осталась только одна метеобудка с самописцами и несколько простейших контрольных приборов. Раз в неделю Валерий Генин посещает этот стационар, чтобы сменить ленты, завести самописцы и взять контрольные отсчеты. Обычно он успевает в тот же день вернуться к базе — отшагав туда и обратно тридцать километров.

Первую неделю июня я позволил себе несколько расслабиться, ощущая себя почти в курортных условиях. Даже готовить не надо было, хотя физиономия моего недавнего спутника выражала прямо противоположное настрое-

ние — ему приходилось кормить всех едоков экспедиции, собравшихся на базе. Однако, как утверждал один из героев стивенсоновского «Острова сокровищ», — дело есть дело. Надо закончить вычисления по полевым наблюдениям, привести в порядок журналы с полевыми записями, подогнать какие-то «хвосты» за прошлые месяцы, наконец, отчитаться по маршрутам за апрель—май. А перегрузки последних месяцев тем не менее сказываются — трудно приниматься за новую работу, хочется отоспаться, тянет побродить по окрестностям просто так. Как-то незаметно подошел день рождения — в таких случаях можно заказать у соседей фильм по собственному выбору. Я остановился на «Доме, в котором я живу» по сценарию Ольшанского, в котором уже отчетливо проявляются новые общественные веяния.

Работать у побережья с началом лета — одно удовольствие. Тепло настолько, что большинство ходит в одних рубашках. 14 июня потек ручей у базы, и одновременно Генин зафиксировал начало таяния на Барьере Сомнений. Наконец-то! Каждый признак грядущего полярного лета, последнего для нас на Новой Земле, воспринимается с энтузиазмом.

Прекращение работ на стационарах способствовало оживлению маршрутной деятельности. Регулярно Сева Энгельгардт с одним из помощников обходит абляционные рейки на леднике. Вместе с Чижовым они замеряли расходы на ближайших речках и провели нивелировки озер, связав их уровень в единую высотную систему. Сева с Романовым-младшим дотянул один из своих маршрутов до Ледораздельной, захватив, таким образом, максимум снегонакопления. В значительной мере его усилиями мы будем иметь два балансовых года для ледника Шокальского, причем весьма различающихся. Так получилось, что сети за снегонакоплением и таянием, заложенные

Яблонским, выпало наблюдать Всеволоду, который выступает одновременно как и швец, и жнец, и на дуде игрец. А главное, он теперь единственный маршрутник, пригодный для таких операций. Однако обильное таяние на леднике, видимо, ограничит маршруты в ближайшее время. Чересчур памятно, чем это кончилось это год назад, и поэтому возвращение Всеволода и Василия каждый раз мы воспринимали с облегчением. Тем более, что бора приобрела признаки фёна, температура резко полезла вверх, а с ним и таяние.

Вечером 16 июня я отправился с Зингером к мысу Утешения с попыткой разобраться с геологией полуострова Шмидта, в одной из бухт которого располагается наша база. Маршрут был чисто рекогносцировочным и необременительным, было достаточно тепло и практически безветренно. Я полагал, что очертания полуострова Шмидта определяются слагающими структурами, что полностью подтвердилось по результатам полевого дешифрирования аэрофотоснимков. Одновременно мы установили, что гурий Седова на месте астропункта 1913 года на мысе Утешения варварски уничтожен, точно так же как поморские кресты на полуострове Горякова. До чего же мы равнодушны к своей полярной истории, к славе державы и судьбам предшественников. И чем это обернется для нас в будущем?...

— Смотри-ка, что творится, — обратился ко мне мой спутник в разгар поисков.

Гребни гор Веселые оседлала пелена серых облаков, причем их кромка седыми космами развевалась по ветру, первые порывы которого наконец, докатились до нас, заставив прервать экскурсию. Этот ветер типа фёна принес резкое потепление, температура в ближайшие дни перевалила за +15°. При этом влажность воздуха с обычных 90 % упала до 11 %, лужи

высыхали на глазах, превращаясь в подобие среднеазиатских такыров. Лучшее описание фёна, правда в Колхиде, я встречал у Паустовского, который приводит замечательную деталь, как от жары сворачиваются и высыхают листья деревьев. У нас до подобного не доходит, прежде всего, из-за отсутствия деревьев, но, несомненно, изменения там и у нас колоссальные.

Спустя несколько дней фён иссяк, но свое дело он сделал — распустились скудные листочки полярной ивы, зацвели полярные маки, в морском льду снежницы (лужи талой воды) протаяли насквозь, ледники приобрели характерный блеск, от которого ломило глаза, — одним словом, полярное лето, очень теплое в 1959 году, активно вступало в свои права, одновременно удивляя и радуя.

На этом фоне тяжело переживаются наши потери. Ребята с полярной станции рассказали нам о содержании писем родных Толи Афанасьева, особо выделяя слова «мы думаем, что перед смертью нашего Толю избили». Как объяснить сраженным горем людям, что его лицо было действительно избито летящей с ветром галькой? Кто на Большой земле поверит подобному? С облегчением вспоминаем о прилете милиционера с Диксона. Конечно, наши погибшие и изуродованный Каневский навсегда останутся с нами, как это было в войну:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они, кто старше, кто моложе,
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не хотел сберечь,
Речь не о том, но все же, все же, все же...¹

¹ Стихотворение А.Т. Твардовского.

При всем том, мы не на войне, потому что война — это состояние всего общества, когда боль и тяжесть потерь (нам ли этого не знать) несет все общество в целом, а в нашей ситуации эта тяжесть останется с нами и с самыми близкими, без надежды быть понятыми людьми, которые не были на нашем месте. Вот такие невеселые мысли в конце экспедиции. Место, где произошла последняя трагедия, у нас перед глазами — от него до кромки чистой воды осталось метров триста. Скорей бы унесло в море этот проклятый кусок льда, хотя каждый знает, что не унесет из души.

Между тем разворачивается навигация, и однажды на отстой в нашу гавань на несколько дней забежало судно, так что мы получили возможность обменяться фильмами, старыми и новыми. Так как фильмы надо было вернуть, был объявлен своеобразный кинофестиваль, скорее напоминающий своеобразный аврал с участием всего персонала. Если мне не изменяет память, он продолжался семнадцать часов подряд! Люди сменялись на вахтах, входили, выходили, кто-то клевал носом, кто-то честно выдержал от начала до конца... Думаю, сходным образом развивались события и у моряков. Еще добыча с Большой земли — старые газеты из Мурманска и Архангельска. Из них мы поняли, что месяц назад Большая земля стояла на месте и даже не слишком страдала от нашего отсутствия. В последний день июня опустилась облачность, превратившаяся в туман, пошел снег, начался ветер — в общем, обычный новоземельский атмосферный коктейль. Когда закончился июнь и вместе с ним туман, — у кромки льда пусто, судно проследовало дальше по своим делам.

Еще своеобразный «подарочек» от бывшего начальника в виде радиogramмы весьма конкретного содержания: «Ваши

наблюдения обратными засечками неверны. Вычисления дают невязку по координатам в десятки (!!!) метров. Меняйте методику. До отъезда максимально используйте время для наблюдений за движением льда. Авсюк». Дня три (которые выпросил у Олега Павловича на обдумывание) ходил, по словам некоторых товарищей, словно «пыльным мешком ударенный», — шутка ли, запороть основную массу наблюдений за два года работы! Проверяю снова и снова, — у меня же все верно! Значит, специалист в кандидатском звании сам допустил непонятную для меня ошибку, но какую? Прав оказался покойный Олег, опасавшийся доверять свой материал этому человеку. Ответ в Москву: «В наших наблюдениях ошибки нет. Менять методику считаю нецелесообразным». Комментарий Чижова: «В вашем деле я не так, чтоб очень... Однако вы и мой предшественник рискуете репутацией. А в науке, знаете ли, как среди дам: дама без репутации — не дама».

Интересная мысль, запомним на будущее, тем более, что на Большой земле дам, судя по рассказам и другим источникам, — более половины всего народонаселения. В части вычислений все выяснилось с возвращением экспедиции, на том мои отношения с бывшим начальником, включая проекты совместной главы в отчетной монографии, закончились.

8 июля взломало припай в нашей бухте, и вскоре обломки льда вынесло в Баренцево море, а спустя пару дней растаял зимний лед на окрестных озерах. Снова бора, переходящая в фён, — такая она этим летом. Я все больше отдаю времени дешифрированию аэрофотосъемки в полевых условиях, в то время как в атмосфере происходит нечто чрезвычайное. Похоже, в наши края вторглись теплые воздушные массы

с материка, а с ними — гарь торфяных пожаров, отчего наша атмосфера приобрела бурый оттенок, сквозь который с трудом просвечивает тусклый красный шар дневного светила. Когда однажды температура достигла почти 20°, товарищ Зингер, поздравив нас с температурным рекордом Русской Гавани, одновременно выдал комментарий в присущей ему манере в адрес маршрутчиков, вернувшихся с ледника:

— Страна должна знать своих героев! Кстати, что вы там натворили, если у нас на побережье началось такое безобразие?

Сева все свалил на Генина:

— Вот кто забыл закрыть поддувало на Барьере Сомнений, когда мы уходили в последний раз!

— Зря вы, ученые, старались, — в разговор вступил Романов-старший, — мерили-мерили, мудрили-мудрили, а ледник вот-вот растает. Как оправдаетесь теперь за порчу казенного имущества? На Большой земле, небось по головке не поглядят...

Похоже, наш заслуженный плотник и охотник припомнил события эпохи коллективизации, загнавшие его в высокие широты. Мы же, не испытывавшие на своей шкуре прелестей известного сталинского «головокружения от успехов», решили, что оправдаемся публикацией результатов наблюдения для всеобщего сведения, и тем спасем свою репутацию в глазах мировой научной общественности.

— Не знаю, не знаю, — засомневался наш старший товарищ на основе собственного исторического опыта.

На базе всеобщий аврал, непрекращающийся, но какой-то радостный, легкий, несмотря на все нагрузки. Снова пакуем в ящики наше имущество, не считая материалов наблюдений, которые каждый хранит отдельно, среди

самых важных документов — обеспечение своего научного будущего. В заливе то и дело появляются суда, то на отстой от непогоды, то в ожидании ледовой проводки, поскольку навигация по Северному морскому пути в разгаре. Больше всех интересует нас то судно, которое придет за нами, но Москва пока молчит, снова и снова испытывая наше терпение. Но мы уверены — конец экспедиции близок, ничто не может его отменить.

Отдельные новости на этом фоне порой озадачивают. Как-то я поинтересовался у знакомых гидрографов:

— А с чего это танкер к вам пожаловал?

— Не танкер, это наш водолей...

— Неужто на Новой Земле воды не хватает?

— Начальство о нас заботится, водичку с материка присылает.

Ничего себе новость! Как-то еще нам она отзовется, на нас и на нашем потомстве, когда придет его черед. Для интересующихся могу только сообщить, что нам было отказано в Москве в медицинском обследовании на предмет влияния термроядерных испытаний под предлогом нарушения секретности. Таковы были нравы нашего родного советского ВПК. Последнюю информацию незрелый ум штатского младшего научного сотрудника может истолковать в том смысле, что были подразделения совкового ВПК, разной степени гуманности, на это уже за пределами настоящей книги.

Знакомство с моряками позволило оценить собственные судовые плавсредства, и мы поняли, что наша скромная шлюпка-четверка с мотором «Москвич» — отнюдь не самое лучшее для наших условий... Пока гоняем наше утлое суденышко вовсю, используя его для высадок на разных

участках побережья для последних наблюдений, среди которых важное место занимает нивелировка береговых валов и полевое дешифрирование ключевых участков аэрофотосъемки. В хорошую погоду получаешь еще эстетическое удовольствие, когда, по словам поэта, «глянешь за борт и под тобою то ли небо, а то ли море». Разумеется, бывали и другие ситуации, когда такая высадка обходилась не только залитыми сапогами-болотниками, но и более серьезными приключениями. За удовольствие оставаться исследователем плата мелким дискомфортом — не самая страшная.

Расширение кругозора проходило порой в совершенно неожиданном направлении. Именно в Русской Гавани для себя лично я уяснил секреты импрессионизма, когда отражение высокослоистой облачности на пологой зыби без единой морщинки вдруг вживую обозначило такие переходы и такую игру самых тонких оттенков цвета, которые не под силу самым известным мастерам, как бы они ни стремились в своем подражании природе. Постигание подобного — не единственная из прелестей нашей профессии, тем более недоступных обитателям современных асфальтовых джунглей, пытающихся компенсировать свой эстетический голод посещением картинных галерей или редкими выездами на природу в окрестностях больших городов.

Среди мелких неприятностей, сопровождающих нас при контактах с представителями Большой земли, — легкие «эпидемии» расстройств желудка или насморка.

— Чего же вы хотите, — просвещает нас доктор. — Вы же два года прожили без бактерий, естественно, ваш иммунитет ослаб. Так что будьте готовы к тому же и на Большой земле. Там через недельку-другую восстановитесь. За удовольствие зимовать надо платить...

В последние дни июля нам сообщили, что за нами выйдет таинственная «Унжа», однако никто не мог припомнить, что это за судно... Необычная погода стимулировала нашу деятельность, особенно у представителей балансового направления, которые увидели возможность расчетов для самых крайних значений. Благодаря Энгельгардту мы получили сведения для очень холодного сезона 1957—1958 и очень теплого 1958—1959 гг., что обеспечивает простор в расчетах. Такая она, современная география, когда открытие новых территорий сменилось количественными оценками природного процесса, нисколько не утратив от этого ни таинственности, ни привлекательности.

Общий настрой на завершение, однако, порой приводил к маленьким, но своеобразным ЧП. Когда утром 8 августа в коридоре раздался вопль Жени Дебабова: «“Унжа”, “Унжа” пришла!» — все отреагировали моментально. Натягивая штаны под хлопанье дверей и звук торопливых шагов в коридоре, я в панике вспоминал все, что мне предстояло сделать до отъезда. Однако спросонья силуэт судна в бухте показался мне странно знакомым. Лица моих коллег выражали разочарование и одновременно очевидное желание расправиться с невольным обманщиком. Наконец Зингер решительно заявил:

— Это же «Мурман», ребята. Разрази меня гром, «Мурман»!

— Видим, что «Мурман», — отвечали ему с разных сторон, среди которых возобладал глас мщения: — А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

«Тяпкин-Ляпкин», он же Женя Дебабов, был подан и предстал перед возбужденным коллективом.

— Ты разбил наши хрупкие мечты, — обличал его наш парторг. — Ты морально травмировал нас накануне приобше-

ния к цивилизованному обществу и поэтому ты заслуживаешь наказания. Прошу присутствующих высказываться без протокола, помня — закон Арктики суров, но справедлив.

Последовали разнообразные предложения, в большинстве достаточно жестокие:

- Приковать к плите.
- Оставить на третью зимовку.
- Высадить на Богатый.
- Подвергнуть килеванию на «Мурмане».

Самый свирепый заявил:

— Снимай штаны, я набью тебе морду.

— Мягше к людям! — осадил его Зингер. — Товарищ высказывается не в духе времени, разгул сталинизма закончился. Тезка, слушай сюда, как говорят в славном городе Одесса. Твоя морская необразованность едва не поставила тебя на грань линчевания. Скажи, неужели светлый образ «Унжи» из наших розовых снов похож на этот прокопченный уют ледокольного типа? Я согласен — это превосходное судно, покрывшее себя неувядаемой славой в походе к папанинцам, минного заградителя в военные годы и гидробазы в мирные дни. Однако не оно вернет нас в лоно Большой земли, не оно на крыльях грез унесет нас за моря в родной Институт географии под сень кремлевских звезд. Чувствуешь ли ты раскаяние в содеянном тобой по темноте своей? Покайся же, ибо повинную голову и меч не сечет...

Так товарищ Зингер провел очередное мероприятие по поддержанию вверенного ему личного состава в должном политико-моральном состоянии (полиморсос на полярном сленге), а виновник переполоха, удрученный, поплелся к своей плите, убедившись, насколько опасно выдавать желаемое за действительное.

При последнем посещении стационара Барьер Сомнений обнаружили, что жизнь там приближается к грани возможного. Если Ледораздельная в области питания с каждым месяцем погружалась в толщу ледника, то посещенный стационар в области расхода с каждым месяцем все больше вытаскивал на ледяном пьедестале под домиком, который защищал его от жарких солнечных лучей, образуя так называемый ледяной гриб, или стол, как это называется на ледниках Кавказа или Альп. Сам домик в процессе вытаскивания не только возвысился над ледниковой поверхностью, но и накренился. Теперь просто попасть в него уже проблема, даже налить тарелку варева на наклонившемся столе. Избыток экзотики — тоже нехорошо, тем более на фоне окрестностей домика, где вытаскивают груды разнообразного мусора и угольной золы. Вытащали и рухнули флюгера. Никогда бы не подумал, что обитатели домика были настоящими обжорами, но сотни пустых металлических и стеклянных банок уличали нас в этом.

Что касается последних геодезических наблюдений на поперечном створе Перевалка — Бастионы, то лучших условий быть не могло, просто потому, что вскрывшиеся трещины перестали быть замаскированными капканами. Правда, на гребне Бастионов, которые оседлала тонкая пленка орографической области, задержала на несколько часов — но это уже мелкие неудобства по сравнению с былыми испытаниями. Я также получил засечками современное положение лагеря экспедиции Ермолаева, в 1933 году располагавшегося на верхней бровке Барьера Сомнений, что позволяло определить скорость его движения. Определенно это важный дополнительный материал, которым не следует пренебрегать. Уже поэтому мой последний выход на ледник не был бесполезным.

В ожидании видимости читаю литературу, накопившуюся за два года в домике. Почему-то запомнилась «Юность короля Генриха IV» Манна в довоенной «Интернациональной литературе» и довольно занудная вещь А. Коптяевой о враче Иване Ивановиче, дожившем до седых волос и докторской степени и так не разобравшемся со своими возлюбленными. Ситуация абсолютно неактуальная посреди ледяного безмолвия, но описанные в повести знакомые мне окрестности Большой Калужской с Президиумом Академии наук и парком Горького вызывают множество воспоминаний. Похоже, я даже ощутил летний зной, когда асфальт становится мягким, а от каменных стен пышет жаром, и где-то за зеленью Нескучного сада дышит приятной влагой Москва-река. Как давно все это было... К обеду 13 августа вернулся в базу.

Подготовка к приходу судна вступила в решающую фазу. По опыту прошлых грузовых операций наши умельцы во главе с Романовым-старшим и Николаем Неверовым сколотили мини-причал, позволяющий принимать два кунгаса одновременно. Соорудили на берегу, столкнули трактором в море, опробовали и снова вытащили на берег, чтобы не достался в добычу очередному шторму. А груда ящиков на берегу просто радует глаз, люди работают с шутками-прибаутками, подгонять никого не надо.

Чижев дает распоряжение — патроны, выданные на руки участникам маршрутов, расстрелять, карабины вычистить и упаковать. Что называется — дожили. Полдня рвали воздух залпы и одиночные выстрелы, полдня тянуло порохом от Базового снежника. Бургомистры, дождавшись окончания стрельбы, срочно выслали воздушный патруль, который, облетав базу и стрельбище, возвратился с докладом к пернатому населению о необычном поведении людей в бухте Володькиной. Ляля

Бажева все чаще напевает песенку-заговор, в попытке вызвать таинственную «Унжу» из морского простора:

Только в море, только в море,
Безусловно, это так!
Только в море, только в море,
Счастлив может быть моряк.

Полярник, за которым плывет моряк, тем более счастлив.

И настал день! Вечером 7 сентября (мы уже в третий раз встречали наступление вечерних сумерек на Новой Земле) с полярки сообщили: «Унжа» на траверсе Архангельской губы, всего в сотне с небольшим километров от нас. К этому времени кают-компания базы лишилась почти всей мебели, и голоса словно отлетали от голых стен, поэтому обсуждение ближайших жизненных перспектив запомнилось в сопровождении странного гулко-го эффекта. Основная тема — успеет ли за ночь долгожданная «Унжа» добраться до нас. Разумеется, все считают, что «Унжа» движется слишком медленно.

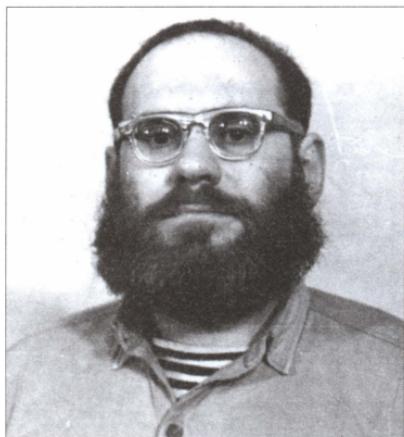
Ближе к полуночи устанавливаю на полуострове Савича теодолит и долго ишу в сумерочной морской дымке где-то у мыса Макарова такой желанный крохотный топовый огонек. Ни огней, ничего похожего на очертания судна в бесконечной череде волн. Необычайная тишина объяла Новую Землю накануне столь знаменательного события. Наша база в глубине бухты Володькиной затаилась в безмолвии. Возвращаясь с Савича, впервые задумался: неужели все окружающее совсем скоро станет нашим прошлым, пусть даже и неповторимым? На берегу бросаются в глаза огромные груды ящиков, затянутые брезентом. В отличие от высадки два года назад,

*Наша экспедиционная база в бухте Володькиной. На заднем плане
гора Ермолаева (слева) и горы Бастионы (справа).
В разгар зимы после очередной боры снега почти не осталось*

Санно-тракторный поезд покидает базу

Е.М. Зингер

О.П. Чижов

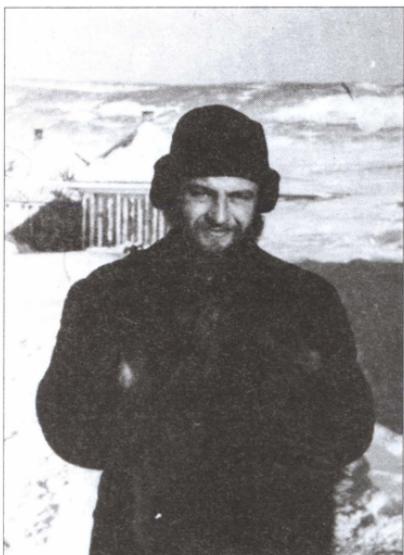
З.М. Каневский

А.В. Романов

О.А. Яблонский

В.В. Энгельгард

*Сохранившийся снежный мост
на месте гибели О.А. Яблонского*

Похороны нашего товарища

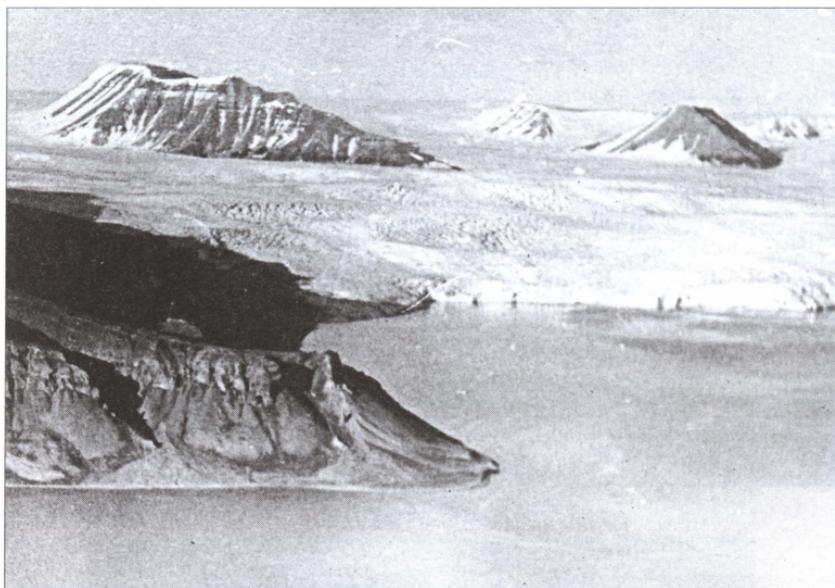
«Последнее прости» нашему Олегу

Нежданная встреча на морском льду

Дом станции Барьер Сомнений, вытесняющийся на леднике

Ледник Норденшельда. Так Штицберген выглядит снаружи...

А так изнутри... В чем и состоит его загадка

Первая высадка на ледниковом плато Ломоносова

Встреча с английскими геологами из Кэмбриджского университета

«Морские силы поддержки»

Финал полевого сезона 1988 года на 76° с.ш.

сейчас все в идеальном порядке и строго соответствует маркировке. Портативный мини-причал ласкает глаз белизной свежеструганного дерева. Уже скоро...

— Была связь с «Унжей», — информирует нас утром полярка голосом Шетинина. — У Баренцевых островов они. Обещают быть во второй половине дня.

На базе все готово к последнему авралу, и последние часы тянутся особенно утомительно и тягостно. Погода стоит спокойная, временами солнце. Сейчас это никого не волнует, люди погружаются даже в ураган. Временами кто-то нарочито лениво поднимается к моему теодолиту и самым безразличным голосом интересуется:

— Еще не видно? Ну-ну.

После полудня я в который раз заглянул в окуляр и осторожно провел трубу микрометренными винтами по горизонту. Сердце у меня тревожно екнуло — что-то постороннее, размером чуть побольше самой занюханной молекулы, возникло в пустынном морском пейзаже, зацепившись за сетку нитей в самом центре поля зрения. Не просто зацепилось — медленно смещалось относительно вертикальной нити. Пока это скорее признак парохода, чем сам пароход. Самые нетерпеливые из околавивавшихся поблизости продолжили эти поиски.

— Дик, — посоветовал Зингер, — бери по десятке с желающих, к вечеру у тебя будет куча денег.

— Это не судно, — вдруг произнес кто-то чересчур медленно, едва не по слогам, — скала.

— Сам ты скала, — парировал очередной наблюдатель, продемонстрировав Фоме Неверующему здоровенный кулак.

...Итак, это случилось! Теперь уже ни у кого не было сомнений, что в окрестностях мыса Макарова появился пароход,

и, самое главное, он пришел за нами. Но прошло два или три часа, прежде чем мы услышали такой радостный и желанный плеск отданного якоря и грохот якорной цепи. Всего-то старенький, явно потрепанный пароходик на полторы тысячи тоннажа. Даже на расстоянии клепаные швы корпуса напоминали выпирающие ребра дистрофика, а потеки ржавчины тут и там проступали в пятнах отвалившегося сурика. И все-таки это был самый замечательный корабль в мире, прибытие которого знаменовало наступление нового этапа жизни для каждого из нас.

Начался какой-то радостный, светлый последний аврал, когда самая тяжелая и грязная работа не в тягость, а любые проблемы решаются с шутками-прибаутками. Общее настроение выражается коротким и емким словом — домой! Так пронеслось трое суток. Один из последних рейсов трактора, чтобы доставить тяжелую мраморную плиту на могилу нашему Олегу с эпитафией:

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ ЯБЛОНСКИЙ

1930—1958 гг.

Участник Международного

Геофизического года.

Погиб на леднике Шокальского

15 июня 1958 года.

Ледник навеки стал твоим

Надгробным обелиском

Перед посадкой на судно поднимаемся к могиле Олега и долго стоим в молчанье в унисон со всей Русской Гаванью. Ни единого порыва ветра не нарушило нашего прощания. Не только Олег стал частью Новой Земли, но каждый из нас оставил здесь два года собственной жизни и частицу

своего сердца помимо горестных воспоминаний. Последнее «прости» нашему товарищу, которого мы оставляем здесь навечно. Так же молчаливо возвращаемся к базе.

В последний раз обходим базу. Псы, не понимая происходящего, путаются под ногами, не вовремя заигрывают, словно по-своему воспринимают разлуку с людьми. Вместе с прочим имуществом все это достанется соседям. Олег Павлович торопит уезжающих с последним дори. Странно видеть, как за пенистой кильватерной струей уменьшаются постройки базы, которая выглядит необычно пустой — только силуэты собак, совсем сбитых с толку событиями последних дней. Лишь теперь до нас доходит, что экспедиция закончилась...

На судне в каютах разместили только женщин и руководство, включая Шетинина и Чижова. Остальные возвращались, устроившись на тюках прессованного сена под огромным брезентом в трюме, гулкое пространство которого едва освещалось немошной желтоватой лампочкой. Спускаться и выбираться на верхнюю палубу приходилось по вертикальному скоб-трапу. В 23 часа 11 сентября 1959 года, через 26 месяцев после нашей высадки в Русской Гавани, заработал винт «Унжи», и сразу за тонким бортом глухо и мощно заплескала вода. Все дружно бросились на палубу, чтобы попрощаться с Новой Землей. Возвращение началось... Как уютно засыпать на сене в глубине трюма, завернувшись с головой в брезент под сопение и ночное бормотание спутников, возвращающихся к новой жизни на Большой земле, где нас ждало продолжение экспедиции — обработка наблюдений и написание отчетной монографии.

Короткий заход в залив Мурман у полуострова Адмиралтейства позволил провести полевое дешифрирование аэрофотосъемки этого исторического места, одновременно объяснив, что исчезновение пролива, которым воспользо-

вались голландские моряки в 1594 году, связано с более поздней подвижкой ледника Низкий, подтвердив этот вывод позднейшими литературными источниками.

В Москве мы убедились, что руководство достаточно прилично восприняло полученные нами результаты, хотя, видимо, не одобрило мой отказ от использования фототеодолитной съемки. Я совершенно правильно перенес в своей деятельности упор с движения льда (которое до сих пор остается наиболее дискуссионной проблемой) на колебания ледников и общую эволюцию, что нашло понимание у моих коллег. В частности, мои данные в части колебаний ледников были использованы для сопоставления с оценками вещественного баланса оледенения ледникового покрова Новой Земли по оценкам Чижова. Нам удалось оценить впервые потери льда на ледниковом покрове Новой Земли величиной 3 кубокилометра ежегодно с расхождением по двум независимым оценкам в пределах 20%. Когда-то Русанов определил направленность развития оледенения Новой Земли на качественном уровне, нам это удалось уже на количественном.

Среди моих результатов незаметно прошел вывод о разнице в темпах отступления ледников по побережьям Баренцева и Карского морей, который позднее в моей деятельности оказался весьма перспективным направлением.

В целом я был удовлетворен содержанием своих пяти глав в нашей коллективной монографии¹.

Только в Москве мы уяснили, каким бесценным материалом обзавелись, хотя я на первое место поставил бы приобретенный полярный опыт. Судьбы участников опи-

¹ Чижев О.П., Корякин В.С., Давидович Н.В., Каневский З.М., Зингер Е.М., Бажева В.Я., Бажев А.Б., Хмелевской И.Ф. Оледенение Новой Земли. М., 1968.

санных событий сложились по-разному, причем в будущем большинство предпочло сменить районы своих исследований на более южные. Из нашего коллектива первой защитилась Давидович. Мы от души поздравляли ее, тем более, что она продолжала ухаживать за своим мужем Каневским. Позднее эта пара обзавелась сыном, который, закончив МГУ, продолжил дело своих родителей, но уже в другой стране. Сам Каневский неоднократно возвращался в Арктику в качестве журналиста, с которым автор на протяжении многих лет продолжал тесное сотрудничество. Могу только сказать, что лучшего оппонента у меня не было. Однако наиболее успешно мое сотрудничество продолжалось с Зингером, работа которого с годами все больше становилась научно-организационной.

В заключение повторю, что на Новой Земле во время МГТ в 1957—1959 годах мы приобрели, по словам поэта, «особой жизни опыт, особый дух, особый тон...» — которому оставалось следовать в будущем...

Глава 4 1962. СЕВЕРОЗЕМЕЛЬСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Нельз не оценить того огромного преимущества, которое дает самолет современному исследователю.

Ричард Э. Бэрд

Поскольку мы с Евгением Максимовичем видели себя кондовыми полярниками, несомненные прелести Кавказа, Средней Азии и других горно-ледниковых районов страны в совокупности нас не привлекали. Занятые подготовкой к публикации результатов наблюдений МГТ, мы внимательно

продолжали следить за всем, что происходило в Арктике. Поэтому появление представителя Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ) Главсевморпути в Ленинграде, который провел встречу с некоторыми нашими коллегами, не прошло мимо нашего внимания. Тем более, что речь там, по сути, шла о разделе сфер деятельности на полярных архипелагах. Мой старший товарищ с присущей ему образностью неожиданно обнаружил прецедент в совсем другой области:

— Это напоминает конференцию сыновей лейтенанта Шмидта в Сухаревской башне... Соответственно, в любом случае нас это решение ни к чему не обязывает...

Такой вывод оказался весьма кстати, когда спустя некоторое время в нашем институте появились несколько представительных незнакомцев с книгой Зингера в руках о нашей двухгодичной зимовке на Новой Земле. Очевидно, в их глазах мы выглядели весьма компетентными и знающими специалистами. Правда, наши попытки добиться более полной информации от новых знакомцев пресекались короткой фразой:

— Мы из почтового ящика номер... Для начала запомните наше правило: меньше знаешь — крепче спишь...

Хотя подобное не совпадало с нашим менталитетом, но в то время это были обычные правила игры, в которую играло все советское общество. Нас абсолютно не интересовало, чем занимался данный почтовый ящик, но так хотелось снова оказаться в Арктике, тем более что с каждым днем возможности полевого сезона сокращались и сокращались. А наши будущие работодатели в своих решениях явно зависели от каких-то высоких инстанций, которые, возможно, не подозревали об этом. В результате мы отправились на полевые

работы лишь в конце августа 1962 года, заведомо слишком поздно.

Полет до Диксона был повторением событий накануне МГТ, зато дальше для нас начинались незнакомые места. Нам предстояло работать с полярной авиацией, занимаясь в основном аэровизуальными наблюдениями. К этому я был подготовлен уже своей предшествующей деятельностью: полевым дешифрированием аэрофотоснимков на Новой Земле, и использованием карт разного возраста и качества еще со студенческих лет. Другим моим преимуществом был опыт работы с Ан-2 во время тридцатичасовой летной аэросъемочной практики еще в студенческие годы. Среди материалов, которые я намеревался использовать, был отчет международной экспедиции общества Аэроарктик в 1931 году на дирижабле LZ-127 (командир Г. Эккнер, научный руководитель Р.А. Самойлович), с массой карт и аэрофотоснимков, которые весьмагодились. Хотя еще член-корреспондент В.Ю. Визе (наш ведущий полярный прогнозист предвоенного периода) считал их «изумительным достижением в исследовании полярных стран», по разным причинам эти наблюдения не получили своего развития, из которых главной оказалась расстрел Самойловича в 1940 году в качестве «врага народа». Однако уже к хрущевской оттепели эти материалы многие специалисты успели подзабыть. В том, что совокупное использование этих материалов вместе с новыми картами, аэрофотосъемкой и аэровизуальными наблюдениями будет полезным, у меня не возникало сомнений.

Однако прежде — несколько слов о самолете и экипаже Ан-2, составившем эпоху в освоении отдаленных пространств нашей страны. По арктическим нормам экипаж

явно усилен: помимо двух пилотов он включает еще механика и радиста. Первый пилот (он же командир экипажа, в составе которого предстоит работать и нам), Леонид Иванович Зотов, — участник 2-й Антарктической экспедиции. Второй пилот, молодой парень чуть старше двадцати лет, Валерий Викторов, успел окончить военное летное училище и тут же попал под очередное сокращение, теперь набирает летный стаж на гражданке.

Пока наибольшие опасения нам внушала погода, тем более что первопроходец Северной Земли Георгий Алексеевич Ушаков однозначно утверждал: «Я не знаю более мрачного месяца для глубокой Арктики, чем сентябрь. Недолгая борьба между уходящим относительным теплом и наседающими морозами делает его самым мрачным месяцем высоких широт». Разумеется, я помнил о своем первом знакомстве с Арктическим фронтом, даже если его влияние в Карском море с удалением от Северной Атлантики слабело.

Наши встречи на Диксоне со знакомыми еще по Русской Гавани моряками и полярниками первое время вызывали озабоченность наших сопровождающих из пресловутого почтового ящика. Однако они быстро убедились, что мы правильно пользуемся магической фразой «предприятие почтовый ящик...» для не посвященных в планы, о которых мы и сами не имели четкого представления, и, честно говоря, ими не интересовались.

Вылетели с Диксона мы 15 сентября курсом на мыс Челюскина, ознакомившись в процессе полета с северным побережьем Таймыра. Определенно на будущее это также перспективный район, даже несмотря на самое незначительное оледенение на самом востоке хребта Бырранга.

Несколько слов об особенностях самого полета и работе экипажа. Командир вел самолет на небольшой высоте, вписывая полет в рельеф местности, что поначалу вызвало наше удивление. «А он всю войну на штурмовике пролетал, так и продолжает», — гласил ответ на нашу недоуменную реакцию. Интересно было бы узнать, какая нам будет от этого польза. Ответ гласил: «Скоро узнаете...» Поскольку полет проходил в условиях приличной погоды, экипаж вел себя довольно свободно, нередко вступая с нами в разговоры, по крайней мере механик и радист.

Вот и сам мыс Челюскина — крайняя северная точка Евразийского континента, где с 1932 года находится крупная полярная станция, наблюдения которой отражали ледовую обстановку на важном участке Северного морского пути в проливе Вилькицкого. С побережья открывается пространство чистой воды без признаков льда в пределах поля зрения, хотя, видимо, так обстоит дело не всегда. Первым начальником здешней полярки был врач Б.Д. Георгиевский. Позднее здесь зимовали будущие Герои Советского Союза И.Д. Папанин и Е.К. Федоров, заслужившие свои золотые звезды на первой дрейфующей станции Северный полюс. Поблизости возвышается высокий каменный гурий, оставленный спутником Р. Амундсена Харальдом Свердрупом на месте астропункта, определенного весной 1919 года. По-своему самую северную точку континента отметила природа, уложив вблизи берегового обрыва округлую глыбу светлого пегматита диаметром в несколько метров.

Однако из мглы времен возвратимся в наше время, требовавшее от нас достойных решений, тем более что надо было использовать любую возможность. С утра 16 сентября пытаемся оценить обстановку по синоптической карте.

Синоптики (мудрецы или колдуны, по определению Зотова) ничего хорошего не обещают и пугают мраком, снежными зарядами и обледенением, надвигающимися с запада. К счастью, наш командир обладал правом принятия самостоятельного решения в любой сложившейся обстановке.

— Будем ждать или работать? — с этого вопроса Зотова начиналось для нас каждое утро. Определить высоты границ питания ледников (а это важнейшая характеристика оледенения) нам уже не удастся, увы... В дальнейшем с каждым днем будет только хуже, это очевидно... Определенно на выживание времени просто не оставалось.

Решили начать с восточного побережья архипелага, что подтверждали метеосводки с полярной станции на мысе Песчаный, куда мы вылетели во второй половине дня. Несомненно, риск оставался, но в нашем положении ничего другого не оставалось, с чем согласны и наши опекуны из ящичка, хотя и без признаков энтузиазма на лицах. Предстоящие испытания не лишили нас аппетита, и перед вылетом мы отдали должное летной столовой, в которой действующие нормы соответствовали представлениям о светлом коммунистическом будущем, хотя и в консервированном виде. С этим настроением мы и взлетели, с в меру отягощенными желудками, что, по опыту полярников всех времен, настраивает на успех, даже в самой сомнительной обстановке.

Пролив Вилькицкого мы пересекали над сплошным рыхлым облачным покровом, упиравшимся в южную кромку архипелага. Пилоты вели машину в свободном от тумана пространстве, пронизанном солнечным светом над пушистым одеялом слоистой облачности, имея над головой лишь прозрачную пленку высокослоистой облачности. Картина для нас была красивая, но почти безнадежная, до тех

пор пока по направлению полета спустя час из облачного месива стали появляться очертания пологих скальных выходов и ледниковых шапок, а порой даже участки местности, не позволявшие, однако, вести полноценные наблюдения. С приближением к заливу Ахматова в поле зрения появились ледники плоских вершин, причем с признаками недавнего таяния в виде замерзших потоков. Определенно выяснить положение границ питания невозможно, мы появились здесь слишком поздно. Зато характер коренного рельефа с преобладанием участков плато, рассеченных троговыми долинами, прослеживался вполне отчетливо, наравне с карами в обрывах плато. Одного этого для нас маловато... Картина стала меняться в лучшую сторону только с приближением к проливу Шокальского. Одновременно мы испытали резкие броски и провалы в воздушные ямы, характерные для горно-ледниковой местности. Наше настроение также стало меняться к лучшему, ибо общая ситуация уже не выглядела полностью безнадежной. Шансы на дальнейшее улучшение ситуации пошли вверх.

Окончательно мы определили свое положение лишь в заливе Микояна с остатками сохранившегося припая, одновременно отметив слева ледник Мушкетова, напоминающий очертаниями многолучевую звезду, взгромоздившуюся на каменный пьедестал обособленного участка плато. Пока в поле зрения — лишь обрывки некой общей картины, которая пока не складывается в единое целое, и общая обстановка оледенения на острове Большевик для нас остается нерасшифрованной. Посмотрим, что ждет нас дальше...

Пометавшись без толку вдоль побережья пролива Шокальского, повернули к мысу Оловянному на острове Октябрьской Революции, барахтаясь в воздушных ямах,

и вскоре буквально уперлись в кромку ледника Университетский, с многочисленными трещинами тут и там, перекрытыми снежными мостами. На открытой воде поблизости — россыпь айсбергов. Хотелось бы понять, какие изменения здесь произошли после аэрофотосъемки в середине 1950-х годов, но из-за отсутствия приметных ориентиров эта попытка оказалась безнадежной.

Между тем по мере продолжения полета облачность, уплотняясь, поднималась все выше, прямая видимость улучшилась, хотя краски поблекли, а окружающие ландшафты утратили цвет, представ перед нами в скупой, но выразительной черно-белой гамме от горизонта до горизонта. Грандиозность и суровость открывшегося пейзажа не могли не вызвать чувства восхищения. Похоже, восточное побережье острова Октябрьской Революции обещало нам больше, чем уже пройденное пространство.

На полете к фьорду Марата (после XX съезда пришлось срочно сменить первоначальный топоним в честь французского сталиниста на созвучное имя известного якобинца) мы не обнаружили чего-то принципиально нового. Правда, были отмечены признаки наличия пьедестала коренных пород в виде некоего цоколя в основании ледниковых шапок, мимо которых мы пролетали. Интересно также продолжение фьорда Марата в глубь суши, где происходит контакт ледниковых шапок Университетский и Карпинского, но по условиям обзора эту проблему пришлось оставить на будущее. Прорыв целой серии выводных языков с ледниковой шапки Карпинского к морскому побережью, один из которых широкой трещиноватой лопастью достигал моря, также представлял интерес, но ожидаемого отступления концов этих языков от морского побережья или краевых морен

здесь не оказалось. Похоже, явные признаки сокращения оледенения, которые бросаются в глаза на Новой Земле, здесь отсутствуют. Почему — вопрос на будущее.

Для обследования верховий выводных языков мы пересекли восточную часть ледниковой шапки Карпинского, словно прислонившуюся к крупному массиву выходов коренных пород с максимальными абсолютными высотами на архипелаге, превышающими 900 метров, также не обнаружив здесь ничего принципиально нового.

На исходе был третий час полета, и уже отчетливо начала сказываться усталость, тем более что одновременно приходилось следить за местностью и отслеживать изменения метеобстановки, поскольку приближение лохматых облачных масс с запада внушало самые серьезные опасения. Однако, когда по направлению полета обозначился залив Матусевича, мы на время забыли об этой угрозе — и было отчего!

Вот оно, то новое, ради чего мы стремились на Северную Землю, причем в таком сложном сочетании разнообразных особенностей оледенения, которые одновременно озадачивали и заставляли искать причины. Слишком многое не укладывалось здесь в наши привычные представления и схемы, сформировавшиеся ранее, и это в любом случае требовало объяснения, причем с каких-то новых, непривычных позиций. Одним словом — не залив Матусевича, а сплошная природная головоломка...

Во-первых, сама ледниковая плита, заполнившая залив. На севере она упиралась в небольшие острова Трудный и Преграждающий, судя по карте 1953 года, — так это было и на аэрофотосъемке 1931 года с борта «Графа Цеппелина». А кое-где даже слегка выдвинулась... Вопреки всем теориям XX века, утверждавшим повсеместное отступление оледене-

ния, ледник в заливе Матусевича, заведомо находившийся в самых неблагоприятных условиях, не желал сокращаться, и все тут! Однако!..

Во-вторых, сам ледник определенно был необычным по своим формам ледниковой поверхности, с системой характерных ледяных валов, обративших на себя внимание еще первопроходцев Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева, побывавших здесь почти тридцать лет назад. Странный ледник и потому, что он питался потоками льда с ледниковых шапок Карпинского и Русанова. Неслучайно один из сотрудников ААНИИ, И.В. Семенов, отнес его к экзотическому типу шельфовых ледников, с чем следовало согласиться.

Еще одна загадка залива Матусевича — этот ледник отсутствует на современной карте, составленной по результатам аэрофотосъемки 1953 года! На официальной карте, единственном документе, коим нам надлежит руководствоваться, его нет — а мы его реально видим с высоты полета настолько отчетливо (причем все вместе!), и это отнюдь не оптический обман. Более того, он присутствует на самой аэросъемке, и ледник площадью свыше двухсот квадратных километров дешифровщики никак не могли пропустить! Так и осталась для нас неразгаданной эта загадка, и никто не смог мне ее объяснить с тех пор! Бывают ситуации, которые проще объяснить вмешательством потусторонних сил, но в науке такие объяснения не проходят...

Непогода заставила нас срочно возвращаться, тем более что полученные результаты требовали обдумывания. Пока ясно, что какой-то минимум информации мы получим, но с самого начала она не ложилась в привычные рамки мышления, сформировавшиеся на Новой Земле. И с этим что-то надо было делать. С возвращением на мыс Челюскина погода

становилась все хуже и хуже буквально с каждым днем, и тогда возобладала идея перелета на остров Средний, почти в 400 километрах северо-западнее.

Этот перелет оставил у его участников сильные впечатления и, главное, серьезно поколебал наши надежды на удачный исход всего предприятия. Мы в полной мере оценили работу экипажа и способность Зотова к бреющим полетам, позволявшим ему избегать обледенения в условиях перехода температур через ноль в узком слое приземного слоя воздуха. Спустя почти два часа торосы и редкие разводья под брюхом машины замелькали все быстрее и быстрее, стало ясно, что мы снизились до опасного предела. Поведение экипажа в сложившейся ситуации заметно изменилось. Бортмеханик, устроившийся между пилотами, взял на себя заботы о моторе, а радист все чаще стучал ключом, сохраняя непроницаемое выражение лица. Очередная попытка ознакомиться с внешним миром привела к неприятному открытию: на передней кромке крыльев отчетливо нарастал лед, и под его тяжестью начали дрожать расчалки нашего биплана. Время от времени обшивка нашего самолета получала какие-то легкие удары. Заглянув через плечо бортмеханика в кабину, я понял их происхождение: отодвинув створки фонаря, пилоты время от времени голыми руками сбрасывали лед со стекол, который и стучал по фюзеляжу. Спустя полтора-два часа в иллюминаторах промелькнула присыпанная снежком какая-то суша, и, вероятно, все участники полета вздохнули с облегчением. О приближении желанного мига посадки свидетельствовало также появление других наземных ориентиров в виде геодезической пирамиды, припорошенного снегом вездеходного следа, затем в поле зрения обозначилась машина с с фигурой человека в кузове, воздевшего к небу руки, одновременно

с разверстым (судя по выражению лица, отнюдь не приветственным) в крике ртом. Наконец долгожданный упругий удар шасси по галечниковой взлетно-посадочной полосе, броски нашей крылатой машины, энергичная подвижка груза и свалка тел: какие мелочи в сравнении с тем, что могло бы случиться при ином исходе, тем более, что, похоже, сиделись мы поперек взлетно-посадочной полосы! Морозный свежий воздух ворвался в открытый проем двери и, переполненные разнообразными переживаниями, мы с облегчением покидаем наш аппарат тяжелее воздуха, в надежности которого мы окончательно убедились. По пути в очередную летную гостиницу интересуюсь: а что за странный человек в кузове машины приветствовал нас? Ответ гласил: «Это руководитель полетов кричал: “Самоубийцы!..”» Как говорится — ноу комментс...

На Среднем задержались почти на неделю все по той же причине: непогода. Сам остров — длинный и узкий, по которому проложена взлетно-посадочная полоса. Ветры сдувают здесь снег почти полностью, да и накопиться ему негде. Отсюда проблемы с водой, достаточно подсоленной... Однажды увидели в разрывах непогоды силуэт каравана — снабженца в тяжелых льдах в сопровождении атомного ледокола «Ленин» и старичка «Ермака», вызвавшего воспоминания о моем первом появлении в Арктике. Воистину, встреча будущего с прошлым. Местная достопримечательность — домик экспедиции Ушакова-Урванцева, перенесенный с хозяйственными целями на Средний и украшенный самодельной мемориальной доской.

Похвастаться успехами от нашего пребывания на Среднем мы не можем. Вылет 24 сентября, практически в зимних условиях позволил осмотреть лишь западный участок

ледника Вавилова немного дальше мыса Кржижановского, когда пришлось возвращаться. Ничего нового по сравнению с картой или аэрофотосъемкой.

С каждым новым днем наши надежды таяли, и 27 сентября стало ясно — возвращение на Большую землю в любом случае становилось неизбежным. Когда мы взлетели, погода как будто пошла на улучшение, а вместе с ней и наше настроение. Морозец до -15 , над головой снова высоко-слоистые облака. Взлетев, быстро убедились, что снежка за истекшие дни привалило немало, что не в нашу пользу. Для начала направились по долине реки Подъемной, по которой тридцать лет назад Ушаков и Урванцев выполнили первое пересечение архипелага от Карского моря до моря Лаптевых. Хотя нам удалось лицезреть почти в упор ледники Дежнева и Альбанова, также водруженные на останцы расчлененного плато, это мало что добавило к тому, что мы уже знали. Похоже, что солидный кусок такого же плато скрывает в себе еще и ледник Вавилова, бровка которого вот-вот вылезет на поверхность. Убедившись, что особых открытий здесь не предвидится, решили обогнуть его с запада и затем осмотреться в центральной части острова Октябрьской Революции в поисках сквозной долины, ведущей к верховьям залива Марата.

С выходом на прибрежную равнину на меридиане бухты Макарова я неожиданно убедился, что отчетливо вижу под пеленой свежего снега речную сеть, чему немало способствовала подсветка от низкого полярного солнца. Определенно я должен с благодарностью вспомнить своих преподавателей по МИИГАиКу, заставлявших нас заниматься дешифрированием аэроснимков практически ежедневно на протяжении всех пяти лет обучения! Это помимо тридцати часов летной

практики... Они же научили меня творчески использовать картматериалы былых времен, без ненужного презрения к предшественникам, не обладавшим нашими познаниями и техникой. Хотя иные мои коллеги смотрят на карту былых времен, слегка оттопырив от пренебрежения нижнюю губу (считая ее безнадежно устаревшей), но выпускник МИИГАиК подобного себе позволить не может.

Но для этого карту на основе аэрофотосъемки с дирижабля «Цеппелин» надо оценивать не в современной системе координат (которой в то время тогда просто не существовало), а с привязкой к конкретным объектам местности, в пределах которых точность вполне на уровне! Определенно я мог «привязать» положение южного края ледника Вавилова в районе озера Изменчивое достаточно уверенно, определив его изменения с 1931 года, благо край ледника здесь нередко кончался вертикальным обрывом, порой с оторвавшимися ледяными глыбами у подножия, а сама карта была выполнена с немецкой пунктуальностью и детальностью. А результат неожиданный, поскольку край ледника здесь продвинулся приблизительно на четыреста метров, что выглядело неожиданным. Моя активность привлекла внимание Зингера, который стал периодически задавать мне вопросы: «Что ты там видишь?» В спешке я не мог довести основы дешифрирования местности до своего старшего товарища, которому не преподавали этой дисциплины, тем более, что я старался не упустить подарка, который преподнесла Арктика. Ситуация здесь с точки зрения изменения размеров оледенения совпадала с тем, что мы наблюдали в фьорде Матусевича в совершенно иных условиях, что не могло быть случайностью — снова очевидная разница по сравнению с Новой Землей! Определенно зна-

ния, полученные мной в студенческие годы, позволяли мне видеть проявления природного процесса на местности! Это было главное, что я вынес с Северной Земли и что старался развить впоследствии. Осталось только найти причину этого и в голове словно стучало: думай, думай, думай.

Забегая вперед, лишь отмечу, что главной причиной малой изменчивости размеров оледенения оказались небольшие составляющие его вещественного баланса: при малом приходе и расходе льда здешние ледники просто не могли вести себя иначе. Та же самая причина, что и на Новой Земле, где ледники на Карской стороне отступают медленнее, чем по побережью Баренцева моря. Вот что дает сравнительный анализ ситуации на разных архипелагах, и дело исследователя — воспользоваться ею.

Интересной также оказалась сквозная долина между ледниками Карпинского и Университетский. Перегородив ее своеобразной ледяной плотиной, они образовали здесь озеро Фиордовое, южнее которого глубоко врезанное русло реки Курчавой четко определяет неподвижный край ледника Университетский. Уставшие, благополучно приземлились на мысе Челюскина, испытав удовлетворение от достигнутого. Месяцем раньше мы получили бы более богатые результаты, однако выбор времени зависел не от нас.

Определенно у нас было основание считать нашу кратковременную рекогносцировку (всего-то пятнадцать летних часов с аэровизуалкой!) успешной по ряду причин. Отличия от Новой Земли мы установили на Северной Земле по трем направлениям. Первое: эволюционные ряды ледников на обоих архипелагах едва ли повторяли друг друга, развиваясь независимо. Второе: в целом состояние совокупности ледников Северной Земли далеко от повсеместного отступления и ближе

к стационарному. Третье: причины столь разного поведения ледников на обоих архипелагах остались неясными (пока!), и их поиски, очевидно, должны стать главной задачей на будущее. Хотя ко времени публикации нашей статьи-отчета по результатам аэровизуальных наблюдений 1962 года нам стало понятно, что продолжение работ на архипелаге не предвидится, мы все же решились на ее публикацию, наивно полагая, что она кому-нибудь пригодится. Однако не тут-то было...

Наши оппоненты из ААНИИ такой вывод посчитали еретическим, настаивали на отречении от него. Правда, спустя тридцать лет они согласились по результатам повторных съемок, что один и тот же ледник может одновременно наступать и отступать, отметив, что «впервые эту особенность ледника Вавилова заметили Е.М. Зингер и В.С. Корякин, выполнившие аэровизуальные наблюдения на Северной Земле» (1995, с. 28—29)¹. Правда, для признания этого нашим оппонентам понадобилось более тридцати лет и новые повторные наблюдения, в отличие от нашей скромной аэровизуалки. Важно, что обозначилась очередная проблема: каким образом наступание возможно при отрицательном вещественном балансе?

Позднее иные наши коллеги пришли к выводу, что их «оценки не подтверждают вывод В.С. Корякина об отсутствии площадных изменений ледников Северной Земли в XX веке»².

¹ *Большакинов Д.Ю., Макеев В.М.* Архипелаг Северная Земля: оледенение, развитие природной среды. СПб., 1995. С. 27—28.

² *Глазовский А.Ф., Мачерет Ю.Я.* Климатически обусловленные колебания ледников во второй половине XX века // Оледенение Северной и Центральной Евразии в современную эпоху. М., 2006. С. 109.

Похоже, указанные авторы просто игнорировали нашу точку зрения, где прямо утверждалось, что «небольшие ледниковые шапки сокращаются в размерах, в то время как крупные ледники сохраняют стационарное положение или даже наступают»¹, хотя окончательно указанные изменения оказались в пределах точности наблюдений. Важнее другое: «Веленью божьему, о муза, будь послушна. Обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемля равнодушно», — упорствуй в главном до конца!

Однако не стоит зазнаваться. Если отличия между ледниками Новой Земли и Северной Земли для меня были очевидны, включая их изменения, должен сказать, что я ни разу тогда не вспомнил о разнице в поведении ледников на берегах Баренцева и Карского морей на Новой Земле, хотя на Северной Земле работал тот же принцип: убывание размаха колебаний по мере удаления от источника, питающего осадки на Севере Атлантики. Еще раз повторюсь: до количественной оценки этого явления мне оставалось почти четверть века...

Определенно работами 1962 года удалось привлечь внимание к необычной ситуации на Северной Земле, суть которой заключалась в совокупности незначительных изменений противоположного характера здешних ледников, определивших в сумме эволюцию оледенения, близкое к среднему значению, что отличает его от других архипелагов. Этот вывод не устраивал большинство наших коллег, с их взглядами на повсеместное сокращение оледенения. Реальность оказалась сложнее, как мы это обнаружили еще

¹ Зингер Е.М., Корякин В.С. О современном состоянии оледенения Северной Земли // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 96. Вып. 6. С. 476.

в 1962 году. Спустя десять лет по космоснимкам «Ландсат», отснятыми в 1973 году, возникла возможность сопоставления: совпадение с предшествующими оценками, которое оказалось в тех же пределах — плюс-минус 20 квадратных километров или 0,1 % от общей площади оледенения архипелага и возможной личной ошибки! То же повторилось и для ледника Вавилова. Правда, мы не договорились по поводу ситуации на острове Большевик, засыпанном свежес выпавшим снегом, где мой оппонент обнаружил сокращение оледенения порядка 400 квадратных километров, принятых моими оппонентами на веру. В то время было известно о единственном достоверном исключении — сокращении размеров ледниковой шапки на острове Пионер. С учетом этого в «Атласе снежно-ледовых ресурсов мира» последовал вывод: «Остальные ледники в 1931—1973 годах находились в стационарном состоянии», даже если из-за качества изображения авторы не пришли к единому мнению по поводу происходящего на острове Большевик.

Однако вернемся к нашим работодателям, которые, судя по всему, не собирались всерьез связываться с Арктикой. Соответственно, они стремились подать природную часть, за которую мы отвечали. Пришлось нам упереться, но свою позицию мы все же отстаивали. Возможно, на нас имели какие-то виды на будущее, но мы повторяли: сделаем свое и уходим. При нас нашу часть зашили в обширный том, не показав заголовка проекта или технического задания, со словами: «А это, ребята, вам знать не надо...» Я бы сказал, что расставались с нами сочувственно (по крайней мере рядовой состав), удивляясь нашему отказу от повышенного оклада, продуктовых наборов, каких-то отпускных благ советской поры, но для полярников-полевиков свобода выбора оказалась дороже.

Конечно, занятия наукой у рядовых исполнителей способны вызвать множество разнообразных эмоций. Лично для меня как исследователя на первом месте вопрос: «Интересно или неинтересно?» Говорю это не для назидания, а только поясняю свои мотивы. Я далек от мысли, что наши оппоненты руководствовались желанием осадить зарвавшихся конкурентов или «уконтрапупить» нас иным образом, как это порой случается в науке. Все же лучше было попытаться найти общий язык в поисках истины, жертвуя второстепенным и сохраняя главное, к чему были все основания. Правы те, кто утверждает, что в науке надо жить долго, если хочешь убедиться в собственной правоте. Но это уже как кому повезет, хотя, на взгляд автора, важнее иметь (разумеется, помимо интеллекта) еще терпение и крепкие нервы, которых так часто не хватает. А также желание понять друг друга... Если актуальность ситуации, обнаруженной нами на далеком арктическом архипелаге, сохранялась столь долгое время, значит, мы рисковали не даром.

Важнее, что мы сохранили ценную природную информацию, которая исчезла бы наряду с другой в одном из бесчисленных почтовых ящиков советской поры из-за пресловутой сверхсекретности, цену которой мы в полной мере оценили еще на Новой Земле. Наконец, использование карт предшественников явилось продолжением того, что я начал уже на Новой Земле, и на будущее оказалось весьма перспективным направлением. Правда, оказалось, что карты могут подсказать планирование полевой деятельности еще на стадии подготовки экспедиции, в чем нам предстояло убедиться скорее, чем мы ожидали.

Часть вторая НАСЛЕДИЕ А.Э. НОРДЕНШЕЛЬДА

Глава 5 ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1965

Старый корщик Паникар
Мне судьбу обдумал.
На три года приказал
Отойти на Грумант.
Груманлански берега,
Прежний путь изведен.
И повадились ходить
По отцам и дедам.
Из поморского фольклора

В роли корщика Паникара, героя поморского эпоса, выступал Григорий Александрович Авсюк, глава наших гляциологов. Он благословил нас на очередной вояж с напутствием: «Запомните, эта не та экспедиция, которую можно провалить...»

Наш предшествующий опыт уже подсказывал, что предстоит конкурировать в своих оценках и выводах с исследователями мирового уровня, — ведь Шпицберген

притягивал, словно магнитом, ведущих специалистов многих направлений наук о Земле. Здесь всего тридцать лет назад ведущие скандинавские ученые Х.В. Альман и Х.У. Свердруп внедрили в практику исследований методику вещественного и теплового баланса, положенных в дальнейшем в основу гляциологических исследований на любых ледниках планеты от Хибин до Антарктиды.

В отличие от Новой Земли, где мы действовали по спущенному «сверху» плану, программу исследований на неизвестном для нас архипелаге нам предстояло выработать самим. Первые же попытки получить какие-то более или менее надежные сведения об оледенении архипелага из литературных источников заставили меня удивиться. Краткая географическая энциклопедия с исчерпывающей полнотой сообщала, что «большая часть Шпицбергена покрыта ледниками, которые местами спускаются к морю». Мое удивление усилилось, когда в работе известного гляциолога члена-корреспондента С.В. Калесника (1963) утверждалось, со ссылкой на зарубежных ученых, что «ледники занимают 58 тыс. квадратных километров, т.е. свыше 90 % территории» (с. 441). Определенно на архипелаге сложилась своеобразная ситуация, когда одни направления в исследованиях обгоняли другие, что не могло не привести к определенной путанице.

Любой опытный гляциолог начинает постигать премудрости района предстоящих исследований с положения снеговой границы (или границы питания) ледников, о которой С.В. Калесник сообщал: «Внутри острова (Западный Шпицберген. — В.К.) снеговая линия лежит на высоте 800 метров, в западной части она повышается с севера на юг от 200 до 600 м» (с. 443). Правда, наличие, по Калеснику,

трех центров или массивов оледенения на главном острове архипелага отвечало существующим картам, с небольшими горными ледниками в центре этого массива суши. В любом случае наше внимание привлекала ситуация на восточном побережье главного острова архипелага.

Реально основная масса ледников на западе и востоке главного острова располагалась по побережьям обеих морей, сливаясь на юге, тогда как в его центральной части находились сравнительно небольшие горные ледники, что установил еще первоисследователь оледенения архипелага известный полярный корифей Адольф Эрик Норденшельд. Считая современное оледенение пережитком бывшего древнего оледенения, он не мог объяснить, каким образом оно деградировало своей центральной частью, то есть областью питания. Позднее английские последователи Норденшельда назвали такую необычную ситуацию «загадкой оледенения Шпицбергена». У нас были все основания считать себя наследниками проблемы, оставленной нам этим выдающимся полярником своего времени. На протяжении целого столетия она не получила достойного решения, что настраивало нас на очередной поиск.

В попытке разгадки я построил розу ориентировки горных ледников, обнаружив преобладание северо-западных и северо-восточных направлений. Это означало поступление питающих осадков с акваторий Гренландского и Баренцева морей. Причем этот вывод подтверждался (как и на Новой Земле) преобладающим развитием ледников, обращенных навстречу влагопитающим потокам, стекающим от общих местных водоразделов. В любом случае эти совпадения не могли быть случайными, поскольку со статистикой не поспоришь.

Своими соображениями я поделился с Леонидом Сергеевичем Троицким, которого Авсюк назначил научным руководителем Шпицбергенской экспедиции. В отличие от иных коллег, местами подверженных своеобразному научному снобизму, Троицкий оценил мою идею. А когда начальником экспедиции стал уже известный читателю Евгений Максимович Зингер, лучшего тандема было невозможно найти. Володя Михалев из бывшей Полярно-Уральской экспедиции эпохи МГГ взялся за вещественный баланс и термику ледников, а Слава Маркин из бывшей экспедиции на Землю Франца Иосифа по программе МГГ — за гляциоклиматологию.

Начитавшись в процессе подготовки зарубежной научной литературы и тем самым испытав влияние Запада, свою первую экспедицию на этот архипелаг мы стали именовать «операция Шпиц-1965» и т.д., с указанием даты, как все последующие.

Вместе с шахтерами «Арктикугля» в первых числах июня мы покинули Мурманск на стареньком теплоходике «Сестрорецк» (постройки 1912 года), испытав на подходах к Шпицбергену все прелести практического фронта, запомнившиеся еще по памяtnому октябрю—ноябрю 1956 года. На этот раз морского простора на границе Гренландского и Баренцева морей оказалось побольше, причем отсутствовал лед, способный укротить волнение. Морская стихия явила себя в полной мере, уложив не слишком привычных к морю пассажиров (в основном из донецких шахтеров) в койки, предоставив более приспособленным вдоволь пировать в столовой.

Утро 8 июня было отмечено такими бросками и рывками судна, что с трудом можно было оставаться в койке. При сильном крене иллюминаторы погружались то и дело в воду,

так что периодически в каюте воцарялся сумрак. Совсем по Киплингу:

Если в окнах каюты зеленая мгла
И вздымаются брызги до труб.
И встают поминутно то нос, то корма...

На очередном гребне волны завывания винта, выводившие адские мелодии, были способны деморализовать самых стойких. Вскоре раздались звуки, напоминавшие винтовочные выстрелы, с которыми вылетали заклепки металлической обшивки. Неудивительно, что некоторое время спустя к какофонии шторма добавился плеск воды во внутренних помещениях судна. Начали коробиться переборки в каютах, и ударов стихии не выдержал даже толстенный пиллерс, подпиравший подволоку вместе с верхней палубой. Шторм приобретал настолько суровый характер, что стоило в этом убедиться собственными глазами со шлюпочной палубы, добраться до которой по внутренним трапам, вырывавшимся из-под ног, оказалось непросто.

Открывшаяся картина впечатляла: огромные пологие волны, увенчанные пенными гребнями, одна за другой неторопливо накатывались откуда-то из просторов Атлантики, и наше суденышко, нещадно раскачиваясь, скользило по их скатам, чтобы начать карабкаться на очередной, вытряхивая из своих пассажиров все, что можно вытрясти, включая остатки души или чего-то ей соответствующего. Правда, с приближением к берегам Шпицбергена шторм стал заметно стихать. Гористые берега архипелага за беснованием волн видны были урывками, однако на нижней кромке облачности уже отчетливо проявились признаки «ледяного

неба» в виде светлых участков отражавшихся ледников Туррелла у входа в залив Хорнсунн. Скоро по курсу обозначилась гора Седло на южной оконечности Земли Принца Карла, предвещая поворот в глубь Ис-фьорда, где на берегах залива Грен-фьорд приютился Баренцбург. Его население высыпало встречать первое судно с Большой земли, плотно заполнив небольшой причал под звуки самодеятельного оркестра и радостные вопли: «Ура!» Каждый при этом получил свое: обитатели Баренцбурга (помимо почты) — смену зимовщиков и сопутствующие им впечатления. Мне же в день рождения достался целый архипелаг с сопутствующими надеждами! Забегая вперед, лишь отмечу — они оправдались...

Отметились в консульстве (включая бутылку коньяку) и продолжили свой путь по водам Ис-фьорда в Пирамиду, очередной шахтерский поселок в центре архипелага, который в том полевом сезоне оказался нашей экспедиционной базой. Выбор места работ неслучаен: еще в 1934 году Альман определил баланс оледенения в северо-западной части архипелага, Польская академия наук со времен МГГ 1957—1959 годов оседдала юг Шпицбергена на берегах Хорнсунна. Мы уже выбрали относительно неизведанный кусок оледенения Шпицбергена на северо-востоке главного острова архипелага. Тем он и интересен, что возникает возможность сопоставления с другими, более изученными районами архипелага. Консульство обещало поддержку вертолетами, намекнув, что на будущее возможны и другие интересные места. Эти люди знали, чем заинтриговать нашего брата..

Оставив в Баренцбурге Зингера решать массу организационных проблем, на пути в Пирамиду мы не просто

наслаждались потрясающими видами горной страны под лучами весеннего солнца, мы пытались созерцать загадку оледенения Шпицбергена изнутри, что удалось частично. Убедившись в ее реальности, мы, разумеется, ни на шаг не приблизились к ее разгадке. Если она существует под сотню лет, рассчитывать на ее разрешение в ближайшие дни нереально, даже в наш стремительный век.

Из Пирамиды, пока Зингер в Барендбурге договаривался с вертолетчиками, мы провели пешую рекогносцировку в нижней части ледника Норденшельда практически до скал Эккокнаусен (Эхо скал — по-норвежски) в пятнадцати километрах от фронта ледника Норденшельда, выполнив одновременно бурение с замером температур ледника вплоть до глубины 20 метров, не считая снегосъемок и установки вех для определения таяния. По сравнению с известным читателю ледником Шокальского на Новой Земле, здешний ледник Норденшельда оказался намного доступнее, да и поменьше размерами. Как и на Новой Земле, привязку его фронта я выполнил с припая. Великолепным ориентиром оказался островок Ретрит, показанный на карте английской экспедиции Харланда из Кембриджского университета 1949 года, настоящий бараний лоб, на котором ледник оставил отчетливую штриховку и даже глубокие борозды, в конце которых остались лежать солидные валуны, повергшие в восторг Троицкого. Меньше эмоций вызвало у меня незначительное отступление самого ледника Норденшельда.

Из других впечатлений, по сравнению с Новой Землей, ледники и здешние горы более миниатюрны, климат лучше (в первые дни нашего пребывания солнечно и ни одного дня с туманом), а сам архипелаг чересчур населен не только людьми, но и представителями полярной фауны, морской

и воздушной. Здорово обгорели на весеннем солнышке, упражняясь в перетаскивании саней и бурении, что позволило быстро обрести полевую форму, как физически, так и морально, вживаясь в окружающую обстановку, обретая уверенность на будущее. Это важно в свете предстоящей высадке на ледниковом плато Ломоносова, основном объекте наших исследований, истоках самого ледника Норденшельда. Наши скромные первые удачи, разумеется, — еще не окончательный успех, но настраивают на него, и мы, что называется, закусили удила. Этот настрой уже не покидал нас, пока мы работали на Шпицбергене. Какой ценой он давался — другой вопрос, но скопление неподвижных тел в лагере у фронта ледника Норденшельда после ручного бурения на означенном леднике напоминало побитое воинство, к счастью ожившее, чтобы предаться в обжорстве восполнению затраченной энергии.

Тем временем Зингер закончил переговоры с вертолетчиками, а мы, вернувшись с ледника Норденшельда, успели подготовиться к заброске на ледниковое плато Ломоносова, сосредоточив наш груз на футбольном поле Пирамиды. Разумеется, мы не спускали глаз с объекта наших вожделений, ожидая от погоды всяческих пакостей местного значения. Однако Арктика была к нам благосклонна, и уже 23 июня радостный гул вертолетов огласил окрестности Пирамиды. Для вертолетчиков освоение ледников было делом новым, как и для нас возможности винтокрылых машин, поскольку мы с ними работали впервые. К счастью, скалы Эккокнаусен (с которыми мы познакомились визуально в предшествующих пеших маршрутах) оказались великолепным ориентиром, а от них до главного водораздела острова на высоте 1200 метров оставалось всего-то пять километров. В тот

момент меня интересовало: а как будет выглядеть с высоты полета этот самый водораздел-ледораздел?..

В качестве штурмана я во время дал сигнал на посадку по расчету полетного времени от скал Эккокнаусен. За посадкой последовала стремительная разгрузка, я смог перевести дыхание и, вслушиваясь в гул удалявшегося Ми-4, я в одиночестве смог оценить окрестный пейзаж, — определенно мы сели на самом ледоразделе. Наслаждаясь оглушительной тишиной на гребне очередного успеха, в океане солнечного света посреди разбросанного экспедиционного добра, я пытался уяснить смысл происходящего.

Я не успел проникнуться чувством одиночества, которое спустя полчаса сменилось очередным разгрузочным авралом по принципу «давай-давай». Кроме нас, все остальные участники неожиданного аврала в шпицбергенской глубинке стремились как можно скорее вернуться в более цивилизованные места, опасаясь смены погоды. Участники высадки на ледниковом плато Ломоносова сохранили воспоминания также о заветной фляжке, пущенной по кругу, и даже об огурце из теплиц в Пирамиде, впервые в истории использованном в качестве закуски на ледниковом плато Ломоносова. Таким было начало грандиозного научного аврала на Шпицбергене.

Вертолеты улетели, и вековая тишина вновь вернулась на ледниковое плато Ломоносова, которое нам предстояло обживать. Первым дело жилье — каркасная арктическая палатка Шапошникова (КАПШ) для трех обитателей стационара (во главе с Зингером) и скромная походная обычная двускатная для маршрутной группы (Троицкого и меня). Вкапываем их в снег поглубже, ибо особенности погоды в этой части Шпицбергена никому не известны,

а запомнившаяся новоземельская бора во всей красе может проявиться и здесь.

В процессе создания стационара мы вертим нашими головами по всем направлениям, и наш кругозор от этого значительно расширяется, тем более что в поле зрения с высоты 1200 метров оказалась солидная часть Шпицбергена. На западе помимо горы Пирамида на заднем плане в поле зрения отчетливо видна нижняя прифронтальная часть ледника Норденшельда с нунатаками Терьер и Ферьер характерных очертаний, за которыми просматривается значительный участок Земли Норденшельда. Это означает, что в случае пешего возвращения в Пирамиду пешком будущий маршрут будет у нас перед глазами, что немало. Помимо ледникового плато Ломоносова, которое теперь от нас не уйдет, немалое место в этих поисках занимает именно Земля Норденшельда, которая, укладываясь в общую концепцию, требует подтверждения какими-то количественными оценками, которые надо еще найти.

Пейзаж на востоке (чем и хорош высоченный ледораздел, обзор с которого простирается на 150 километров), также впечатляет, причем вдали мы видим какой-то остров, рельеф которого не только значительно ниже окружающего нас, но отличается гораздо более плоским характером. Поначалу ломали голову, опасаясь спутать острова Эдж и Баренца, но затем по характерному ориентиру — леднику Дуквиту — убедились, что имеем дело с последним. Позднее расшифровка местности на основе характерных дальних ориентиров вошла в привычку, но начало ей было положено на ледниковом плато Ломоносова. Такая привычка оказалась весьма полезной для исследователя-маршрутника: ведь на Новой Земле мы работали на хорошо знакомом ограниченном пространстве,

а на Северной Земле пятнадцати летних часов было недостаточно, чтобы подобная практика стала привычкой. В горах Памира или Тянь-Шаня, насколько могу судить по собственному опыту, обзор обычно ограничен склонами ближайших долин, и подобное удовольствие выпадает крайне редко.

Обвал первых впечатлений вместе с усталостью заставил нас поскорее забраться в спальные мешки. Первую ночь в настоящих полевых условиях мы спали как молодые боги, уставшие от сотворения мира, тем более что погода не нарушила наш покой ни единым порывом ветра. Однако проснулись мы в промозгом и сыром тумане, тонкий слой которого оседлал наше ледниковое плато при температуре около минус шести. По радио температура в Москве плюс 23, разница солидная, которую мы трактуем в свою пользу, поскольку наши перспективы в обозримом будущем в части грядущей научной информации просто безграничны. Уже по этой причине нам в Москве делать нечего, а сами повседневные заботы москвичей с высоты главного водораздела Шпицбергена выглядят в высшей степени несолидными, вроде бесконечной беготни по магазинам, толкотни в транспорте, ругани на базаре, сидения в приемных в ожидании подписи руководства и т.д. и т.п. Оценивая подобную ситуацию как «сплошной содом и геморрой», Зингер призывает нас еще раз покрыть нашу полярную службу неувядаемой славой, одновременно обещая премии и солидные полевые. Это не считая несомненных достоинств окружающей среды в виде свежего воздуха высоких широт, окружающего простора, прелести окрестных пейзажей и, наконец, здорового образа жизни на фоне девственной природы. По мнению нашего начальника, все это в совокупности, несомненно, будет способствовать формированию из нас самых светлых личностей светлого

коммунистического будущего! Наконец, только здесь, неподалеку от полюса, можно наконец отдохнуть от чрезмерного женского влияния — судя по высказываниям (боюсь, не вполне объективным) моих коллег, именно последнее больше всего досаждало всем нам на Большой земле. Впрочем, есть основания полагать, что это слишком смелая мысль, тем более, что полярникам свойственно ошибаться, наравне с остальным человечеством.

Суровая полярная действительность, однако, требует покинуть спальные мешки и приниматься за повседневные обязанности, о чем возвестили звуки металлической посуды и треск вскрываемых ящиков с харчами в сопровождении запаха пирамидского угля из трубы командирского КАПШа. Какой-то странный туман, весь пронизанный солнечными лучами, из которого время от времени тут и там возникают и исчезают очертания скального рельефа на ближайших нунатаках. Арктика явно дразнит нас, завлекая и обольщая. При утреннем туалете вместо освежающей воды наши лица обходятся свежим снежком.

Картина научного стационара тем временем дополняется монументальной метеобудкой, не считая флюгеров и актинометрических устройств, относящихся к хозяйству Славы Маркина, помимо многочисленных лыж и лыжных палок, воткнутых в ближайшие сугробы, разбросанных связок деревянных реек, каких-то тюков и ящиков с углем и продовольствием и прочих свидетельств вторжения цивилизации в первозданные полярные просторы.

Расходившийся туман подарил на прощанье «брокенское видение» в виде гигантской человеческой тени, проектирующейся в свете низкого солнца на стену тумана, повторяющей каждое движение человеческой фигуры: впечатляет! Не стали

откладывая на будущее снегомерный профиль в направлении к Баренцеву морю, чтобы не упустить погоды, тем более что даже в тумане мы могли легко вернуться в лагерь по лыжному следу. В 12-километровом маршруте по направлению к Баренцеву морю спустились по пологому ледниковому склону метров на 400 ниже, пока не уперлись в зону трещин в узкой ледниковой протоке под названием Опал, ведущей к гигантскому леднику Негри, распластавшемуся на берегу Стур-фьорда. Определенно первая же снегосъемка удалась, но окончательно это станет ясным при сравнении с ситуацией на леднике Норденшельда. В подобных поисках проявляется еще одно достоинство нашей профессии: единство физического и умственного напряженного научного поиска. Вернулись мы вовремя, поскольку, как оказалось, Арктика израсходовала отпущенный на нас лимит хорошей погоды.

Уже в первых маршрутах мы получили первое представление об особенностях морфологии ледникового плато Ломоносова. У нас, при общей области питания, обособленные участки расхода приурочены к ледниковым языкам Норденшельда, Негри и некоторым другим. А в горах Кавказа или Памира потоки льда из разобщенных участков области питания сливаются ниже в единую область расхода. Определенно, при всем обилии льда, он не образует здесь сплошного ледникового покрова, так знакомого нам по Новой Земле, на котором вблизи ледораздела вообще отсутствуют какие-либо выходы коренных пород или нунатаки по эскимосской терминологии, заимствованной из Гренландии. По картам уже наблюдается отчетливая асимметрия здешнего оледенения, когда размеры ледника Негри в несколько раз превышают размеры ледника Норденшельда, стекающего от общего ледораздела в противоположном направлении.

В общем, есть над чем поломать голову, тем более что асимметрия, похоже, присутствует и в колебаниях выводных языков. Действительно, если фронт ледника Норденшельда медленно пятится за последние десятилетия, его сосед Негри совсем недавно проделал стремительный бросок вперед, увеличив свою площадь на сотни квадратных километров. Так это выглядит с первого взгляда, для более определенного ответа потребуются какие-то новые характеристики, которые предстоит найти. То небольшое, что у нас перед глазами, представляет сложную, во многом противоречивую картину, познание которой на основе некой общей системы природных взаимосвязей только начинается. Возможно, нам понадобится не один полевой сезон... Вот такие мысли появляются после нескольких дней пребывания на ледниковом плато Ломоносова. Разнообразие льда, коренного рельефа, снегов и облачности рождает удивительную картину пейзажа, в одинаковой степени привлекательного и загадочного, который по-своему красив, разнообразен и прихотлив, особенно в солнечную погоду, когда от него трудно оторвать взгляд!

В ближайшие дни Арктика, однако, обрушила на нас множество испытаний, которые изменили все наши первоначальные планы. С небольшой «базы подскока» на скалах Эккокнаусен мы собирались сомкнуть наши маршрутные наблюдения (включая бурение), выполненные с аналогичными в нижней части ледника Норденшельда, еще в середине июня, с чем мы надеялись управиться в несколько дней. Когда 27 июня мы приступили к заброске необходимого груза, его на санях оказалось столько, что полозья буквально тонули в протаявшем снегу и пришлось нам всем уподобиться волжским бурлакам с известной картины Репина.

При этом попутный ветер усиливался с каждой минутой, а затем началась самая настоящая метель, при которой снег, буквально облепивший нашу одежду, таял, и стывшая влага проникала к самому телу... Вскоре на нашей робе образовалась самая настоящая ледяная броня. Так рядовая грузовая операция стала превращаться в рискованное приключение... Когда мы дотащили свои сани до Эккокнаусена (одолев всего пять километров!), ветер усилился настолько, что было трудно устоять на ногах, а видимость упала чуть ли не до нуля, и если бы не оставшиеся следы (которые заносило с каждой минутой), перспектива возвращения в базовый лагерь, мягко говоря, могла стать проблемой. Тем не менее вернулись, долго обогреваясь у раскаленной печки, постепенно приходя в себя. Арктика отчетливо дала понять, что ее милости отнюдь не бесконечны...

В конце концов на исходе июня мы создали этот чертов склад с палаткой на этом чертовом нунатаке, преподнесшем уже в ближайшие дни серию неожиданных сюрпризов, из которых первым оказалась длительная непогода. Еще одним непредусмотренным обстоятельством стало похищение Леонида Сергеевича по всем правилам детективного жанра, хотя и с помощью вертолета. Немецким коллегам, базировавшимся на Нью-Олесунне, срочно понадобилась консультация нашего научного руководителя (в чем консульство не могло им отказать), зато мы лишились на пике усилий и научного руководителя, и такой необходимой пары рук... Обещали вернуть 6 июля, это при нашей переменчивой погоде?..

Еще до похищения Троицкого мы успели сомкнуть снегомерный ход с нижним для измерений таяния, разбить створ вех для определения скоростей движения льда, что само по себе немало. Но как-то мы будем заканчивать без

Троицкого? Эккокнаусен — довольно противное место, где ветер, похоже, не прекращается ни днем ни ночью, причем с Баренцева моря, как это я предполагал по предварительным проработкам. Это же подтверждается направлением огромной снежной косы, по которой мы спускаемся от нашей палатки на ледник. Ветер так нас измучил за двое суток, что мы перенесли нашу палатку ниже по склону, устроив из камней ветрозащитную стенку, облегчившую наше существование среди развалов серого и красного гранита, в пятнах лишайников. Дьявольски неуютное местечко, зато теперь мы узнаем о начале ветра по его шуму, напоминающему приближение поезда, сменяющемся затем такими воплями и завываниями, словно палатку начинает трепать и терзать некий не описанный в науке зверь, причем с неопишуемой яростью.

Тем не менее мы стоически переносили выпавшие на нашу долю испытания, продолжая выполнять намеченную программу, хотя и в несколько урезанном виде. В частности, бурение нам удалось выполнить лишь до 14 метров, почти до уровня сезонных изменений, тем не менее получив вполне отчетливые характеристики температурного режима, отличные от известных ранее по литературным источникам на других ледниках. Определенно оледенение на северо-востоке главного острова архипелага, как мы и ожидали, вполне самостоятельное. Остается подтвердить этот вывод другими показателями, прежде всего, колебаниями выводных языков. В нашем положении мы определенно вполне преуспели, и тем не менее, приближаясь к завершению намеченной программы, все чаще мы задумывались — как поступить дальше? Из попытки вернуться к Зингеру с его рацией, чтобы согласовать наши действия с Троицким, ничего не вышло,

поскольку свирепый встречный ветер-мордотык пресек эту попытку в самом начале.

Сокращение запасов продовольствия, однако, заставило нас задумываться о выходе к людям после завершения программы наблюдений в районе Эккокнаушена. Взвесив возможные варианты, мы решили перейти ближе к морю, чтобы при появлении вертолета с Троицким подать ему сигнал о нашем пребывании на новом месте любым доступным образом.

На исходе 5 июля мы без сожаления оставили «гостеприимный» Эккокнаушен и рано утром 8-го появились в Пирамиде, потратив еще двое суток на напрасное ожидание вертолета у подножия горы Де-Геера. Вскоре мы встретились в Пирамиде с Леонидом Сергеевичем, добравшимся туда с попутным судном. К его встрече мы частично обработали снегосъемки поперек Негри и Норденшельда — определенно снег туда поступал с Баренцева моря!

Концепция уже частично работает на нас, хотя, разумеется, получить аналогичные данные для запада в этом полевом сезоне мы уже не успеваем в связи с наступлением лета, в чем мы убедились уже на пути в Пирамиду. Об этом свидетельствовали обильное таяние на леднике, вынос припая из заливов, оживление потоков талой воды на побережье и прочее, и прочее в том же духе. Троицкий доволен нашими результатами, хотя своим «бегством» мы ослабили научную группу на ледниковом плато Ломоносова, что необходимо исправить в ближайшее время. Тем не менее первый шаг в намеченном направлении сделан. Очень непростое наследие оставил нам наш великий предшественник Норденшельд, видит Арктика, и нам остается быть только на уровне.

В попытках решить эту загадку с другого конца Троицкий сосредоточился на проблемах древнего оледенения на основе

изучения морен окрестных ледников, а я — на съемках концов ледников, пока просто набирая статистику. Работали мы вместе, успешно, с полным пониманием друг друга, для начала охватив маршрутами окрестности Пирамиды. В этих поисках к нам присоединился специалист по четвертичной геологии из академического Геологического института Лаврушин. Мое участие оказалось полезным для четвертичников, поскольку я привлечением старых карт помог им в части датировок морен, из которых многие оказались совсем молодыми. Кажется, молодость современного оледенения смущает моих коллег, и поэтому они уделяют особое внимание отбору органических образцов (обычно древесного плавника и морских раковин) для определения абсолютного возраста различных стадий оледенения. В наших условиях, когда основу природного процесса составляют колебания уровня моря и изменения размеров оледенения, это наиболее успешный путь решения проблемы. Жаль только, что результаты моих наблюдений характеризуют в основном события XX века, а мои коллеги и спутники изучают события природы, происходившие порой тысячи лет назад. Где-то этим временным отрезкам моей и их информации предстоит состыковаться.

В заключение нашего пребывания в Пирамиде отмечу, что из наших попыток вернуться на ледниковое плато Ломоносова пешком из-за затянувшейся непогоды ничего не получилось. Зато это время было отмечено двумя примечательными событиями: во-первых, мы существенно расширили свои познания в части геологии архипелага, хотя и на уровне дилетантов, и, во-вторых, встретились с иностранными геологами, что по советским условиям того времени оказалось примечательным событием.

Наш интерес к геологии связан прежде всего с рельефом архипелага, без которого морфологию ледников в полной мере понять невозможно. Тем более на ледниковом плато Ломоносова, которое явно находится на каком-то погребенном цоколе коренных скальных пород, тогда как по соседству все горные ледники лежат в долинах. Пока понятно одно — необычайное разнообразие пород, как по происхождению, так и по возрасту, и поэтому неудивительна привлекательность Шпицбергена для геологов многих стран. Причем родоначальниками гляциологии оказались именно геологи, что в нашей стране, что за рубежом. Контакты с иностранными коллегами для исследователя связаны прежде всего с профессиональным интересом, даже если советская власть подозревала своих подданных в пошлой тяге к фарцовке или стремлением учинить госизмену. Однако у ледника Норденшельда случилось иное.

Встреча с геологами знаменитого Кембриджского университета из экспедиции Харланда, оседлавшего архипелаг еще с 1949 года, позволила нам по-новому оценить оледенение архипелага в целом. При обмене литературой англичане прислали работу Дж. У. Тиррелла, опубликованную в «Трудах геологического общества Глазго» за 1922 год, отсутствующую в наших библиотеках. В ней и была сформулирована та самая проблема, ради которой мы и отправились на этот сказочный архипелаг: «Одной из головоломок оледенения Шпицбергена является положение относительно свободных от льда участков вне зависимости от климата и топографии» (с. 25). Из этой цитаты следовало несколько важных выводов: 1) мы вполне самостоятельно пришли к той же идее, 2) мы даже нащупали направление, по которому эта проблема решается, 3) в ней были перечислены наши предшествен-

ники, безуспешно пытавшиеся ее разрешить, начиная с А.Э. Норденшельда, первым обнаружившего необычное распределение ледников архипелага. С этой мыслью он дважды отправлялся в Гренландию, полагая, что посреди кольца льдов этого гигантского острова однажды обнаружит нечто вроде сибирской тайги, — не получилось... В исторической литературе Англия нередко фигурирует как «коварный Альбион», но на этот раз англичане, предоставив нужную литературу в нужное время, позволили нам понять свое место в решении главной проблемы оледенения архипелага: спасибо, Даг, спасибо, Дэви, спасибо, Питер!

Что касается самой геологии Шпицбергена, то от нее глаза разбегаются: совсем рядом — породы от самых древних до современных, от магматических расплавов до осадочных с характерным горизонтальным залеганием. Причем с большим разнообразием органических остатков — от бывлой почти тропической растительности до морских кораллов и раковин всех видов и семейств. И все это природное богатство практически доступно повсеместно — своеобразный геологический и палеонтологический музей под открытым небом. Снова удивляюсь, обнаружив сходство пород карбона Шпица с Новой Землей и Подмосковьем. Такое же разнообразие и с ледниками. Неудивительно, что имена многих геологов, наравне с королями и политиками помельче, остались на карте — Норденшельда, Натхорста, Де Геера, Туррелла, Чернышева, Русанова, Хольтедаля и прочая, и прочая...

На попутном судне перебираемся в Баренцбург, еще раз оценивая береговые пейзажи с палубы с точки зрения пресловутой загадки оледенения Шпицбергена уже в условиях летнего таяния. Пожалуй, еще более наглядно, тем более что на юге Земли Норденшельда и на северном побережье

на Земле Диксона небольшие ледники отличаются по своей морфологии, тогда как на востоке и западе скопления типичных для Шпицбергена полупокровных ледников в поле зрения проявляются во всей красе. Определенно такая картина не могла не привлечь внимания наших предшественников, прежде всего, с точки зрения связи с древним оледенением. Поэтому главная проблема здесь: как могло случиться, что древний ледниковый покров деградировал своей центральной частью, то есть областью питания? Правда, темпы сокращения, полученные в МГГ 1957—1959 годов на Новой Земле, заставляют задуматься о возможности полной деградации, исчезновения оледенения на этих архипелагах, но чтобы ожидать чего-то подобного на Шпицбергене, у нас пока нет необходимых данных.

По сравнению с сонной Пирамидой Баренцбург кипит жизнью: шумит порт, гудит и шипит, извергая клубы пара и дыма, местная ТЭЦ, гремят вагонетки, перевозящие уголь и породу по бремсбергу, а главное — обилие людей. Нас размещают в уютном (по нашим понятиям) домике, который летом служит в качестве базы местным спортсменам-лыжникам, а летом — геологам-ленинградцам, которые в настоящий момент вкалывают в «поле». Поэтому нашлось место и для нас, тем более что мы не собираемся здесь задерживаться надолго. Пейзаж из окон нашего очередного пристанища замечательный: горы с ледниками за Грен-фьордом, прелесть которых лишь подчеркивается мрачными постройками Баренцбурга на переднем плане, из которых многие порядком обветшали. Особое очарование этому виду придает тонкий изящный силуэт Земли Принца Карла (затопленный морем горный хребет) у входа в Ис-фьорд, словно повисший в дальней дымке. Миллионы людей любят горы в качестве

альпинистов, но если бы знали ценители горных пейзажей, сколько этот ландшафт выигрывает от присутствия океана! Обитатели современных городов не могут позволить себе такой роскоши, даже не подозревая о ней...

В Баренцбурге мы не задержались, благо уже 3 августа с попутным вертолетом меня с Троицким и присоединившимся к нам с сотрудником академического Геологического института Ю.А. Лаврушиным перебрасывают в Свеагруву на юго-востоке Земли Норденшельда, так что по пути нам предстоит взглянуть на область горного оледенения в центре архипелага, что называется, изнутри. В этом смысле полет оказался в высшей степени полезным. Мы получили помимо чисто гляциологической информации еще и сугубо эстетические впечатления от созерцания ландшафтов сравнительно неглубоких зеленых долин с пасущимися оленями и небольшими ледничками площадью в несколько квадратных километров, обычно без трещин по горным склонам и в карах, занимающих в ландшафте скромное место. Картина, противоположная тому, что мы наблюдали на ледниковом плато Ломоносова.

Пока познание нового для нас архипелага идет в значительной мере на чисто сравнительном уровне, что вполне допустимо при первом знакомстве. (Как это было с нами и на Северной Земле в 1962 году.) В первом же полете мы убедились, что центр Земли Норденшельда не представляет особых препятствий для пеших маршрутов, за исключением реки Рейнсдальэльва. Сто лет назад эта скромная речка удивила Норденшельда своим сходством с Рейном в Германии. Для нас важнее, что этот исследователь встретил здесь отложения торфа, который не образуется в современных условиях, прежде всего, из-за холода. Мои спутники встретили это сообще-

ние, почерпнутое мной из литературы, с энтузиазмом, на что у них были свои профессиональные причины.

Свеагрува — брошенный горняцкий поселок, в значительной мере из-за скверных условий Ван-Мейен-фьорда, в котором лед задерживается островом Аксель, перегораживающим этот фьорд на западе. Брошенных домов здесь достаточно, чтобы разместить десятки экспедиций вроде нашей, но безлюдье (как оказалось, временное) отнюдь не угнетало нас. Прежде чем разместились в одном из домов (что консульство согласовало с норвежской администрацией в Лонгвире, столице архипелага), уже приступили к обзору окрестных пейзажей — это особый ритуал, с которого начинается любая рекогносцировка местности в попытках выяснить перспективы дальнейшей работы.

На юге за гладью Ван-Мийен-фьорда возвышается громада Земли Натхорста, очередной гористый полуостров, довольно зрелищный, а главное, с такими же горными ледниками, что мы видели в полете. Тем не менее их побольше, и главное, по размерам они сами покрупнее тех, что мы наблюдали на Земле Норденшельда. Такое не случайно: Земля Натхорста значительно ближе к южной, наиболее покрытой ледниками части архипелага. Можно ожидать, что горные ледники там побольше, а граница питания пониже. Если происходит нарушение широтной зональности, которое в Арктике я наблюдаю впервые, оно является признаком каких-то совершенно особых и необычных условий, являющихся частью таинственной загадки оледенения архипелага.

Но пока нам предстоит обойтись окрестностями Свеагрувы, а к Земле Натхорста в нашем положении подходит поговорка: «Хоть видит око, да зуб неймет». Не будем черес-

чур жадными, тем более что первый вояж всегда является рекогносцировочным, как это было уже на Северной Земле. Правда, хочется надеяться, что на Шпицбергене он получит продолжение, но это во многом зависит от наших результатов, как их оценит руководство в Москве.

Разумеется, мои коллеги не могли усидеть дома и тут же отправились на так называемую Дамес-морену — вал, напоминающий обычную ледниковую морену на окраине Свеагрувы, где устроили настоящий научный переполох, поскольку она оказалась набитой органикой, и какой! Крупные (так и хочется сказать — упитанные) раковины гребешка пектен, которые сейчас не встретишь в шпицбергенских водах. Мало того, все они практически оказались в положении, в каком жили на морском дне. Такая ситуация вызвала яростную дискуссию у обоих представителей четвертичного направления, в которой я до поры до времени занимал позицию стороннего наблюдателя, пока у обоих не возник вопрос: «А как это образование вписывается в окружающий рельеф?» Выступая в качестве владельца картографической информации, я указал моим спутникам на скромную долину за продолжением вод Ван-Мийен-фьорда в виде лагуны Браганца, в конце которой угадывался ледник Паула, здорово отступивший с начала XX века, когда он впервые был нанесен на карту. Этот ледник был северным пределом грандиозного оледенения на юге архипелага, сбивавшим с толка наших предшественников. Этим ледником воспользовался в 1900 году топограф Сергиевский из русской части международной экспедиции по дуге меридиана, в 1912 году — Русанов для выхода на восточное побережье главного острова архипелага, где он также оставил три заявочных столба на предполагаемых угольных

месторождениях. На обратном пути этот исследователь едва не погиб, провалившись в трещину, из которой благополучно был извлечен своими спутниками. Изменения за прошедшие десятилетия здесь такие, что Русанов едва ли узнал бы знакомые места. Кстати, подобное нам самим надо иметь в виду при знакомстве с описаниями предшественников.

С интересной ситуацией столкнулись мои товарищи — мнимая «морена», явно связанная с ледником Паула, наспигована морской фауной, причем существовавшей в гораздо более благоприятных условиях по сравнению с современными на морском дне. Не могла же она, в конце концов, переползти на сушу, чтобы осваивать совершенно не свойственные ей условия обитания? В общем, по этому поводу в скромном брошенном поселке можно было созывать международную конференцию научного сообщества арктических государств по проблемам четвертичного времени. Пока мои коллеги сошлись на следующих моментах: первый — возраст образования этой подозрительной морены может быть установлен по возрасту фауны, второе — условия существования этих гребешков известны по аналогии с современными. Определенно можно утверждать, что в ту пору на Шпицбергене было гораздо теплее, что подтверждается еще и торфами, удивившими Норденшельда по соседству, в долине Рейндален. Оставалось их только найти и сравнить с условиями существования морской фауны. В любом варианте, в пору формирования торфяников и обитания пектен в прибрежных водах было гораздо теплее, и, таким образом, на повестку дня в изучении прошлого архипелага вставал вопрос о возрасте его современного оледенения... Оно могло оказаться современным, а не реликтовым, но для решения этой проблемы нужна была новая информация, причем по

многим направлениям. Главным могло стать положение ледников в зависимости от высоты границ питания и количества выпавшего снега. Пока снегосъемки на плато Ломоносова и леднике Норденшельда ложились в эту схему, что было уже значительным достижением сезона, но это лишь первое, хотя и необходимое звено в решении проблемы. Тем не менее бодрое начало настраивало нас на дальнейший поиск.

Свеагрува часто посещается туристами, совершающими круговой маршрут Лонгирбюен — долина Адвент — Свеагрува — с пересечением долины Рейндален с последующим возвращением по узким долинам в горном узле между долинами Колс, Рейн и Адвент в Лонгир, общей протяженностью около двухсот километров, причем весь этот путь обеспечен хижинами с запасом всего необходимого, включая топливо, а часто и провиант. Для любителей «экстрима» чем не вариант, благо пребывание на Шпице (это сокращение быстро входит в наш язык) не требует виз, а суда из Европы посещают его довольно часто. Уже одно это, не считая местной природы, так не похожей на европейскую, делает архипелаг привлекательным для многих наций, в чем мы убедились уже в ближайшие дни.

Первыми, к нашему удивлению, появились два финна из Хельсинки, строитель и геолог по специальностям, со знанием английского, не слишком отличающегося от нашего, что облегчило контакты. Именно финны во многом ввели нас в происходящее на Шпицбергене, в частности, рассказав о маршруте по долинам Земли Норденшельда. За ними последовал вертолет с канадской буровой в устье долины Рейн. Не только информацией охотно делятся, но и картами (особенно после завершения полевых работ), на которые наша Академия наук не отпустила денег. Затем ненадолго

заглянул немецкий корреспондент, специализирующийся по Северу. Потом с научного судна Норвежского полярного института высадили группу геологов. Такие контакты значительно расширили наш кругозор по Шпицбергену, помимо чисто книжного. Завидно, как иностранные экспедиции используют небольшие моторные лодки, иногда с парусным вооружением, тогда как иностранцы завидуют нашим вертолетам — у норвежцев они меньше и дороже... При этом при работе на ледниках норвежцы используют какое-то новое канадское изобретение: что-то вроде снежного мотоцикла под названием сноускуттер, то, что позднее в России было названо снегоходом. По рассказам, очень подходит для Арктики, причем для небольших отрядов. Есть чему позавидовать и чему поучиться без ущерба для советской власти.

К сожалению, наших коллег-гляциологов в тот сезон так и не встретили, хотя узнали о работе польского гляциолога Седецкого в Хорсунне и о продолжении работ гляциолога из Норвежского Полярного института из Осло Листоля по вещественному балансу на горных ледниках. Однако после Новой Земли и Северной Земли хочется мыслить оледенением архипелагов в целом. Листоаль интересен тем, что собирает сведения о колебаниях ледников Шпицбергена, то есть тем же, что интересует и меня. На этом польза от контактов не исчерпана. Норвежцы на своей моторной шлюпке перебросили нас к леднику Паула, на котором мы получили представление об изменениях подобных ледников на протяжении XX века. Совсем иная картина отступления, чем на Норденшельде. Естественно возникает вопрос: почему? Ответ пока на уровне догадок, поэтому не стоит торопиться... Думаю, что со своим подходом мы вырвались вперед, и потеря приоритета (чем нередко озабочены начинающие

исследователи) нам не грозит. Интересная эта штука, загадка оледенения Шпицбергена, даже если она обнаружена шведом Норденшельдом, сформулирована шотландцем Тирреллом, а на ее разгадку нацелились мы. Это ли не пример преемственности в науке и ее международного характера? С точки зрения отъявленного патриота наша позиция безупречна. Конечно, «не боги горшки обжигают», но окажемся ли мы достойны наших предшественников, оправдаем ли мы надежды нашего шефа члена-корреспондента Академии наук Григория Александровича Авсюка, мнением которого мы так дорожим? Пока сделано немного на намеченном пути, который по интуиции может оказаться самым коротким и наиболее верным...

Покидаем Свеагруву с ощущением перегрузок от физических (маршрутных) и языковых (от многочисленных встреч). Если бы продолжили здесь пребывание и дальше, возможно, встретились бы с перуанцем или таиландцем, только этой экзотики и не хватало... А в целом показательно и полезно со многих точек зрения. Оставалось завершить наблюдения на ледниковом плато Ломоносова, а также (если останется время до наступления зимы) продолжить знакомство с горными ледниками в самом центре Земли Норденшельда ближе к Лонгбюру.

Только 12 августа была проведена смена исследователей на ледниковом плато Ломоносова. За полтора месяца своего пребывания в самой высокой части Шпицбергена Зингер и Маркин выполнили большой объем метеорологических и актинометрических наблюдений, одновременно пробив 8-метровый шурф в снежно-фирновой толще, определив особенности питания оледенения за несколько лет. Правда, им не пришлось выкладываться на износ в изматывающих

маршрутах, как нам, но, думаю, и им была тяжела повседневная монотонность, тем более в условиях ограниченной видимости, когда от КАПШа до метеоплощадки в сплошном тумане, напоминающем порой сгущенное молоко, добраться можно было с трудом. Необходимость рутинных наблюдений требовала немало душевных и физических усилий, особенно в метель, когда часто летящий снег чередовался с моросью. Увы, радио при этом не заменяло им живого человеческого контакта. Кроме того, отсутствие третьего человека на стационаре, несомненно, затрудняло выполнение важнейшего раздела программы — проходки шурфа в снежно-фирновой толще, который нашим товарищам пришлось начинать вдвоем. В эти полтора месяца, когда они оставались одни посреди ледяной пустыни, им пришлось непросто, но они выдержали.

Хотя КАПШ гарантировал относительно сносные условия существования и защищал первооткрывателей плато от непогоды, Арктика обращалась с ними достаточно сурово, что подтверждают строки научного отчета: «В июле отмечено три полностью ясных дня, 16 полностью пасмурных и 23 дня с туманом... В июле средняя суточная температура воздуха только 6 раз поднималась выше нуля, оставаясь в основном отрицательной ($-1,5^{\circ}\text{C}$)... Скорость ветра в среднем за июль на высоте одного метра была равна 4,5 м/сек. Трижды за время наблюдений ветер достигал ураганной силы».

По описанию Зингера, в такие моменты «казалось, что КАПШ вот-вот покинет своих постояльцев и бросится наутек. Тонкие стенки надувались и приподнимались, деревянные дуги-стрингера, на которых держался палаточный шатер, трещали и стонали. Печные железные трубы принимали не одну попытку сорваться с места, но, крепко

притянутые проволокой специальными креплениями, лишь понапрасну осатанело колотились о печку и крышу. Можно было подумать, что метель забивает в КАПШ гвозди». Но в такую погоду Слава не пропустил ни одного срока наблюдений, когда, казалось, небо и ледяная твердь смешались в первозданном хаосе. На помощь начальника он рассчитывать не мог — такая погода была не для Зингера с его очками минус 12, с которыми он прошел более полувека полярной службы в непростых условиях частой смены погоды, с изматывающими ветрами и проникающей повсюду сыростью, от которой было невозможно избавиться.

Об их трудностях можно было догадаться по характеру информации в эфире. Зингер, который начинал свою полярную карьеру радистом в 1944 году на Чукотке, поддерживал регулярную радиосвязь с Пирамидой и Баренцбургом, и поэтому мы были в курсе происходившего на ледниковом плато, искренне сочувствуя нашим товарищам. От продолжительности их ледовой вахты в сопоставлении с наблюдениями в Баренцбурге и Пирамиде зависело многое. Несомненно, они испытывали жестокое разочарование от наших неудачных попыток пробиться к ним пешком. В конце концов стало ясно, что эта задача под силу только вертолетам, причем в условиях приличной видимости. С конца июля в радиogramмах с ледникового плато Ломоносова стали проскальзывать понятные нам признаки нетерпения.

Смена народонаселения ледникового плато Ломоносова состоялась только 12 августа. Утром там была получена радиogramма следующего содержания: «Приготовиться к приему двух вертолетов. Начиная с 12 часов передавайте ежечасно сведения о погоде». Зингер и Маркин тут же приступили к демонтажу своего обиталища. Когда от КАПШа

остался голый каркас, Маркин, опасливо поглядывая на низкие облака, наползавшие с Баренцева моря, заметил:

— Только и осталось, чтобы вертолеты не прилетели...

Рация теперь стояла под открытым небом, и с каждым часом в эфир уходило очередное сообщение о погоде. В это время оба вертолета сидели в Пирамиде, и уставшие экипажи, с утра обслуживавшие геологов, обедали в столовой. Думаю, что в это время Слава и Женя окончательно утратили аппетит. Наша троица (Михалев, Троицкий и автор этих строк) в полном полевом снаряжении на груди имущества также находились в готовности. Настроение одновременно торжественное и тревожное: как-то оно обернется, не подведем ли ребят?

Последняя радиограмма с плато об ухудшении погоды словно подстегнула вертолетчиков. Наша троица летела на вертолете наиболее опытного Фурсова, вторым командовал новичок, только недавно с Большой земли. Смена научного персонала (всего-то пять человек!!!) на плато осложнялась целой серией попутных заданий по обеспечению возвращения нашей троицы, которой предстояло идти пешком. Для этого понадобилось оставить немного продуктов у подножия горы Де Геера и на Эккокнаусене, одновременно забрав на этом чертовом нунатаке буровое имущество, оставленное еще в июле после «похищения» Троицкого. На все про все потребовалось не менее трех посадок, порой среди трещин, вскрывшихся на леднике в результате летнего таяния. В одну из них угодил Троицкий, но благополучно был извлечен наверх. Даже на этом этапе операции мы не избежали ненужных приключений, хотя и с благополучным исходом.

А ждавшие нас на плато Ломоносова воспринимали происходившее с недоумением и опаской, не получавшей

объяснения. В самом деле: где-то поблизости вертолеты, судя по гулу моторов, взлетают и садятся, снова взлетают и снова садятся, словно участвуя в каком-то непонятном поиске. А погода между тем неумолимо продолжает ухудшаться, облачность с Баренцева моря все ближе и ближе, угрожая накрыть плато... Надежда расстаться с вконец надоевшими снегами плато Ломоносова с каждой минутой становилась у наших друзей все более призрачной.

Для них первая винтокрылая машина буквально выскочила откуда-то из-за нунатаков Эккокнаусена и бредущим полетом пошла по направлению к бывшему лагерю с оглушительным ревом, который им показался райской музыкой. Тут же за ней возникла вторая винтокрылая тень, повторив маневр первой, успешно приземлившись поблизости. Люди в поношенных куртках и штормовках бросаются друг другу в объятия, передают на ходу пачки писем, пытаются что-то объяснить и тут же принимаются за встречную погрузку-разгрузку, за которой последовали последние рукопожатия. Вскоре гул вертолетов растворился в снежной пелене, плотной завесой закрывшей горизонт. «Вовремя смылись ребята, — записал я вечером в своем дневнике, — выскочили буквально в последнюю дырку. Быстро села облачность, и теперь у нас туман с мелким снежком и небольшим ветром». Даже в августе Арктика остается Арктикой, и мы посередине...

В отличие от предшественников, наше жилье на предстоящую неделю — просто снежная яма, прикрытая вместо кровли куском брезента. Зато пол в этом неприятном полярном «отеле» (отнюдь не пять звездочек и даже не три!), больше напоминавшем логово неандертальцев с претензиями в некотором роде на роль гомо сапиенс, был доща-

тым и достался нам от зингеровского КАПШа. Некоторые называли его палубой, но от настоящей корабельной она отличалась грязью, в которой значительное место занимала шерсть от оленьих шкур. На этом полу или палубе в относительном порядке были разложены наши спальные мешки с надувными матрасами под ними, рюкзаки, а также часть снаряжения, боявшаяся сырости. Вскоре оказалось, что наша кровля предельно ненадежна, и когда очередная струйка воды попадала кому-то за шиворот, следовал комментарий, который я не рискую воспроизвести на настоящих страницах. Некоторый уют вносило шипение примуса, обещающая на первое время горячее питье, в котором мы нуждались. Когда с наступлением сумерок зажгли свечу, кто-то пробурчал: «Иконы только не хватает», причем без признаков божественных ноток, отнюдь...

Первым делом набрасываемся на шурф, который Зингер с Маркиным пробили до глубины в восемь метров. Михалев на его дне орудует ледорубом, мы с Троицким «вираем» эту породу «на гора» с помощью бадьи с веревкой, пропущенной через шкив. Поскольку среди нас попадаются любители классической музыки, подбадривая себя, на мотив куплетов герцога из «Риголетто» исполняем «Вира помалу, вира помалу», пока хватает дыхания. Вытянув бадью на всю длину веревки, упираясь ногами, я удерживаю ее на весу, а научный руководитель несется к ней бегом, чтобы вывалить ее содержимое.

За первый рабочий день, осваивая новый вид сугубо научной деятельности, одолели всего метр десять — небогато... За этой неинтеллигентной работой наша жизнь каким-то образом сместилась на ночные часы, и к утру 16 августа Михалев стоял подошвами на глубине одиннадцати метров, а сутки

спустя — уже тринадцать. Продвиг в нашей научной деятельности, от которой временами ломит спину, саднит ладони, несмотря на брезентовые рукавицы, а нательное белье не просыхает от пота, тем не менее очевидный. К сожалению, в нашем сугубо полярном отеле отсутствует ванна, да и весь комфорт весьма специфического свойства. Зато в нашем распоряжение несколько мешков пирамидского угля, который мы используем для топки оставшейся чугунной печи под открытым небом, на которой постоянно топим лед, как для кухонных, так и туалетных нужд. Наличие горячей воды создает некоторое ощущение комфорта, позволяя согреть изредка «морду лица» и ладони, застывшие на ветерке.

Естественно, горючее в примусе расходуется исключительно для приготовления самых незатейливых блюд, в основном из консервов и круп. Количество того и другого с каждым днем сокращается, как и жидкого горючего для примуса. Это актуально, потому что в окружающей атмосфере температура держится в среднем на уровне нескольких градусов ниже нуля, на снежной поверхности — до одиннадцати. Между тем на небосводе луна обнаруживает свое присутствие в виде матового диска, обещая скорое окончание полярного дня, а вместе с ним и здешнего полярного лета.

18 августа в нашем сугубо полярном отеле-логове состоялся примечательный разговор:

— Мы прикончили последнюю банку консервов?

— Да, — отвечали со смехом.

— Сколько же в вас, мерзавцев, влезает, — последовал удивленный комментарий. — А что же осталось?

Ответ после некоторого раздумья гласил:

— Немного картечи (шрапнели, — поправили отвечающего), и свежезамороженный синтетический носок Мар-

кина со следами пото-жировых отложений, — последовал ответ.

Для людей, не связанных с полярной службой, лишь отмечу, что на полярном сленге шрапнелью и картечью именуется обычную перловку, которую нормальная городская хозяйка использует только в рассольнике.

— Однако... — последовала задумчивая реплика. — Зная Славу, я серьезно опасаясь за вкусовые качества этого продукта...

— А ты не опасайся, — утешили вопрошавшего. — Кто-то из героев Марка Твена варил, например, суп из барометра.

— Категорически возражаю против использования научных приборов в кулинарных целях, — встал на защиту казенного имущества Троицкий. — В крайнем случае разрешаю пожертвовать кожаным футляром.

— Да он будет ничуть не питательнее маркинского носка, — возразил очередной участник дискуссии.

Определенно юмору полярников не всегда хватает тонкости, причем их остроумие часто не совпадает с принятым в светских гостиных. В наше оправдание добавлю, что представители света явно избегают высоких широт, и поэтому мы нередко отстаем и от моды, и от других светских достижений. На этот раз дело обошлось без кулинарных или иных подвигов. Сутки спустя мы полностью завершили программу наблюдений на ледниковом плато Ломоносова, а поднявшаяся облачность позволила нам сбежать в полном составе на скалы Эккокнаусен, где нас поджидала масса нового.

Приятные неожиданности (что случается на полярной службе крайне редко) на этот раз посыпались на нас как из рога изобилия: во-первых, прекратилась бесконечная погодная мрачность, солнышка здесь гораздо больше, чем на

главном водоразделе острова; во-вторых, перестал задувать ветер, измучивший нас на ледниковом плато; в-третьих, на скалах оказалось довольно тепло, что подтвердили наши термометры; в-четвертых, сухо; в-пятых, значительно ближе к людям; в-шестых, полно продуктов; в-седьмых — наверняка что-то было и еще, но перечисленного уже достаточно. Вечно человеку чего-то не хватает, о чем и возвестил, придя в себя, один из посетителей скал Эккокнаусен после испытаний на ледниковом плато Ломоносова:

— Почти черноморское побережье. Полагаю, десяток леги в мини-бикини приятно украсили бы собой окрестные пейзажи.

— Молчи, сексуальный маньяк, — сглазишь, — прорычали в ответ его спутники.

С завершающими работами на леднике Норденшельда мы справились без приключений и уже 27 августа пришли в Пирамиду.

В сентябре (когда настала пора думать о завершении полевого сезона) мы с Троицким провели в долине Адвентдален за изучением горных ледников километрах в двенадцати восточнее Лонгбира. По контрасту с ледниковым плато Ломоносова, эти спокойные зеленые долины с многочисленными стадами оленей и даже овцебыков производили умиротворяющее впечатление. Передвигаясь на местности, мы практически не встречали препятствий, спокойно пересекая потоки в наших высоченных сапогах-ботфортах, отдаленно напоминавших те, что оставил на литературных страницах гасконец по фамилии д'Артаньян. Посещение ледников обычно требовало подъема лишь на первые сотни метров, а сами концы ледников были практически лишены трещин, их можно было пересекать в любом направлении.

При этом привязка концов ледников засечками по окрестным вершинам с помощью обычной буссоли или отсчетом шагов от ближайших объектов-ориентиров также не встречала препятствий. Поскольку мы работали налегке, оставляя свое снаряжение и продукты в ближайшей хижине, мы не испытывали особых физических нагрузок, тем более что в предшествующие недели приобрели неплохую полевую форму, лучше, чем в любом спортивном лагере. («Одержишь ты в горах победу над собой» из визборовской песни — это проблема для альпинистов, отпускников-физиков и ребят из почтовых ящиков.)

Вторую половину сентября, когда установившиеся холода заставляли нас поплотнее укутываться в спальные мешки в палатках, мы провели в изучении морен ледников Гренфьорд. Среди безобразных каменных развалов каким-то образом уместилась масса небольших озер, уже покрытых молоденьким прозрачным льдом, позволявшим рассмотреть самые мелкие камни на дне. Ледок изредка звонко потрескивал, но спокойно выдерживал нашу тяжесть. Троицкий и на этот раз обнаружил очевидное сходство с Дамес-мореной, описанной выше, на этот раз в виде прослоев морских водорослей, смело опровергая построения своих предшественников.

Как-то необычно быстро пронеслись почти четыре месяца нашего пребывания на этом архипелаге, с которым мы неожиданно настолько сроднились, что вдруг ощутили, насколько трудно расставаться с ним. Он оказался совсем другим, чем Новая Земля или Северная Земля, такой непохожий и такой богатый с нашей точки зрения. Но вот закончены последние наблюдения, пора подводить предварительные итоги. Главный результат полевого сезона: наша немногочисленная экспедиция доказала свою дееспособность и,

следовательно, право на продолжение работ. Последнее, впрочем, как решат в Москве. Тем не менее достигнутые результаты очевидны.

Мы доказали специфику оледенения на северо-востоке главного оледенения архипелага с центром на ледниковом плато Ломоносова и его самостоятельный характер, в отличие от других ледниковых районов острова, если судить по опубликованным результатам прежних исследований в других районах, где мы не бывали. Определенно он тяготеет по характеру питания к Баренцеву морю, как показали метеонаблюдения Маркина. Ухватили даже кусочек южного района на леднике Паула, насколько типичного, пока непонятно. Ясно, даже по нашим отрывочным наблюдениям на горных ледниках Земли Норденшельда, что в центре острова они развиваются по другим канонам, причем с очевидным замедлением за последние тридцать лет. Кое-что мы рассчитываем получить по наблюдениям норвежской метеостанции в Лонгирбюене. Тем не менее, чтобы окончательно убедиться в этом, в будущем понадобится продолжать наблюдения, наращивая сведения о колебаниях ледников.

Леонид Сергеевич со своей стороны получил ценный материал, связанный с четвертичным оледенением, что ставит на повестку дня его связи с современным. При этом он смело обошелся со многими своими предшественниками, нередко принимавшими за морены гидролакколиты: мерзлотные образования в виде бугров вспучивания с ледяным ядром под поднявшейся толщей тундровых почв, включающих нередко торфы. Взаимодействие оледенения с морем наш научный руководитель изучал в районе Свеагрувы и в куту Грен-фьорда, выполнив многочисленные сборы органики, что позволит определить время формирования морен

этих ледников. Определенно по результатам прошедшего сезона мы не подвели Григория Александровича, что важно на будущее. Уже сейчас Леонид Сергеевич считает, что в будущем полевом сезоне (если, разумеется, таковой состоится) целесообразно разделить маршрутные и стационарные наблюдения, что резко повысит результативность наших исследований в целом.

В последних числах сентября, на одном из «угольщиков», мы взяли курс на Мурманск. К нашему удивлению, на этот раз переход морем прошел без приключений. Арктика, видимо, по-своему оценила нашу преданность, проявила к нам свою благосклонность, загнав на север свой арктический фронт так далеко, что он не смог нам напакостить напоследок. На полпути к материку миновали характерный силуэт острова Медвежий со скалой в виде пальца на южной оконечности. Ночь постепенно вступала в свои права, в сумерках уже зажглись первые звезды, и похожие на них огоньки рыболовецких тральщиков словно рассыпаны на морской глади ближе к горизонту. Такие же россыпи зеленых бликов на экранах локатора позволяют насчитать десятки этих добытчиков трески, палтуса, морского окуня и даже креветки. А вот уже и плоские сопки севера Евразийского континента с сохранившимися следами летней зелени, ласкающими глаз полярника...

С возвращением в Москву наш отчет о полевых работах получил благоприятную оценку, и таким образом, надежду на продолжение работ, причем двумя независимыми отрядами — маршрутным и стационарным. Что касается моих собственных интересов, то в прошедшем сезоне больше всего я был удовлетворен подтверждением (хотя и далеко не полным) выдвинутой концепции. Однако полевой сезон

1965 года показал, как много еще оставалось сделать для ее окончательного оформления. В полном смысле — лиха беда начало...

Глава 6 ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1966

Пусть остается дома тот, кто не может расстаться со своими каждодневными заботами. Меня одолевает сегодня путевая лихорадка.

Э.В. Толль

Путевая лихорадка одолевала и нас, поскольку, ухватив кончик некой системы природных взаимосвязей, мы теперь горели желанием представить их научному сообществу в полном объеме, тем более что складывающаяся обстановка пока благоприятствовала нам. Весной в Москве и Ленинграде побывал директор Норвежского Полярного института Туре Гьелсвик, геолог по специальности, контакты с которым оказались в высшей степени полезными для обеих сторон. Мы не только сообщили ему о своих намерениях на предстоящий полевой сезон, но получили исчерпывающую информацию о других экспедициях, с которыми могли встретиться. Спросил у Гьелсвика, почему У. Листоль прекратил публикацию сведений о колебаниях ледников Шпицбергена. Ответ: связан договорами с электрическими компаниями на материке. Гьелсвик обещал помочь с картами, которых нам не хватает и на которых положение фронтов ледников обозначено на разные даты.

Одновременно с подготовкой к предстоящему сезону продолжаем поиски предшественников по проблеме «загадка оледенения Шпицбергена», мнения которых напо-

минают русскую поговорку: кто в лес, кто по дрова... Иные наши отделские коллеги (из тех, что три года назад делили Арктику) считают, что решение означенной задачи заслуживает более достойных ученых. Такая позиция нам понятна, но эту задачу мы единодушно предпочли оставить за собой. Глядишь, со временем достигнем уровня достойных.

На этот раз на Шпицберген мы шли на новеньком с иглолки ледоколе «Киев» по гладкому-гладкому морю под безоблачным небом при полном отсутствии ветра: бывает же такое!!! Все на этом замечательном судне лучше, чем на «Ермаке», беззащитный корпус которого заканчивают разделявать в Кольском заливе. Здесь все лучше, начиная от навигационных средств (прежде всего локатор) и до условий обитаемости экипажа (вплоть до бассейна), но «Ермак» был первым, этого у него никто не отнимет. В решении разрезать его «на иголки» у властей предрержащих проявились отчетливые признаки маразма, погубившие страну четверть века спустя.

Весь путь мы одолели всего за сорок часов, следуя известному русановскому положению: «Желательно выйти возможно раньше и возвратиться возможно позже». Однако претендовать на то, что мы усвоили уроки нашего славного предшественника, мы не можем. Каким-то образом отправили необходимое снаряжение на другом судне, которое задержалось почти на две недели. В результате мы опоздали к снегосъемкам по долинам, в которых началось бурное таяние. Очевидно, пока мы плохо усвоили то, чем был силен наш выдающийся предшественник.

В попытке наверстать упущенное 20 июня мы высадились с вертолета на ледоразделе ледников Фритъоф — Гренфьорд, где таяние практически не начиналось, чтобы спасти то, что еще можно спасти.

Ближайший к Баренцбургу намеченный объект исследований имел два выводных языка, растекавшихся от общего ледораздела: южный — под названием Фриттьоф, северный — по названию ближайшего залива Грен-фьорд. Поскольку забрасывали нас вертолетами, похоже, я становлюсь специалистом по высадкам именно на водоразделе, когда расчет полетного времени контролируется еще визуально с обязательной оценкой опасности посадочных площадок от ледниковых трещин. Дальнейшая работа была повторением той, что мы проделали год назад на ледниковом плато Ломоносова. На этот раз практически все пространство предстоящих работ в поле зрения, причем разница в морфологии уже бросается в глаза настолько, что по полученным результатам подлежит объяснению. По картам размеры Фриттьофа больше и его профиль настолько выпуклый, что закрывает прифронтальную часть Грен-фьорда отличается впалым профилем и заметно меньше по размерам, весьма напоминая то, что нам знакомо по плато Ломоносова сравнением ледников Негри и Норденшельда. По этим признакам у нас есть основания ожидать поступления осадков с юга. Однако не станем пытаться предсказывать результаты наблюдений, ограничившись пейзажем по предстоящим маршрутам...

Невольно взгляд из нашего лагеря стремится увидеть побольше. На севере за гладью Ис-фьорда на Земле Оскара II раскинулась целая горная страна с долинами, заполненными ледниками. Это известный нам по картам северо-западный район оледенения главного острова архипелага, в котором нам предстоит снегосъемки. Уже поэтому любая информация оттуда может оказаться полезной. Там потоки солнечного света, прорывающиеся в разрывах облачного покрова. Пока эта отдаленная горная страна зрительно напоминает

рисунки на старинных картах-портуланах эпохи Великих географических открытий.

По результатам наших снегосъемок «кухня погоды» Шпицбергена определенно располагается где-то южнее архипелага. К такому заключению мы окончательно пришли несколько суток спустя, когда, оставляя за собой в снегу глубокую борозду, снегосъемкой мы доказали, что снегонакопление на Фритьофе примерно в полтора раза выше, чем на Грен-фьорде. Концепция еще раз явила себя во всей красе, но пока на уровне «необходимо, но еще не достаточно».

Окрыленные достигнутым успехом, на вертолетах отправились в Нью-Олесунн, чтобы начать подготовку к организации стационара на ледниковом плато Хольтедаля, когда у вертолетчиков по каким-то своим причинам обозначилась пауза в полетах. Не стану описывать всех исторических памятников (это неоднократно сделал за меня Евгений Максимович), лишь отмечу, что пришлось нам возвращаться по этой причине в Баренцбург, оставив наших товарищей в Нью-Олесунне, в надежде высадиться на ледниковом плато Хольтедаля. Встречи с туристами в Нью-Олесунне порой носили поучительный характер, хотя порой с юмористическим оттенком, отражая историю бывшего противостояния отнюдь не лингвистического свойства. Из беседы француза с англичанкой:

- Когда мы плыли через Канал...
- Ла-Манш, мадам.
- А потом возвращались Дуврским проливом?
- Па-де-Кале, мадам.

Нетрудно прийти к выводу, что бывшее военное и экономическое противостояние продолжается в языковой сфере, такой вот исторический вывод.

А вертолеты не летят, заставляя вспомнить суждение Берда, вполне применимое к нашей ситуации: «Как бы тщательно ни была организована полярная экспедиция, ей неизменно сопутствуют всевозможные неожиданности». Оставив троих наших товарищей дожидаться авиаторов, сами решили сбежать из Нью-Олесунна. Уже на переходе слышали гул вертолетов.

Почти одновременно отряд Зингера высадили со всем добром (включая КАПШ и аварийный запас провианта и топлива) на ледниковое плато Хольтедаля, где им предстояло повторение программы наблюдений по примеру ледникового плато Ломоносова в прошлом году, а меня с Троицким забросили в устье долины Берцелиуса на берегах Ван-Миен-фьорда.

12 июля мы расположились в Кэмп-Мортон, одиноком старом домике в устье речки Берцелиус, где в 1912 году базировался отряд Р.Л. Самойловича из состава русановской экспедиции в поисках месторождений угля. Очередная преемственность спустя более полувека, когда «...старый путь изведен. И повадились ходить по отцам и дедам», хотя и совсем с другой целью. Сорок четыре года назад Самойлович встретил здесь норвежского топографа Коллера, положившего на карту окрестные ледники. Сравнив его карту с последующими съемками, я определил изменения горных ледников на Земле Норденшельда за 1912—1936 годы, удивившись темпам их сокращения. Теперь мне предстояло продолжить этот ряд наблюдений на других территориях. Хотя мы намеревались вернуться в Баренцбург пешком, у нас не было свободы действий, которую ограничивали два обстоятельства: первое — количество продовольствия в наших предельно загруженных рюкзаках, и второе — отсутствие

у нас радиостанции. Не появись мы в Баренцбурге в назначенные сроки, это могло вызвать ненужную тревогу.

А пока мы снова активны, мы снова в движении, живем настоящей полнокровной полевой исследовательской жизнью, ощущая радость бытия каждой клеточкой. Так соскучились по работе, что тут же после высадки сбежали с рюкзаками (оставив часть снаряжения и продуктов в Кэмп-Мортон) на запад к леднику Фритьюф, чтобы оценить изменения положения его фронта. В активе этого двухсуточного маршрута помимо привязки фронта ледника Фритьюф образцы с морен и описание форм ледникового рельефа, а также сборы раковин с морских террас на значительных (до 110 м) высотах, особенно важных, по мнению Троицкого, подтверждающего результаты прошлогодних наблюдений в районе Свеагруды.

Затем последовала серия коротких маршрутов из Кэмп-Мортон, причем в сугубо арктическом режиме рабочей повседневности, определяемой полярным днем. Выход в маршрут определяется лишь продолжительностью сна и затратами времени на приготовление пищи. Поскольку солнышко освещает наши пути-дороги круглые сутки, очередную кормежку перед выходом в маршрут трудно назвать завтраком, обедом или ужином.

Как все ограничено, скажет иной читатель: работа и еда, и так изо дня в день, порой неделями. Однако практически в каждом маршруте присутствует оправдываемость нашего научного предвидения, уже одно это обещает полярному землепроходимцу (довольно распространенное неофициальное определение нашего брата) букет переживаний от отчаяния до восторга открытия. Если к этому присоединяются экскурсии в прошлое, это уже исторические связи. Так

что на ограниченность духовной жизни мы пожаловаться не можем, даже при отсутствии светских тусовок, которые не являются для нас мерой духовных контактов.

Отославшись и отдохнув, отправляемся к очередным ледникам. Поскольку груз минимальный (буссоль, барометр, полевой дневник, бутерброд), можно перейти на рысь, и в таком же темпе пересекаем первые моренные валы. Добравшись до конца ледника, определяешься засечками по ближайшим ориентирным вершинам, затем контролируешь свое местоположение по местным объектам, присутствующим на карте. Оконтурив положение конца обычной буссольной съемкой, затем принимаешься за следующий ледник, и т.д. и т.п. Леонид Сергеевич действует больше геологическим молотком и лопатой в сочетании с барометром для определения высоты террас и находок морской фауны в виде раковин или костных остатков китообразных. Отобранные им образцы в дальнейшем совершат на наших спинах длительное путешествие в Баренцбург. Позднее нашли другой выход — складировать образцы в приметных местах, чтобы доставить их в Баренцбург с попутными рейсами вертолетов. Обычная полевая практика, полевая жизнь, к которой мы привыкли, считая нормальной, и по которой тоскуем в Москве, просто потому, что она позволяет нам реализовать свой физический и интеллектуальный потенциал. Управившись за несколько суток с окрестностями Кэмп-Мортон, с тяжеленными рюкзаками перешли вверх по речке Берцелиус и остановились посреди скопления горных ледников, поставили свою палатку под взглядами удивленных оленей, сбжавшихся взглянуть на очередных двуногих чудаков. Снова выход за выходом. Напряженным трудом мы наверстываем упущенное в начале сезона. Успеем — значит,

мы на уровне, не успеем — на Арктику некому жаловаться, она глуха к обидам и оправданиям. Обычные трудности в маршрутах (то непродолжительный туман, то топкая тундра, то ветер) — мелочи по сравнению с главным. Мы оказались в настоящем Клондайке ледниковой информации. Правда, мы допустили очевидный просчет в количестве продовольствия: его слишком много и теперь лишний вес явно ограничивает наши возможности. Пока не «привяжем» все окрестные ледники, не соберем все торфа и ископаемую фауну вокруг, а также не съедем все излишки продовольствия и не сожжем избыток бензина в примусе — ни шагу вперед, благо в двух переходах от Баренцбурга мы ничем не рискуем. Более того, мы подстрахованы запасным складом в верховьях Грендален, который оставили еще при заброске вертолетами в Кэмп-Мортон неделю назад.

Это объясняет содержание в моем дневнике записи за 18 июля: «К полудню на расстоянии всего 10 километров привязали 7 ледников. Это успех — такого еще не бывало. Кажется, отступают медленнее, чем до 1936 года». Слово «успех» в этой записи означает не удовлетворенное самолюбие, а констатацию сложившейся ситуации: теперь не события швыряли нас из одного конца Шпицбергена в другой, а мы определяли их ход. В это время мы овладели ситуацией, дневник лишь подтверждал это обстоятельство. Кстати, замедление отступления ледников между 1936 и 1966 годами позднее подтвердилось и по другим источникам, что не случайно. Отмечу, что оценки колебаний горных ледников были получены в основном по измерениям в поле, а полупокровных, особенно достигающих моря, — главным образом сравнением карт. Наблюдения полевого сезона 1966 года позволили запустить статистику в части колебаний ледников.

После очередного перехода в верховья Грендален наше везение продолжалось, поскольку мои ледники располагались поблизости, а увеличение протяженности маршрутов Троицкого в известной мере компенсировалось новыми четвертичными трофеями: то новый, не описанный в литературе торфяник, то редкостное обнажение и т.д. В общем, к раннему утру 23 июля, когда мы пришли в Баренцбург, прошагав за 11 дней двести двадцать километров, в моей копилке оказалось 28 горных ледников — против пяти за неделю в Адвентдалене год назад. Рост производительности очевиден, хорошо бы сохранить ее на будущее. Ситуация такова, что наращивать статистику среди горных ледников следует продолжить и дальше.

В Баренцбурге первым делом звоним вертолетчикам. Те сообщили, что планируют снятие отряда Зингера по результатам радиосвязи в самое ближайшее время. Определенно, наши стационарщики по опыту прошлого года решили не задерживаться на ледниковом плато. Уже вечером наши молодцы, порядком обгоревшие и обветренные, с шумом и гамом заполнили нашу скромную обитель на лыжной базе неподалеку от консульства. Взаимным расспросам нет конца, тем более что было чем поделиться.

По рассказам наших товарищей, события на ледниковом плато Хольтедаля развивались следующим образом. Как и следовало ожидать, заброска из Нью-Олесунна проходила на пределе возможностей, прежде всего по метеоусловиям и видимости. Даже на высоте 700 метров таяние уже началось, хотя вода оставалась в пределах толщи зимнего снега, и, таким образом, это обстоятельство никак не отразилось на результатах снегосъемок, которые поначалу заставили нас удивиться. Как понимать слишком незначительные изменения в снегонакоплении по маршрутам снегосъемок?

Понимать этот результат следовало в том смысле, что при съемках на ледниках Фритъоф—Грен-фьорда маршрут снегосъемок совпадал с направлением влаготочка с Гренландского моря, а на ледниковом плато Хольтедаля был проложен поперек ему. В реальности на тех же высотах снегонакопление на Фритъоф-Грен-фьорда (порядка 900 мм в пересчете на воду) по крайней мере вдвое превышало измеренное на ледниковом плато Хольтедаля (всего 500 мм), что подтверждало поступление на архипелаг осадков с юга, что оказалось главным. Теперь определенно можно утверждать, что очередной фрагмент головоломки оледенения Шпицбергена встал на положенное ему место, что открывало простор для наращивания усилий в дальнейшем поиске, поскольку мы оказались на верном пути.

Вертолетчики по-своему оценили наши достижения, поскольку наши аэровизуальные наблюдения работали и на них. Возникшее на этой здоровой основе взаимопонимание дошло до того, что нас стали приглашать для попутных наблюдений в другие полеты. Иногда это происходило самым неожиданным образом, что называется, на ходу, минуя Зингера, в чем он усмотрел нарушение своих прерогатив. Именно так случилось в последний день июля, в результате чего, с одной стороны, я получил отменный полевой материал, а с другой — руководящее неудовольствие, хотя и в товарищеской форме. Ну и нагрузка выпала на меня в многочасовом полете, когда пришлось работать на оба борта в стремлении не упустить чего-либо интересного.

В полете вплоть до Смеренбург-фьорда удалось легко нанести на карту положение снеговой линии (точнее, границы активного таяния, близкой уже в это время к разделу зон таяния и питания на ледниках), которая по маршруту

полета незначительно изменялась около 400 метров. А ведь в прошлом сезоне мы наблюдали ее в Андвентдалене в центре острова где-то на 800 метров. Жаль только, что таких наблюдений у нас было пока недостаточно, чтобы объяснить ситуацию с загадкой оледенения архипелага по Норденшельду и Тирреллу вместе взятыми.

Но это близко к тому, что мы более года назад почерпнули у Калесника. Очевидно, нужен новый рывок вперед, тем более что у этого авторитетного источника просто неполная информация, в чем мы убеждались неоднократно. Остается только доказать это, тем более что к решению проблемы мы приблизились вплотную.

Наша единственная претензия к информации Калесника: он не учел возможности нарушения широтной зональности в связи с поступлением питающих ледники осадков с юга, что в конечном итоге и определило загадку оледенения Шпицбергена по Норденшельду. Как не учел и ситуацию на востоке архипелага, которая пока остается для нас неясной. Нужны сведения о положении границ питания на востоке архипелага, которые, как мы полагаем, располагаются очень низко. Однако подтвердить это можно лишь непосредственными наблюдениями. Известно, что расшифровка загадочных шифров и кодов хитроумными криптографами в шпионских романах проводится с помощью некоего ключа. Наш природный «ключ» (для нашей экспедиции он в полном смысле «золотой ключик») состоит из трех компонентов: положение ледников, высота границы питания и количество снега.

Ненадолго на своем судне заскочил в Баренцбург Листоль. Упускать такой случай было нельзя, поскольку мы оба работаем по близкой тематике, и я попросил его о консультации, одновременно продемонстрировав свои достижения в виде

таблиц колебаний ледников на больших листах миллиметровки, выполненных от руки. Судя по встречным вопросам, они произвели определенное впечатление. Однако, когда я сказал, что хотел бы сравнить наши результаты, получил ответ: материалы наблюдений упакованы и находятся в трюме. Оставалось поблагодарить за высокую оценку наших достижений и откланяться. Определенно норвежец не может меня упрекнуть в том, что я скрывал от него свое направление деятельности и достигнутый (хотя и далеко неполный) уровень. На том моя попытка контактов с коллегой и завершилась. Как я понял, в главном в выявлении закономерностей и взаимосвязей этого природного процесса мы опережаем Листоля и, очевидно, используя его материалы со всеми ссылками (как это делал еще Альтман), будем развивать это направление самостоятельно.

Михалев решил проверить надежность аэровизуального определения высоты границ питания на ледниках, посетив ближайшие. Различия оказались в пределах от 5 до 20 метров, тогда как высота границы питания в разных ледниковых областях меняется в пределах нескольких сот метров. Возможности аэровизуальных методов для наших целей были доказаны однозначно, а возникшие было сомнения у моих товарищей мне были абсолютно понятны. Использованию дистанционных аэрометодов их не столько учили, сколько сообщали, что таковые существуют. Мне только еще раз оставалось вспомнить добрым словом моих преподавателей по МИИГАиКу, годами вдалбливавших в нас эту премудрость.

Повезет так повезет, поскольку обозначился перспективный полет на Северо-Восточную Землю с ее ледниковым покровом. В этом случае, пересекая главный остров архипелага, мы проверим возможности нашего «золотого ключика»

к тайнам оледенения всего Шпицбергена. По литературным источникам, можно было ожидать встретить высоту границ питания в центре Западного Шпицбергена примерно на 800 метрах с последующим большим снижением к восточному побережью, возможно до 200 метров.

Мы вылетели 2 августа с вертолетной площадки генеральным курсом на северо-восток, пересекая Ис-фьорд общим направлением на верховья Вийде-фьорда. Таким образом маршрут полета пересекал область горного оледенения на стыке Земли Андрэ с Землей Диксона, где голый лед в области расхода небольших горных ледников отчетливо прослеживался с незначительными отклонениями до высот 700 метров. С учетом того, что таяние еще продолжалось, высота границы питания оказалась близкой к той, что мы ожидали. Отслеживая обстановку с высоты полета, мы не могли не испытать эстетического воздействия открывшихся пейзажей, которые были великолепны, даже несмотря на все предшествующие впечатления, включая каменный коридор Вийде-фьорда, словно рассекающий клинком по меридиану весь север архипелага. Здесь переход от области горного оледенения к полупокрову чисто зрительно проявился также в каком-то странном косонахлобученном ледниковом плато Осгор на полуострове Нью-Фрисланн, вызванном прежде всего разницей в высоте границы питания, задранной практически до 800 метров к центру острова, затем опускавшейся на берегах пролива Хинлопен до 200 метров на характерном леднике Валгалл, в чем нам предстояло убедиться. Разительным оказался переход от привычного горного рельефа на Земле Андрэ к плоскому плато Новой Фрисландии. Все одно к одному: и границы питания, и формы оледенения, жаль только, сведений о снегонакоплении для этих мест не име-

ется... Таким образом, наши ожидания подтвердились, и уже одно это стало свидетельством надежности «золотого ключика» в наших руках к тайнам оледенения Шпицбергена.

Мы остановились на базе гляциологической экспедиции Стокгольмского университета в бухте Чинвика на севере Мурчисон-фьорда, о которой нам рассказал Гьелсвик во время посещения Москвы. Командует ею Вальтер Шютт, зимовавший здесь во время МГГ, хотя научное руководство определяет, по-видимому, академик Хоппе, специалист по четвертичной геологии. Сообщив, что мы принимали участие в проведении исследований по программе МГГ на Новой Земле и теперь приступили к работам на Шпицбергене, я не мог не поинтересоваться о причинах необычного распределения ледников на главном острове архипелага. Ведь не могла подобная проблема, впервые обнаруженная их земляком Норденшельдом, не интересовать современных последователей, тем более скандинавов. Ответ казалось бы опытных шведов нас удивил: вероятно, фёновый эффект!. Похоже, наши коллеги так же далеки от ее решения, как и во времена Норденшельда сто лет тому назад.

Мы уже собрались улететь для высадки южнее Мурчисон-фьорда вблизи ледникового покрова, когда получили предложение остаться на шведской базе для обмена научными данными и продолжения дискуссий с обязательством переправить нас через залив на моторной лодке. Поколебавшись, мы приняли предложение, полагая, что контакты с ветеранами работ на Шпицбергене могут оказаться для нас полезными.

Удивительные вещи ожидали нас впереди после отлета наших вертолетов. Первая: груда вполне современного оружия на столе при входе на базу — как понять? Объяснение

этого местного отнюдь не природного феномена гласило: их величество в порядке помощи научной экспедиции придал ей звено армейских вертолетов (сейчас все они в поле), которые, прибыв к месту работ с положенным по штату оружием, в соответствии с Парижским трактатом от 1920 года тут же разоружились самым наглядным образом! Нам оставалось лишь приветствовать этот отважный шаг в борьбе за мир во всем мире, в надежде на понимание со стороны остальных великих и малых держав.

Когда мы напомнили об обещанной переброске нашего скромного отряда шведскими плавсредствами на южный берег Мурчисон-фьорда, возникла некоторая пауза, поскольку означенные плавсредства оказались в разгоне. Советское воспитание объясняло подобные случаи происками капиталистического окружения против представителей самого передового и миролюбивого социалистического государства, порой на грани провокации. В нашем случае скорее речь шла о проявлении некоего, достаточно обычного экспедиционного бардака, которому шведы оказались не чужды, отчего шведское руководство явно испытывало некоторое смущение. Но тут-то в бухте возник силуэт судна под норвежским флагом, на котором прибыл сам директор Норвежского Полярного института, с которым два месяца назад мы общались в Москве, доктор Гьелсвик. Предвидя такую возможность, я согласовал с консульством возможность возвращения на норвежском судне в Баренцбург, заранее получив «добро». Гьелсвик согласился на наше возвращение под норвежским флагом, решив нашу проблему в духе дружбы народов. Правда, отвезли нас к ледниковому покрову все-таки шведы, одновременно высадив с нами двух своих специалистов для проверки вех, по которым проводились наблюдения чуть ли не со времен МГГ.

Еще одно следствие научного характера контактов со шведами: они продемонстрировали карту, снятую во время экспедиции по измерению дуги меридиана в 1898—1902 годах. Я спросил, используют ли они ее для оценки изменений ледников. Ответ гласил, что, за редким исключением, точность ее недостаточна. Вроде бы так, и не совсем так — похоже, колебания ледников в этой части Шпицбергена по каким-то, еще не ясным причинам, настолько невелики, что часто остаются в пределах точности карт, что показательно само по себе. Ситуация, чем-то напоминающая Северную Землю...

Сама Северо-Восточная Земля оставила сложное впечатление. По сравнению с Баренцбургом всего на 2° севернее, но уже гораздо безжизненней, практически зона полярной пустыни. Общая суровость подтверждается сохранностью на озерах зимнего льда. Еще запомнилась тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Что касается наблюдений за покровом, полученные результаты минимальны. Грубо высота границы питания лежит на высоте 400 метров. Каких-либо существенных изменений в положении края покрова мы не обнаружили. Однако такой вывод опровергает резкий бросок ледника Бросвелл на юге острова, который в 1936—1938 годах сначала выдвинулся на 20 километров (!!!), а затем в виде огромной лопасти площадью до 500 квадратных километров распластался на морской глади, одновременно образуя множество айсбергов. В Арктике, вероятно, это наиболее значительная по масштабам так называемая подвижка, не зависящая от вещественного баланса ледника, связанная с формированием определенной критической массы. Даже несмотря на отмеченную подвижку, ледниковый покров Северо-Восточной Земли производит впечатление малой активности, прежде всего, из-за удаленности от

таинственного источника питания на юге, которым, скорее всего, является тот самый Арктический фронт, со свирепым характером которого мы познакомились глубокой осенью 1956 года у Новой Земли и год назад на подходах к Шпицбергену. Однако не станем спешить со скоропалительными выводами.

Облетай мы ледниковый покров по периферии, можно было бы определеннее судить, каким образом он вписывается в общую природную систему архипелага Шпицберген, но чего не было, того не было. Так и осталось наше десятидневное пребывание в этой части архипелага лишь рекогносцировкой с ограниченными целями, в отличие от полета поперек Западного Шпицбергена, результаты которого благодаря любезности доктора Т. Гьелсвика были пополнены при возвращении морем в Баренцбург на «Сигналхорне» под норвежским флагом.

Поддерживая добрые экспедиционные традиции, перед отплытием без приглашения приняли участие в погрузочном аврале. К этим работам привлекались даже экипажи вертолетов, только что вернувшихся с «поля». Естественно, разговорились, и, узнав, что мы возвращаемся в Баренцбург, швед-механик сообщил, что ему, вероятно, вскоре предстоит познакомиться с Австралией.

— Каким образом? — удивился я.

Смысл его объяснения — королевские ВВС Швеции вынуждены сами зарабатывать на содержание где придется, на этот раз в какой-то нефтяной компании. Сочувствуя, я поинтересовался, а не жарко ли будет. Ответ был весьма неожиданным: в Конго было жарче. Вот это ребята: из Конго в войсках ООН на Шпицберген, со Шпицбергена в Австралию, и все в поисках заработка на содержание своих люби-

мых ВВС! Трудно приходится нейтралам, зажатым в тиски между НАТО и Варшавским блоком.

С многочисленными высадками геофизиков и ревизией полевых отрядов руководством Норвежского Полярного института путь до Баренцбурга занял двое суток. Зрительно я сомкнул свой морской маршрут с вертолетным, опознав силуэт острова Амстердам в виде мрачной плоской глыбы с угловатыми береговыми обрывами. Старенький «Сигнальхорн» постройки 1912 года пробирался на юг вблизи берега, так что мы могли повторно наблюдать те же ледники, с которыми я имел дело в полете 31 августа. С моря и высоты птичьего полета горные цепи в ожерельях ледников и синеве моря и неба при всей эстетической экспрессии выглядят по-разному и не могут не вызывать восхищения в самой заскорузлой душе. Нас, однако, больше всего волновала граница таяния на ледниках, которую мы с палубы срисовывали на карту, сравнивая с ее положением две недели назад. Убедились в хорошем совпадении своих наблюдений.

Работы прибавилось, когда мы обогнули мыс Квадехукен и вошли в пролив Форландсуннет, поскольку мы «срисовывали» ледниковую информацию как с ледников Земли Принца Карла на западе, так и с Земли Оскара II на востоке, фиксируя одновременно и другую попутную информацию, которая могла пригодиться в будущем. Последнее включали вполне доступные горные ледники, удобные бухты или сулой (особое волнение на контакте разных течений) в узкости пролива у Стрелки Сарса, не подозревая, что она пригодится год спустя. Если на восточных берегах граница таяния находилась примерно на высоте около 400 метров, то на низких плоских ледниках Земли Принца Карла у подножия высокого горного хребта, гребни которого нередко превышали тысячу метров, эта замечательная

граница располагалась всего на 200 метрах. Почему у Нансена они вызвали какие-то ассоциации с шельфовыми ледниками Антарктиды, я так и не понял, хотя его книгу взял в этот поход специально. С 1906 года, когда их положил на карту шотландец Брюс, из-за отступления фронта они словно попятились ближе к обрывам хребта. Мысленно мы уже представляем границу таяния и накопления оледенения главного острова архипелага: от 200—400 метров на западе в области полупокровного оледенения, с подъемом до 600—800 метров в центре в области горного оледенения, снова снижаясь до 200 метров на восточном побережье. Однако последняя величина требует подтверждения. Завершился наш вояж у причалов Баренцбурга, где состоялся своеобразный бартер: мы получили, наверное, с кило швейцарского шоколада, а экипаж «Сигналхорна» обзавелся парой бутылок «Столичной». Однако наш главный трофей явно нематериального свойства: результаты визуальных наблюдений с моря и воздуха, причем в системе других результатов, полученных ранее.

Утром 15 августа мы прибыли в Баренцбург с Северо-Восточной Земли, и уже 19-го с очередным попутным рейсом нам предстояло вновь оказаться на долгожданном восточном побережье. Как правило, в спешке маршрут намечен достаточно в общем виде, и уже поэтому обещает немало сюрпризов. При этом пилоты не всегда могут идти навстречу нашим пожеланиям, в силу каких-то своих указаний и инструкций, в сути которых мы не в курсе.

Нашу деятельность на востоке главного острова архипелага на берегах Стур-фьорда привожу по дневнику.

«19.08.66. Бухта Мона.

Все-таки мы попали на восточное побережье. Сидим сейчас в крохотной хижине, в которой уместились с трудом,

и слушаем шум ветра и прибоя. Прибой великолепный, по которому я соскучился, так давно его не слышал. Впрочем, здесь он несколько специфический. Белопенные гребни вскипают и рушатся на фоне голубых силуэтов плоских айсбергов, проектирующихся на плоские контуры такого же плоского острова Эдж за Стур-фьордом.

Вылетели в 14.30 двумя машинами Власова и Фурсова по многократно пройденному маршруту через долины Грендален и Рейндален со Свеагрувой, откуда наш вертолет неожиданно направился в Рейндир-бухту, и в 15.40 мы оказались над общим фронтом ледников Паула и Шееле, откуда устремились по сквозной долине, рассекающей остров поперек к Китовому заливу. Вот какой подарок преподнес нам Фурсов накануне своего возвращения на Большую землю: Русановский маршрут 1912 года, но по воздуху!

В отличие от предшественника на пересечение нам потребовалось всего 12 минут, и, преодолев водораздел всего на высоте около 250 метров, мы убедились, что система ледников Паула-Стронг получает питание, хотя, видимо, в основном наложенным льдом в салатных пятнах снежных болот. У отступающего фронта выводного языка Стронга происходит обособление ближайших притоков... Сильный местный ветер над морем бросает нашу машину, под которой мечутся белые гребешки. С 1912 года ледник Томсона, заставивший Русанова повернуть из-за многочисленных трещин, значительно изменился, и теперь его несложно перейти, поскольку трещины присутствуют лишь в прифронтальной зоне. Следующий ледник Ричард также отступил, судя по сравнению с 1936 годом... Целая серия ледников от Березняка до Инглфида все так же спускается в море. Очень низкая линия раздела таяния и питания на

высоте примерно 200 метров. Снова все те же 200 метров, как и побережье Хинлопена в прошлом полете, определенно это не случайность!

К бухте Агард из-за встречного ветра добирались почти полчаса. Ветер здесь достиг штормовой силы, море в сплошных барашках, видно, как водяная пыль стелется по ветру. Помимо отдельных глыб айсбергов, Стур-фьорд чист ото льда. Сели в бухте Мона у ледника Ушер вблизи удачно под-вернувшейся хижины...

20.08. 66. Бухта Вича.

Вышли в маршрут по направлению к леднику Негри в 13 ч., пришли в 23 ч., одолев около 25 километров, встретив медвежьи следы на правой морене ледника Хэйса, впервые после посещения залива Леди Франклин на Северо-Восточной Земле. Из-за потоков пришлось форсировать ледник Хэйса с большим обходом к верховьям. Ничего общего с описанием Ф.Н. Чернышцева в 1901 году, заставшего подвижку этого ледника (...уйдя в море верст на пять в виде длинного языка, по обе стороны которого остались лишь узкие полоски воды. Поверхность этого языка поражает своей изломанностью и с вершины горы кажется форменной щеткой. Очевидно, ледник этот в настоящее время сильно наступает и благодаря изломанности сильно «телится», давая массу огромных живописных айсбергов).

Очень часто на пути к Негри топкий грунт. От встречного ветра нет спасения при плюсовой температуре. Ярко-желтые, почти оранжевые подушки мхов напоминают об осени. Негри увидели только в конце маршрута, уже на исходе сил. Выслав нам навстречу грандиозную эскадру айсбергов, он приветствовал нас салютом. Прохода дальше нет — это всего-то в километре от ближайших морен.

Тем не менее мы остановились в неприятном месте: без воды, без укрытия от ветра, даже без плавника, так что палатку нам пришлось ставить на ружье и карабине. Это в медвежьем-то месте...

21.08. 66. Бухта Вича.

Обошлось. Спали с набитыми желудками без сновидений. Проснулись с ощущением вчерашних перегрузок в теле, особенно досталось спине. А вот погода сегодня как по заказу — солнце, температура +8, нет ветра... Где же вчерашний мордотык, низкие тучи, тяжеленный рюкзак? В результате жизнь предстает в самом радужном цвете, хотя бы ненадолго, но никто не освобождал нас от Негри.

Первая же попытка пробиться к Негри была остановлена приливом. Пришлось искать обход, карабкаясь по скальному склону на полкилометра вверх, где в конце концов нашли подходящее место с приличным обзором. Как и на Хэйса, граница питания, судя по ближайшим выходам коренных пород, где-то на двухстах метрах. К сожалению, несомненное отступление Негри как реакцию на подвижку 1936 года установить отсюда невозможно, однако, по слухам, этим летом норвежцы проводят аэрофотосъемку, и, таким образом, в перспективе надежда получить эти сведения остается...

А пока с нашей обзорной точки любуемся сразу верховьями ледников Хэйса и Негри, привязывая интересующие нас детали к ближайшим нунатакам в поле зрения, куда попали знакомые очертания вершин Баклунда, Свангберг и других гор на востоке ледникового плато Ломоносова, остановивших там наши снегосъемки в прошлом году. С учетом предстоящего возвращения, именно отсюда лучше всего выходить на ледник Хэйса... С головоломным спуском были в лагере в 21.30.

22.08. 66. Бухта Мона.

Похоже, Арктика вчера вознаградила нас приличной погодой за наше то ли упрямство, то ли упорство. В ночь погода резко изменилась к худшему. С утра нависли тучи над головой, снег стучит по брезенту палатки. Остается пожелать, чтобы облачность не опустилась до уровня моря, тогда путь через вчерашний перевал для нас закрыт. Снег постепенно заваливает всю округу, и тут же начинает таять. Ну и переход нам предстоит! На Хэйса мы нашли другой путь, ближе к фронту, где потоки, так мешавшие нам в маршруте 20 августа, срывались в трещины, которые мы легко обходили... Спустившись с Хэйса, устроили привал посреди холмов морены, чтобы попить чайку, приготовленного на примусе на остатках бензина. Трудно представить людей, уставших, промокших и голодных, устроившихся на мокрых камнях посреди грязных конусов морен, в окружении промозглого тумана, талого снега и проникающей сырости, более довольных, чем мы. Все же достали самый отдаленный угол Шпицбергена, причем с солидным куском восточного побережья! Блаженство буквально переполняло нас, пока мы держали в руках горячие кружки с невинным напитком. Что стоит жизнь, если она теряет радость преодоления и успеха даже в здешних условиях? Не стоит спорить с пресыщенными людьми, предпочитающими комфорт, тем более что они имеют на это право, каждому свое... Нам (как и с погодой) определенно везет. Только вернулись к нашей развалюхе, тут же отказал примус... Теперь выручает печка.

23.08. 66. Бухта Мона.

Сегодняшний день в основном по тематике Троицкого, тем более что здешняя морена в высшей степени странная, и ее возраст вызывает сомнения, хотя, скорее всего, свя-

зан с общим наступанием ледников архипелага на исходе XIX века. Судя по карте 1910 года, фронт Ушера располагался далеко впереди, но карта ненадежна, сплошной пунктир. При этом перед мореной располагается обычное мокрое зандровое поле с многочисленными китовыми костями, довольно молоденькими, поскольку над зандром висит стойкий запах сероводорода. Сплошное китовое кладбище.

Другие прелести нашего “курорта”: мелководье — продолжение зандра с застрявшими айсбергами разных размеров. При волнении их обломки заваливают пляж на кромке зандра, напоминая погибший десант. Те, что остались на плаву, с началом волнения издают тихий мелодичный, какой-то стеклянный звон, предупреждающий об изменении погоды. Короткий маршрут оказался полезным, взяли образцы органики и определили отступление ледника Ушер после 1936 года. Остался последний маршрут на юг к леднику Ульве, но сохранится ли погода еще двое суток, к сроку, когда нам обещан вертолет?

24. 08. 66. Бухта Мона.

Погода достаточно маршрутная, но мы сами придумали себе приключения, врезавшись при подъеме на участок плато Домен в стенки базальтов... Последняя, высотой под двадцать метров, далась тяжело. Где на брюхе, где ползком, прижимаясь вплотную к мокрому камню так, что разломал сухари в карманах. Леониду Сергеевичу, обвешанному анероидом, фотоаппаратами и чем-то еще, пришлось сложнее. За стенкой ровное увалистое плато с пятнами снега, отчего окрестные пейзажи напомнили Полярный Урал или Новую Землю на исходе полевого сезона. То же небо, тот же ветер, те же каменистые гряды и такое же отсутствие жизни. Спустия полчаса были на леднике Ульве, еще полчаса на наблюдения,

и можно возвращаться. На обратном пути мой спутник подбирает очередные образцы, засовывая их за неимением места чуть ли не за пазуху, тогда как я ограничился местными то ли юрскими, то ли меловыми аммонитами в качестве сувениров. Похоже, что мы полностью выполнили намеченную для этих мест программу, убедившись в низком положении границ питания ледников на берегах Стур-фьорда.

25. 08. 66. Баренцбург.

Все успели, все получили, все признали — а могли бы не успеть, не получить и не узнать... Какой ценой, но все в пределах наших возможностей. Когда настала пора расставаться с этой, мягко говоря, не с самой замечательной частью архипелага, вдруг в глубине души возникает ощущение сожаления о предстоящем расставании.

С утра над бухтой Мона туман, туман и туман, все гуще с каждым часом. В нем растворились сначала окрестности Негри, затем остров Баренца, и, наконец, наш ледник Ушер с его замечательной мореной. Редкие голубые просветы над головой позволяли думать, что всякое может случиться, но случилось то, что случилось... Услышав нарастающий знакомый гул, мы принялись хватать свои шмотки-манатки, а затем в такую голубую дырку буквально не столько влетел, сколько ворвался вертолет. Мы тем более оценили этот маневр, что командиром его был новичок Василий Колосов. Молодой, на редкость симпатичный и отважный парень, которого мы позже вспоминали не раз (особо, когда узнали о его безвременной гибели...). К этому нечего добавить...

Через главный водораздел из бухты Агард вылетели на верховья долины Сассен, а затем свалились в Ис-фьорд, выполнив по пути аэровизуалку, в которой новым оказались подвижки у горных ледников на главном водоразделе.

В меру уставшие и переполненные впечатлениями (а главное, результатами), снова вернулись в свой лыжный домик.

Через пару дней наши головы посетила замечательная мысль: а не попытаться ли нам на исходе сезона отрекогносцировать таинственный южный район архипелага, которого опасаются, и не случайно, наши вертолетчики, прежде всего из-за погодных условий. Поэтому мы отправились в Хорнсунн на борту “Тайфуна”, но, как оказалось, опоздали, хотя, скорее всего, исходя из нашей же концепции, зима на юге Шпицбергена наступала пораньше, чем в районе Баренцбурга или Лонггера. Глядя с палубы на заваленное снегом побережье, мы поняли, что с границами расхода и накопления на ледниках мы также опоздали. Теперь мы могли рассчитывать только на польские публикации. Но даже по этим скромным данным определенно наметилось снижение границ питания к югу до 270 м на леднике Вереншельд и немного выше на леднике Ханса на северном берегу Хорнсунна. Об изменении ледников в этом заливе можно было судить по картам начиная с 1872 года, причем эти изменения были очень значительными, но свидетельствовало ли это о каких-то особо неблагоприятных условиях на юге архипелага или просто о значительной амплитуде изменений, следовало задуматься: почему по шведским съемкам 1899—1902 годов на севере архипелага изменения ледников происходят практически в пределах точности, в то время как по работам русских топографов из экспедиции по измерению дуги меридиана 1899—1901 годов, на юге архипелага, эти изменения заведомо многократно больше?»

Увы, наше кратковременное пребывание на опустевшей польской базе экспедиции МГГ 1957—1959 годов не дало ответа на эти вопросы, но заставило думать. При этом

большое наступание ледников здесь в 1872—1901 годах свидетельствовало о значительной амплитуде природного процесса, что опять-таки находилось в рамках концепции. Уже по перечисленным причинам мы не считали наше пребывание в Хорнсунне со 2 по 6 сентября напрасным, тем более что Троицкий преуспел здесь в очередном разбирательстве с древними и современными моренами.

Мы жили на опустевшей польской базе с двумя норвежскими охотниками, возможно, последними представителями некогда обширного племени, и частенько коротали время за вечерними сумерками в обсуждении различных бытовых и исторических проблем. Мы осваивали с их помощью особенности полевой норвежской и русской кухни, в частности приготовление мяса тюленя, которое, как известно, требует особого умения. На фоне надоевших консервов, это вносило известное разнообразие и, кстати, пригодилось в будущем, но я бы не рекомендовал эти блюда для гурманов в московских ресторанах.

Норвежцы как-то упомянули о каких-то русских развалинах, и что-то шевельнулось у меня в груди. Когда-то за них примутся наши специалисты, и я попросил норвежцев показать их положение на карте.

— Здесь, здесь и здесь... — Заскорузлый палец прошелся по листу карты со всеми присущими признаками длительного пребывания в полевых условиях. — Практически повсеместно, где в топонимах присутствует слово «русский»: Руссеэльва (Русская речка), Руссепинтен (Русский мыс) и так далее...

— А как вы отличаете их от норвежских построек?

— Ваши строили свои избы из круглого дерева и использовали красный кирпич для печей.

Побывав в двух показанных норвежцами местах, мы убедились в справедливости этих признаков. Жаль, что мы так поздно получили эту информацию, но в достижениях полевого сезона мелкие досадные промахи (практически неизбежные в любой экспедиции) занимали слишком незначительное место. Определенно его следовало признать успешным во всех отношениях.

Если сравнивать особенности полевого сезона с прошлым, то при некотором снижении количества дней с наблюдениями (примерно вдвое) незначительно возросла протяженность маршрутов по морю (с 1260 до 1335 километров) и очень значительно вертолетами (соответственно, с 760 до 2200 километров), с резким возрастанием роли аэровизуальных наблюдений. При этом значительной оставалась и протяженность пеших маршрутов — 766 в 1965-м и 820 километров в 1966 году, хотя в последнем сезоне она выросла незначительно. Другое дело, что без вертолетов мы не смогли бы успешно изучать наиболее удаленные участки архипелага, без чего не могла бы состояться наша концепция.

Что касается личного отношения, то для меня сезон не просто удачный, он прежде всего интересный, потому что принес каждому из нас не только свой материал, но и особый собственный опыт. Я развил заложенное еще в студенческие годы умение видеть детали местности, но теперь уже в системе природных взаимосвязей, в отличие от Северной Земли в 1962 году. Думаю, похожее состояние и у остальных. Ощущение такое, что я вижу проявления природного процесса на местности, в будущем этот особый опыт позволил мне реально оценивать достижения новых методик, внедрившихся в наши исследования уже на новой технической

основе. А еще позже, когда с крахом советской системы экспедиционные исследования практически прекратились, я успешно использовал его при работе с изображением ледников на космоснимках и на экране компьютера. Уже только ради этого стоило не жалеть себя в изматывающих маршрутах.

Попытаюсь отразить научные достижения полевого сезона. Несомненно, главное — карта положения границ расхода и питания на ледниках, укладываемая в первоначальную концепцию, даже без юга архипелага. Что касается оценки сокращения оледенения, то для каждого отдельного ледника важно иметь сопоставимые данные в процентах от первоначальной площади. Ведь километр отступления для горного ледника означал катастрофу, а в эволюции ледникового покрова Северо-Восточной Земли — жалкий эпизод. Поэтому позднее наши последователи (Листоль, Даудсвелл и другие на иных полярных архипелагах) при создании Каталога ледников Шпицбергена использовали именно наш принцип ледосборов у выводных языков, а не морфологический принцип характеристики арктического оледенения по соотношению куполов и выводных языков, заведомо мертворожденный. Правда, для меня преодоление этого противоречия обошлось в десяток лет, которые я мог бы использовать с большей пользой. В правильности своей позиции (ранее использованной еще в новоземельской монографии по итогам МГГ) я окончательно убедился именно по результатам полевого сезона 1966 года.

На фоне достижений этого полевого сезона наиболее скромными оказались наши заработки, поскольку их солидная часть пошла на коньяк нашим отважным вертолетчикам. Моя жена встретила эти непредусмотренные расходы

с пониманием в надежде на компенсацию после защиты диссертации. Увы, ждать ей пришлось еще долго... Но главное достижение полевого сезона 1966 года — концепция состоялась, хотя и в незаконченном виде. Образно говоря, осталось «заштопать» несколько солидных «дыр», что мы и собирались сделать в будущем полевом сезоне.

Глава 7 ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1967

Весьма вероятно при сем деле вы встретите препятствия, но прежние опыты ваши будут вас руководствовать более, нежели что по сему предмету предположить можно.

Из инструкции П.К. Пахтусову

Препятствия возникли еще до начала экспедиции. Во-первых, не смог поехать с нами Слава Маркин, что не могло не отразиться на программе предстоящих исследований. Во-вторых, по сугубо техническим причинам нам было отказано в вертолетах, на которые мы так рассчитывали. Однозначно и окончательно... Надо было думать о какой-то им замене, ибо без транспорта на архипелаге нам просто нечего было делать. Было решено использовать обычную шлюпку, хотя подобным опытом располагал только автор. Соответственно, обзаведение этим судном выпало на мою долю. Не случайно в это время мы частенько вспоминали академика Петра Ле Руа, автора известного сочинения «Приключения четырех Российских матрозов к острову Ост-Шпицбергену бурей унесенных, где они шесть лет и четыре месяца прожили», название которого говорит само за себя. Правда, некоторые мои коллеги считали этот источник

середины XVII века в меру устаревшим, однако утверждение почтенного академика: «Долговременные путешествия, а особливо морем чинимые, часто бывают причиною многих приключений, кои нередко выходят из пределов вероятности» — оказалось на редкость справедливым. Чтобы не быть обвиненным в стремлении к приключениям (причем за казенный счет), лишь замечу в свое оправдание: у нас просто не было другого выхода.

Таким образом, предстоящие полевые работы распадалась на два этапа: первый — снегосъемки в основном по долинам поперек Земли Норденшельда (желательно от Гренландского моря до Баренцева), второй — шлюпочный маршрут по фьордам Западного Шпицбергена. Остатки стационарного отряда (Зингер, Михалев) по мере возможностей дополняют маршрутные наблюдения сбором данных на метеостанциях, привлекаясь временами для вспомогательных маршрутов. Увы, на большее наша ослабленная экспедиция была не способна.

Мне было приятно возвращаться на берега архипелага на «Зое Космодемьянской», с которой началось мое знакомство с арктическими морями. Правда, из ее экипажа за истекшее десятилетие и осталось никого. Ледовая обстановка на подходах к архипелагу оказалась классической: язык дрейфующего льда из Стур-фьорда, подхваченный Западно-Шпицбергенским течением, блокировал подходы к Ис-фьорду, так что нашему судну пришлось обходить его, сделав солидный крюк к западу. Благополучно совершив этот маневр, с приближением к знакомым берегам мы убедились, что таяние здесь еще не начиналось.

30 мая мы начали снегосъемки с долины Грен (Зеленая — по-норвежски), по которой год назад выходили из

Кэмп-Мортон. Большая столбовая дорога Лонгбир — мыс Линнея: следы снегоходов, оленей и песцов... Таяние все же началось, правда, вода еще остается в снегу, хотя сама долина никакая не зеленая, как ей и положено быть в это время года. Идем на лыжах, все необходимое — с собой в рюкзаках из расчета на две ночевки в знакомой хижине при обычной для этого вида программе наблюдений: через каждые сто метров (отмериваются на ходу мерным шнуром) замеряем высоту снежного покрова, через километр отрываем шурф для послойного определения плотности. Старемся делать побольше поперечных профилей. Пока трудно судить о характере снегонакопления по оси долины, зато распределение снега на ее бортах практически повсеместно подтверждает поступление снега с южными ветрами, в чем мы были уверены заранее. Лыжня, хруст снега под ногами, тяжесть рюкзака за спиной. Временами туман вызывает чувство скованности, лишает уверенности, отчетливо сказывается на темпе движения. Окрестный пейзаж при этом напоминает плохо проявленную фотографию: какие-то кочующие белые пятна, ничего определенного. В целом погода подходящая для маршрута.

На следующий день вышли в долину Семмель — предел намеченного маршрута. Снега, клочья тумана на каменистых склонах, вдали на юге — солнечная Земля Натхорста со срезанными облачностью горными вершинами. Тишина, спокойствие в душе и в природе, сплошная умиротворенность вокруг: таким запомнился финал непродолжительного маршрута. После возвращения 1 июня в Баренцбург мы разделились: Зингер с Михалевым отправились на снего съемки западнее Грен-фьорда (не слишком обременительные даже с учетом маршрутных качеств нашего предводителя), а мы

с Троицким приступаем к решению задачи посложнее. Судя по всему, снег в центральной части Земли Норденшельда уже на пределе существования, и поэтому мы поспешили зафиксировать его характеристики (прежде всего водозапас), продолжив наблюдения по той же методике, что и в долине Грен. Нам предстоял маршрут под двести километров, с хижинами неясно, рюкзаки настолько перегружены, что мы вынуждены отказаться от палаток, что привязывает нас к жилью. Уже 3 июня нас высадили на причалы Лонгьербюена, откуда руководство норвежскими шахтами доставило нас на машине по шоссе в глубь острова (сократив пеший переход километров на пятнадцать), откуда мы предприняли марш-бросок дальше по намеченному пути в долине Адвент, знакомой с 1965 года.

Первые впечатления — весьма сложные. Долина выглядела мрачной, пятнистой, мокрой и даже грязной, вызывая у нас противоречивые чувства. С одной стороны, снега здесь оказалось достаточно, чтобы подтвердить наши сугубо теоретические представления на основе известной читателю концепции, но слишком мало, чтобы регулярно пользоваться лыжами. Тащить их на себе по уши в грязи да еще ухитриться мерить то, что осталось, такое могут только одержимые! Лыжи снять, лыжи надеть, чередующиеся полосы насыщенного водой снега, чавкающая тундра, хляби снежных болот на наледях, все тридцать три удовольствия на наши головы! Но ведь это мы сами совершенно добровольно обрекли себя на подобную жизнь, а не по приговору суда!

Между тем особенности асимметрии снегонакопления, отмеченные в долине Грен, здесь также отслеживаются совершенно отчетливо даже на глаз. На южных бортах долин черные пятна проталин на белом фоне снежного

покрова, на северных — белые пятна сохранившегося снега на темном фоне освободившейся от снега тундры. Даже без обработки ясно, что минимум снегонакопления совпадает с положением области горного оледенения и с наибольшими высотами границ питания на ледниках. Сравнение со съемками в долине Грен еще раз подтверждает справедливость исходной концепции, требующей, однако, количественного подтверждения. Если мы хотим противопоставить концепцию современного оледенения Шпицбергена устаревшей на наш взгляд концепции древнего реликта, наши оппоненты не сдадут свои позиции без сопротивления.

Продолжаем маршрут к востоку, к берегам Баренцева моря, и в долине Эскер (пределе нашего продвижения на восток) картина существенно меняется. Заметно прохладней, снега становится больше, причем с корочкой наста практически без проталин, а самое главное, очередное совпадение — снижение границ питания ближе к Баренцеву морю, которое мы установили год назад. Значит, мы оказались в зоне повышенного накопления, существование которой предвидели еще до начала снегосъемок, а теперь доказали непосредственными наблюдениями. Определенно, выражаясь словами барда, «не зря топтали мы подметки, нынче и вчера...» Никто из исследователей Шпицбергена не догадывался о существовании выявленного нами природного феномена на архипелаге, по крайней мере в литературе об этом ни полслова.

Дальнейшее продвижение на восток означало поход в зиму, снег лежал здесь уже сплошным покровом по дну долин и на склонах. И все-таки мы были вынуждены отказаться от выхода на берега Баренцева моря, повернув обратно из верховьев долины Сассен по двум причинам: во-первых,

в случае продолжения маршрута на восток мы рисковали упустить снегосъемки на участке между долинами Адвент и Колс; во-вторых, за это время вздувшиеся от таяния снегов речки отрезали бы нам возвращение на запад. Пришлось отступить, хотя и с сожалением, тем более что главное было сделано... Последний раз мы с долей разочарования бросили взгляд на мрачные тучи, переполненные снегом за главным водоразделом, и повернули на запад к голубым прогалинам в облаках над долиной Адвент. На ходу рассуждая: что лучше — неполный профиль снегонакопления поперек всего главного острова архипелага или тот же профиль с «дырой» на самом интересном месте?

Арктика всегда (хотя и по-своему) вознаграждает упрямых. На этот раз ее благосклонность проявилась в трехдневном морозце, сковавшем лужи и образовавшем корочку превосходного наста, скользить по которому на лыжах было сплошным удовольствием. Как бы зима ни сопротивлялась, наступавшая весна теснила ее неотвратимо. У оленей появились малыши, из-под хмурого неба то и дело доносятся крики гусей, звучно трещат петушки куропаток, завлекая подруг. С упругим шуршанием рушатся снежные карнизы, заснеженные склоны расчерчены трассами обвалов, на моренах грязные оплывины: все это убедительные признаки наступающей весны. Но чтобы утром набрать воды в протоке, приходится разбивать ледяную корку ударом сапога. И это в первой декаде июня!

Холостой, то есть без наблюдений, переход по долине Адвент к хижине Уроа, зажатой в тесной долине, от которой рукой подать до Колсбэя, прошел без приключений. Запомнилось выражение лица встречного шофера-норвежца, когда мы вышли на шоссе у первых шахт: что за оборванцы

с заросшими и обгоревшими лицами, с рюкзаками за спиной и лыжами на плечах, словно выходяцы из далекого прошлого, оказались на его пути?.. Ночевали в Уроа под шелест поземки и завывания ветра, ласкавшие наш слух, — это означало, что мы не опоздали со снегоъемкой на завершающем этапе с приближением к Баренцбургу, в чем мы окончательно убедились на с пути в Колсбэй.

Семейная пара из Баренцбурга, жившая там для охраны брошенного имущества после закрытия рудника Грумант, встретила нас с настоящим русским гостеприимством, хотя никак не могла понять, почему мы не можем разделить с ними некоторый напиток местного производства. Они явно были разочарованы тем, что гости провели с ними только одну «ночевку» (последнее понятие, разумеется, весьма относительное в условиях полярного дня). Объяснить этим хорошим людям, что мы на пределе как сроков, так и собственных сил, было довольно трудно, и боюсь, что мы оставили у них чувство определенного разочарования, тем более что нам самим давно уже хотелось слегка отойти от нашей достаточно суровой маршрутной жизни и пообщаться с людьми. Неписанные законы полярной службы погнали нас вперед, на запад, несмотря на накопившуюся усталость.

Пожалуй, только знакомые ориентиры поддержали нас на последнем тридцатикилометровом переходе. Выход к подножию горы Везувий (его мы отметили по характерному силуэту еще в первый же полевой сезон на Шпицбергене) ознаменовался сменой листа карты — явно особое событие для нас с напарником. Старый засаленный лист карты, перечеркнутый красной неровной линией маршрута от края до края, — в полевую сумку, новый — в планшет на его место. Перед нами открылось суровое заснеженное плато с каме-

нистыми обрывами и гордо вознесенными к небу остроконечными вершинами. Пятнистость ландшафта усилена бегущими тенями от облачности. Внизу рваные кучевые облака щедро подсвечены солнцем, а прямо над головой в их разрывах просматривается тонкий рисунок перистых, обещавших скорую перемену погоды, причем не в лучшую для нас сторону. Уже видна долина речки Холлендер и даже горы за заливом Грен-фьорд, их силуэты на большом расстоянии выглядят непривычно мелкими. Облака лишь способствуют игре солнечного света, подчеркивая его избыточное обилие, отразившееся вместе с ветром и перепадами температур на наших физиономиях. Однако сами снега, я бы сказал, сегодня изысканно красивы, и их поверхность искрится тысячами вспышек, то отливая муаром, то подернута изящной тонкой рябью, все оттенки не описать.

Однако усталость, накопившаяся в двухнедельном маршруте, начинает сказываться. Тяжело форсируем вздувшуюся речку Холлендер, русло которой заполнено сплошной насыщенной влагой снежной кашей. Обувь и портянки намокают, появляются потертости, на лыжи страшно смотреть, отменные, многократно выручавшие нас «бескиды» оцетинились кусками окантовки, словно иглами дикобраза. Несмотря на усталость, отмечаешь мелочи, которые так разнообразят монотонность маршрута: вот тонкий облачный лифчик прикрыл Грудь Венеры (так наши шахтеры переименовали Везувий, у них своя тракторка форм горного рельефа), необычную цветовую гамму создают красные лыжи, погружаясь в салатную жижу снежного болота, и т.д.

В устье Ис-фьорда солнечные лучи прорвались сквозь облачный покров, и, казалось, наклонные колонны света удерживают рыхлые облачные массы от падения на изящный

силуэт гор на Земле Принца Карла, будто отлитый из стекла и света. Мы механически продолжали снимать наши отсчеты на каждой сотне пройденных метров (уже зная, как их совокупность работает на нас), продвигаясь мимо брошенных буровых, затем пересекли глубокий овраг, которому, казалось, не будет конца. И вот неожиданно чуть ли не у себя под ногами мы увидели россыпь домиков Баренцбурга. Тем и закончился наш маршрут в начале полевого сезона 1967 года.

Ближайшие дни после возвращения: отмыться, постричься, отоспаться, заново привыкнуть к обычному человеческому общению, потому что скопление людей в столовой мы первые дни воспринимаем чем-то чрезвычайным. Узнаем последние новости, получаем первые телеграммы на почте, отправляем свои. Наши товарищи дополнили наш двухсоткилометровый снегомерный разрез своим тридцатикилометровым до норвежской метеостанции на мысе Линнея. Им же предстоит освоить также метеоданные со станций в Баренцбурге и Лонггире, после чего наш совместный ход с опорой на эти надежные репера сам превратится в надежную опору концепции природных взаимосвязей, положенных в основу работ нашей экспедиции. По самым предварительным подсчетам, снега на западе маршрута с приближением к берегам Гренландского моря примерно вдвое больше, чем в центре архипелага в области горного оледенения. У восточных пределов нашего маршрута ближе к побережью Баренцева моря — картина несколько другая. Количество снега там также возрастает, но свою роль в положение границы питания играют более низкие температуры.

Итак, положение ледников, хорошо увязываясь с высотами границ питания, обусловлено, прежде всего, современ-

ным климатом, являясь, таким образом, современным природным феноменом. Тем самым концепция из области идей переходит в реальность. В начале лета 1967 года головоломка оледенения Шпицбергена перестала быть таковой, получив свое объяснение. Все одно к одному: положение ледников и их асимметрия в совокупности с районированием вместе с высотами границ питания и распределением снега на архипелаге. Тем не менее эту весьма изящную систему природных взаимосвязей на количественной основе нам предстояло пополнить, дабы наши потенциальные оппоненты (а таковые всегда найдутся) заранее уяснили отведенное им место в науке. Поскольку до конца сезона остается еще не менее двух месяцев, надо их использовать в полной мере для наращивания информации по всем направлениям предстоящей деятельности. Впереди вырисовывались новые увлекательные маршруты, в свою очередь ставшие причиной приключений, о которых двести лет назад предупреждал российский академик Ле Руа, которые нам, к счастью, удалось преодолеть.

Среди наших коллег-гляциологов, большинство которых получило свой опыт в горах Кавказа или Средней Азии, вариант с выбором шлюпки вызвал, мягко говоря, неоднозначное отношение, многие пожимали плечами, считая, что романтик Дик опять чудит.

Только нам было не до шуток и не до романтики. Что верно, то верно: наш морской опыт минимален, несмотря на то что нашими консультантами и экспертами выступали такие профессионалы, имена которых помнит лишь старшее поколение моряков: капитаны дальнего плавания Иван Александрович Ман (он первым привел наши корабли к берегам Антарктиды) и Александр Павлович Бочек (пер-

вым водивший караваны к устью Колымы по Северному морскому пути).

Наш выбор выпал на обычную шлюпку-шестерку с мотором ЛММ-6. К сожалению, это суденышко невозможно вытаскать на берег усилиями двух человек, но карта подсказала достаточно закрытых стоянок в устьях небольших речек, бухточек и лагун, куда, как оказалось, шлюпка могла буквально протиснуться, чтобы укрыться от волнения. Осадка и габариты нашего суденышка (заимствовавшего свое название у яхты незабвенного покорителя морей и океанов Христофора Бонифатьевича Врунгеля) вполне позволяли это сделать. Правда, название судна повергло в состояние тревоги моих знакомых моряков: еще бы, «Беда»! Пришлось им объяснить, что это самое удачное имя, которое позволило нашей предшественнице счастливо избежать всех бед и несчастий, что предстоит и нам, хотя последнее утверждение еще предстояло доказать. Характер погоды и волнения мы уже представляли, а знакомые моряки вооружили нас лощией, таблицами приливов-отливов. Благодаря любезности доктора Гьелсвика мы были снабжены также неплохими морскими норвежскими картами.

Вторая проблема — моторы, дело для нас новое. Среди обитателей Баренцбурга нашелся умелец Алексей Лахмин, который стал нашим инструктором в этом деле, причем высокого класса, как показали дальнейшие события. Для подстраховки мы обзавелись двумя моторами — один в плавании крепился на транцевой корме в рабочем положении, а второй, заправленный по пробку и готовый заработать по мере необходимости в любой момент, оставался принайтовленным к банке (шлюпочной скамье). Что касается проблемы оценки состояния моря и подходов к берегу, у меня был определенный опыт, полученный еще на Новой Земле. Я не относил себя

к тем, чьи суждения о погоде основываются на телепрограмме «Время», хотя и считал недостаточным только местные признаки, полагаясь также на имевшиеся у нас приборы, в первую очередь барометр-анероид и некоторые другие. Само собой, на шлюпке была рация. Наши шлюпочные приготовления проходили при самом внимательном отношении экипажа «Тайфуна» и его старпома Юрия Просвирнина. То, что на шлюпке можно работать у побережья, доказано не нами. Думаю, что наша реальная заслуга состоит в том, что мы первыми из гляциологов задействовали плавсредство на пользу нашей науке. Кажется, этот опыт до настоящего времени так и остался непревзойденным. Когда наша шлюпка приняла центнер продовольствия и до двадцати канистр с горючим и маслом, мы были готовы претворить свои смелые планы в реальность, хотя в душе верили в их осуществимость, скажем, на 98 из 100 % возможных.

Северный морской маршрут начался 6 июля, после достаточно продолжительного выжидания приличной погоды. Чтобы не показаться нашим многочисленным друзьям и болельщикам нерешительными, по первому более или менее благоприятному прогнозу с метеостанции Баренцбурга мы оторвались от причала и тронулись в свое первое плавание, вспоминая частушку студенческих лет:

Как возьму ромашку в руки,
Пострадают многие.
В мире нет страшной науки
Метеорологии...

Нас не смущало даже то, что первый же важный ориентир на нашем пути был мыс Доумен, что в переводе означало

мертвеца или даже покойника, кому как нравится! Еще не покинув вод Грен-фьорда, обнаружили, что облачность стала садиться на окрестные вершины, в Ис-фьорде откуда-то с востока потянул ветерок бейдевинд, почти попутный, и вскоре мы получили волну с первыми барашками, заставившими нас насторожиться, тем более что ближайший берег не обещал надежного укрытия. Приспособившись кое-как к волне, мы посчитали, что уйдем от нее, повернув за мыс со столь жизнерадостным названием. Однако тут же нарвались на ветер, который на суше у полевиков называется мордотык, а в море — мордувинд, наименования неблагозвучные, но весьма конкретные по смыслу. В общем, в проливе Форланнсуннет нам не повезло, поскольку спускавшаяся облачность выключала береговые ориентиры один за другим. Поскольку обязанности рулевого и одновременно штурмана пришлось выполнять мне, не могу сказать, что я чувствовал себя уверенно, тем более что при таком волнении я не мог пользоваться картой. Спасала хорошая проработка предстоящего маршрута, позволявшая опознавать береговые ориентиры и без карты. Но что делать, если они словно растворялись в мрачном сером туманном месиве, напоминающем клейстер?.. Вскоре справа остался только обрывистый берег с частоколом скал, сверху прикрытый туманным покрывалом. Позже под ним обозначилось нечто светлое, что я посчитал за один из крупных ледников, находившихся в этом месте, но какой именно? Наиболее важным навигационным ориентиром был ледник Эйдем, за которым находилась хорошо укрытая от волнения бухта Фармхамна, в которой мы надеялись отстояться. На какой-то момент я подвернул ближе к берегу, но тут же уперся в такое беснование волн посреди скал, что тут же вернулся на преж-

ний курс, поскольку за Эйдем я, очевидно, принял соседний Венерн. Вовремя унесли ноги...

Ни укрыться, ни выпрыгнуть, ни убежать, только искать по курсу спасительную бухту. Наконец — коническая скала, входной ориентир, гладкая поверхность воды словно в деревенском пруду, и сама бухта начинает разворачиваться виток за витком, словно раковина улитки. Выключаю мотор, и сразу слышу рев прибоя на внешнем берегу, но этим нас уже не напугаешь. Пропитанная водой отяжелевшая роба, свинцовая тяжесть в теле, с трудом хватает сил, чтобы поставить палатку и развернуть спальные мешки, а потом провалиться в тяжелое забытие. На то и шторм, чтобы отоспаться с запасом. И, разумеется, использовать нашу вынужденную стоянку на попутный поиск.

Перед выходом в этот маршрут один мой знакомый передал мне перечень поморских стоянок, составленный со слов старейшего и наиболее известного на архипелаге норвежского охотника Хильмара Нойса. Была в этом и перечне и Фархамна. Спустя час я обнаружил сохранившиеся нижние венцы из порядком прогнивших круглых бревен с присутствием красного кирпича, очевидные признаки былой русской постройки. Сверх того — глиняные черепки, кусок деревянной ложки, и даже... остатки веника. Кто здесь жил и как долго? Ни намек на присутствие не то что документов, а просто их признаков... Возвращаясь в лагерь, наблюдаю с окрестных скал, как в нашу бухту вливается тюлень-разведчик: кто, мол, такие и зачем? Плывет по-морскому, брассом.

Безысходный серый мрак, изматывающий ветер, промозглая сырость и морозящий дождь в сопровождении непрекращающегося рева прибоя с внешнего берега продолжались четверо суток. Это не помешало Троицкому

обследовать морены Эйдема. На четвертые сутки, проснувшись, мы не услышали рева взбесившегося моря и решили продолжить плавание. Воздух понизан синей дымкой, настроение одновременно радостное и тревожное, деловито постукивает мотор, редкие пологие волны чуть подернуты сеткой ряби. «Плывем, все бросив за кормой, все дальше бури злобный вой...» Форланнсуннета не узнать, и не верится, что всего несколько суток назад он обращался с нами, словно с мокрыми котятами. Какими прекрасными пейзажами одарила нас на переходе Земля Принца Карла: горы в броне ледников прямо из моря упираются в зенит! Короткие высадки на восточном берегу пролива, чтобы привязать фронты ледников Даля и Оватсмарк. Фронты протяженные, на шлюпке лучше держаться от них подальше: кто знает, когда с них обрушится очередной айсберг, чтобы поднять опасную волну... Между тем как потеряли здесь больше восьми часов, опоздав к шлюпке, оказавшейся на осушке в отлив, учесть на будущее. Поблизости несколько приличных горных ледников, привязка концов которых вместе с положением границ питания может пригодится на будущее при возвращении, но сейчас мы должны спешить.

Наверстывая упущенное, мы снова устремились вперед и уже 12 июля были в английской бухте с ледником Камфортлесс, конец которого также привязали к карте 1936 года. На этом переходе встретили незначительный сулой (необычное волнение, возникающее при взаимодействии разных течений) у Стрелки Сарса, отмеченный нами еще в прошлом году на «Сигналхорне». В нашем случае явление не столько опасное, сколько интересное, причем этот опыт вскоре пригодился в более сложной ситуации. Нью-Олесунн совсем рядом за горным хребтом, на полуострове Брёггер. Четкая

связь по радию с Баренцбургом, и голос начальника в эфире преисполнен отческого достоинства. Сообщает, что намерен вместе с Михалевым прибыть в Нью-Олесунн на «Тайфуне», и в этом случае нас ожидает там совместная работа.

Наша экскурсия к леднику Камфортлесс прошла без приключений, однако с возвращением снова испортилась погода, но несерьезно. Снова садятся облака, ветер из попутного превращается в мордотык. Опасения после фармхамской трепки на этот раз в развитии погоды не оправдались, и мы благополучно достигли французской базы, где в одиночестве пребывал наш коллега Анри Жофрэ, с которым мы познакомились в прошлом году, которого сопровождал ассистент Тони Руж. Вот и все народонаселение французской базы. Однако к вечеру участники французской экспедиции начали подтягиваться, причем мы обнаружили, что в полночь наступает 14 июля, День взятия Бастилии, о чем французы не забыли. В результате вечером мы оказались свидетелями и участниками празднества, достаточно многолюдного, потому что здесь собрались французы не только из полевых отрядов, но и с телеметрической станции ЕСРО (организация Европейской космической программы) в Нью-Олесунне, и скучать никому не пришлось.

Низенький, уже в годах француз, похожий на маленького доброго гнома, приплясывая, вздымал к потолку длинные ножи, на которых красовались утиные головы, и во все горло распевал: «Са ира, са ира...» Это был электронщик с телеметрической станции по имени Моррис. Его друг Пьер Мулэ (в годы войны они вместе сражались на подводных лодках Свободной Франции), широкий, совершенно лысый бретонец, сопровождал вокальное соло своего друга игрой на аккордеоне. Праздник продолжался всю «ночь», большую часть которой

заняло исполнение русских и французских песен, помимо «Интернационала» и «Марсельезы». Вот уж не думал, что эти мелодии подходят для подобного застолья! Управляла всем этим шумным искрящимся весельем изящная Аник Моэн, крупный специалист в области морской геоморфологии. Никаких царственных жестов или требовательных взглядов, но все ее пожелания выполнялись, похоже, просто по мановению волшебной палочки. Удивительно, как после многочисленных погружений под воду в легководолазном костюме ей удалось сохранить стройность фигуры, после рождения четверых детей. Что ни говорите, а у женщин есть свои секреты...

Праздник праздником, но именно за праздничным столом мы договорились о предстоящих планах и контактах, которые в самые ближайшие дни были воплощены в жизнь. Нью-Олесунн мы покинули без связи со своими, оставив для них лишь короткую записку. Тепло распрощались с французами и отправились навстречу очередным приключениям, причем неприятным.

Испытав нас на подходах к Фармхамне, Арктика решила не повторяться и приготовила для нас кое-что похитрее. Мы вышли при легком волнении в корму и попутном ветерке от ледника Конгсвеген, который я принял за местный с ледника, который обычно заканчивался на расстоянии в несколько километров. Однако спустя примерно час началось непонятное волнение с левого борта от входа в Конгс-фьорд. Пока разобрались, это волнение усилилось настолько, что поворот на обратный курс для возвращения в Нью-Олесунн стал слишком рискованным, нас могло снести на скалы у мыса Гуиссез: оставалось идти только в бухту Эбелтофт. Придумать подобное мог только злодей с опытной фантазией: стык ветров и волнения с двух направлений — местный

от ледника Конгсвеген (нам в корму) и общий с океана от входа в Конгс-фьорд, в левый борт... Определенно, мы угодили в самое пекло, причем волнение с океана крепчало, барашков становилось все больше, волны росли, то и дело скрывая горизонт. Вдобавок стало кончатся горячее в бачке, и нам пришлось заправляться на ходу. Троицкий заливал бачок из канистры, а я продолжал обрабатывать румпелем каждую волну, то и дело упираясь им своему напарнику в живот, угрожая свалить его за борт. Временами меня охватывало ощущение «неба в овчинку».

Нам не оставалось ничего другого, как развернуться в пределах того, что позволяла волна, и уходить к известному каждому гляциологу леднику 14 июля, на котором почти тридцать лет назад Х.В. Альман и Х. Свердруп впервые опробовали свои балансовые подходы. Разумеется, воспользоваться картами в создавшемся положении нечего было и думать, поскольку все внимание уходило на управление шлюпкой, и выручала только хорошая проработка маршрута, позволявшая держать необходимую информацию в памяти. Подходящую лагуну, спасительную для нас, я отметил про себя у южного, левого участка фронта, перед которым нам предстояло пройти. Оставалось только уповать, что столь знаменитый ледник не обрушит на своих почитателей солидного айсберга...

При входе в Кросс-фьорд я получил зрительное впечатление о происходящем в море, поскольку из бухты Эбелтофт навстречу волне вышел старый знакомец «Сигналхорн», смотреть на который было страшно: его полубак, укутанный в пенные буруны, практически не выходил на поверхность. В другой ситуации я бы подумал: «Во дает!» — но сейчас подобное можно было сказать про нас.

В бухту перед ледником 14 июля мы влетели полным ходом и застопорили мотор прямо перед фронтом ледника 14 июля: такое можно было надеть только со страху. Измученные и опустошенные, мы сидели в нашей шлюпке, измотанные до предела, и просто смотрели на море и солнце, словно не веря в свое спасение. Насколько нас хватит при таких приключениях?.. А я еще вспоминал пересечение Русской Гавани десять лет назад перед фронтом ледника Шокальского. Наши невеселые размышления прервало падение небольшой глыбы у фронта ледника, через минуты полуметровая волна выплеснулась на косу, изрядно встряхнув нашу шлюпку. Мы тут же ушли за косу, разгрузили шлюпку и, наскоро поставив палатку, влезли в спальники и словно провалились в забытье под непрекращающийся грохот айсбергов. Но вскоре произошло нечто необычное. Особо мощный грохот обвала сменился отдаленным гулом, нараставшим с каждым мгновением и напоминавшим приближение тяжелого поезда. Полусонные, наполовину высунувшись из палатки, мы увидали, как с натуженным ревом вдоль косы неслась высоченная волна, мутная от поднятой со дна гальки, увенчанная белопенным гребнем. Убедившись, что коса надежно защищала нас от ее ярости, мы снова погрузились в спасительный сон, в котором так нуждались, в нашем новом убежище, оказавшемся, образно говоря, мышеловкой.

Отоспавшись и отъевшись, мы спешно покинули наше то ли убежище, то ли западню, предварительно положив на карту положение фронта ледника 14 июля. У входа в Кросс-фьорд еще бесновались волны, а мы пошли по этому фьорду на север от одного ледника к другому, действуя по отработанной схеме — высадка, общая рекогносцировка, привязка фронта ледника, снова посадка на «Беду», совсем

как в известной детской присказке: жил-был царь, у царя был кол, на колу было мочало, начинай сначала...

17 июля мы пришли в бухту Сигне, напомиनावшую узкую щель на восточном побережье полуострова Митре. Мы не могли ждать, пока на его внешнем берегу волнение Гренландского моря завершится, и, пересекая полуостров, успешно привязали концы ледников Первый и Второй: есть и такие топонимы на Шпицбергене. Однако растрескавшийся конец Второго ледника преградил наше дальнейшее продвижение на север. К этому времени наша статистика, которую мы надеялись пополнить при возвращении в Баренцбург, количественно приобрела уже вполне достойный вид.

Возвращение в бухту Сигне вновь позволило прикоснуться к недавней истории Шпицбергена, его роли во Второй мировой войне, в частности деятельности немецких метеостанций, поставлявших необходимую информацию в штабы люфтваффе и кригсмарине. Судьба станции с наступлением лета определялась своеобразным соревнованием, кто вперед доберется до такой станции: немецкая подлодка, чтобы эвакуировать ее персонал, или союзный отряд, чтобы разгромить ее, как это произошло здесь весной 1943 года. Мы застали только развалины: остатки сгоревшего жилья, металлические бочки с готической вязью, какая-то драная обувь, россыпь позеленевших гильз, изломанные приборы, груды консервных банок, среди которых выделяются красные коробки португальских сардин, вполне сохранивших вкусовые качества для советских желудков.

В Нью-Олесунн мы вернулись 20 июля, где на нас обрушилась настоящая лавина событий. Встретили наших, от которых узнали, что по плану спустя неделю в Белсунн уходит судно, которым мы можем воспользоваться. Наконец, нам

с нашей шлюпкой предстоит обеспечивать высадку французского отряда у памятного ледника 14 июля, в котором участвует и наш Володя Михалев со своим ручным буром. Этот отряд по выполнении программы должен был самостоятельно добираться пешком (совсем как мы на ледниковом плато Ломоносова) на побережье ближе к Нью-Олесунну, с попутной термометрической съемкой, откуда его собирались забрать уже местными силами. Соответственно, 21 июля мы забросили все необходимое к конечному пункту маршрута франко-русского отряда, а на следующий день высадили его у ледника 14 июля. Забегая вперед, отмечу, что отряд успешно справился со своей задачей, затратив на всю операцию пять суток, одолев шестьдесят километров по леднику, сняв отсчеты по рейкам, установленным год назад, отрыв очередной шурф, со дна которого заложили термометрическую скважину. По сравнению с наблюдениями Альмана ситуация здесь претерпела мало изменений, но этот шведский исследователь, похоже, несколько занизил величину питания ледника 14 июля и соседнего ледникового плато Изаксена.

Теперь же нам на шлюпке предстоит срочный бросок в Баренцбург, если мы хотим воспользоваться попутным судном для заброски в Беллсунн, вместо того чтобы тратить время, пробираясь туда вдоль опасного побережья на шлюпке, разумеется, не отказываясь от попутных наблюдений. Что за гонку мы устроили самим себе!

При этом уже в Форлассуннете мы помогли перебазировать лагерь англичан-геологов (к сожалению, никого из знакомых по 1965 году), затем приступили к собственной программе на горных ледниках по восточному берегу пролива. В сложившейся обстановке наши действия приобрели

специфический лихорадочный характер. Уже в пути мы намечали стоянку, наиболее отвечающую интересам Троицкого, где и высаживались на берег. Ставили палатку, а я, набив карманы сухарями и сухофруктами, вооружившись планшетом с картой и буссолью, рысью направлялся к ближайшим ледникам, чтобы в темпе определить положение их концов, а также, если повезет, то и высоту границы питания. Почему-то всегда приходилось спешить, пока облачность не накроет ближайшие вершины, по которым мне предстояло засекается в процессе этой работы. Добравшись до очередного ледника, в темпе определяю засечками начало привязки, ближайшие ориентиры на местности, затем очередные азимуты и подсчет шагов, с очередными засечками при завершении этой работы. Таким образом обычно удается привязать целый куст таких ледников, в самом жестоком темпе, «заправляясь» на бегу содержимым карманов, за несколько часов преодолевая километров 25. С возвращением в лагерь поглощаю то, что приготовил мой товарищ, и забираюсь в спальный мешок. На очередной высадке все повторяется в той же последовательности. Как ни удивительно, мы уложились в отведенные нам сроки и 27 июля были в Баренцбурге, чему, несомненно, благоприятствовала погода: просто мы не упустили ее, что далось нам напряжением всех сил. Главное в другом: шляпка обеспечила нам независимость в нашей маршрутной деятельности и, соответственно, новые результаты, а физические перегрузки не в счет, какие мелочи...

Южный шляпочный маршрут начался без какой-либо оперативной паузы. Уже 28 июля нас высадили с «Тайфуна» в Беллсунне между ледниками Решерш и Ренар, причем тут же окружающую местность накрыл плотный туман, обре-

кавший нас на длительное ожидание, которое мы потратили на безуспешные поиски остатков зимовки 1767—1768 гг. М.А. Рындина, обеспечивавшей плавание эскадры В.Я. Чичагова к полюсу. Чем это кончилось — известно, но тем не менее результаты этого плавания оказались, несомненно, полезными для будущих исследований. В частности, лопасти обеих ледников тогда выступали далеко в море, что неудивительно для эпохи Малого ледникового периода, проявившегося на Шпицбергене вполне отчетливо. Для нас дни пребывания в заливе Решерш запомнились, помимо тумана, в основном звуками: плеском волн, редким обрушением айсбергов, криками чаек, шумом ветра, потрескиванием костра, стуком дождя по брезенту: все, что осталось нам от большого окружающего мира. Местная экзотика: костер поддерживаем галькой из каменного угля, которой полно на здешних пляжах. Как оказалось, в спешке мы высадились на гнездовья крачек, и, чтобы понапрасну не тревожить этих замечательных птиц в одинаковой степени отважных и красивых, перенесли нашу палатку. Тем не менее они регулярно навещают нас, чтобы убедиться в нашей миролюбии. Одна из них как-то даже уселась мне на капюшон плаща, созерцая мою личность в упор, очевидно, в попытке выяснить цель пребывания. Оставалась там довольно долго, даже несмотря на мои крики Троицкому поспешить с фотосъемкой; к сожалению, он опоздал. Главное событие от нашего пребывания в заливе Решерш: мы не можем установить связь с внешним миром по нашей рации, хотя слышимость в эфире превосходная. Определенно, по неизвестной причине у нас вышел из строя передатчик, и это обстоятельство наложило свой отпечаток на весь южный шлюпочный маршрут, в одинаковой степени озаботив как нас, так и наших друзей в Баренцбурге, вклю-

чая консульство. К счастью, там верно оценили меру нашей способности найти выход из возникшей ситуации.

Между тем уже первый день августа заставил вспомнить пушкинские строки:

Вот север, тучи наведая,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

Снег основательно завалил окрестные горы. С окончанием тумана, выждав более приличную погоду, перешли в бухту Бурбон, где стали лагерем в ожидании улучшения погоды вблизи огромных груд костей северного дельфина белухи, высотой чуть ли не с десятков метров. Рассматривая их из залива Решерш, мы никак не могли понять происхождения столь необычных форм необычного рельефа, оказавшимся своеобразным памятником былых эпох охотничьего освоения Шпицбергена. Вскоре я обнаружил в бухте Ингебрехтсен остатки очередной поморской стоянки, включая веретено и остатки амальгамы с зеркала, что позволяет думать о присутствии женщины среди зимовщиков. Наряду со слюдой встречается стекло, так что стоянка не самая древняя. К сожалению, в то время наши археологи еще не изучали поморскую деятельность на Шпицбергене, но когда спустя десяток лет они приступили к этой теме, результаты моих рекогносцировок не пропали даром.

С окончанием непогоды только 6 августа, используя затишье, перешли на шлюпке по Ван-Кейлен-фьорду к северной морене ледника Натхорста. В нашем положении даже столь короткий переход — уже событие. Укрылись в одной из моренных бухточек. Правда, своеобразие окружающего

пейзажа, основу которого составляют безобразные нагромождения камней и грязи, не вызывает восторга, а скорее заставляет удивляться. Кто же создал его: чудовищный артиллерийский обстрел, бомбардировка метеоритами или пляски чертей в Вальпургиеву ночь? Даже вода в небольших озерках в окрестностях лагеря явно подсолена, поскольку ледник в своем движении по морскому дну захватил и его поверхностные слои. Ситуация, знакомая нам по Свеагруве, но там ледник двигался поперек залива, а здесь — вдоль.

С улучшением видимости я приступил к своим наблюдениям, отметив для начала снижение границ питания на окрестных ледниках на сотню-другую метров по сравнению с Землей Норденшельда. За Ван-Кейлен-фьордом на Земле Веделла-Ярлсберга она еще ниже, это очередной вклад в нашу концепцию, которая позволяет уже предвидеть ситуацию на местности. Важно, однако, не пойти у нее на поводу, а, сохраняя объективность, получать реальную ситуацию с окрестных ледников. В частности, поскольку теперь южное побережье Земли Натхорста в пределах досягаемости пешком, и, значит, в ближайшие дни мне предстоит привязка концов очередных горных ледников. Оказавшись на своих любимых моренах, Леонид Сергеевич может их изучать чуть ли не из спального мешка, в любом случае вблизи палатки, не тратя время на холостые маршруты.

6 августа погода улучшилась настолько, что с набором всего необходимого из расчета на неделю я в одиночку перебрался в долину Дэвиса с одноименным ледником. Интересно, что из этой долины открывается вид на ледник Пенка за Ван-Кейлен-фьордом, что называется, в упор, словно два отца-основателя геоморфологии продолжают свой спор по проблемам своей науки и спустя полвека после того, как

заложили ее основы. Поскольку облачность продолжала опускаться, я решил использовать это время, чтобы перебраться на десяток километров западнее в долину Улла, рассчитывая остановиться в хижине, показанной на карте. Вместо хижины оказалась очередная развалюха. Хотя мне пришлось ночевать под открытым небом в спальном мешке, вместо ложа воспользовавшись сорванной неизвестно кем дверью, в основном я выиграл. С улучшением погоды и открывшимися для засечек вершинами я оказался в скоплении многочисленных ледников, получив отменные результаты, как по изменению положения их концов, так и по положению границ питания.

Пейзаж под стать настроению. Шатер горы Берцелиуса, высотой свыше 1200 метров, перечеркнутый двумя полосками облачности, словно парит над гладью вод Ван-Кейленфьорда. Зеленые долины с серыми галечниками по берегам речек, множество оленей, стаи гусей, местами карминовые пятна мхов. Глаз отдыхает после опостылевших безжизненных морен у ледника Натхорста. 10 августа перешел на самый запад Земли Натхорста, где на леднике Мидтерхук обнаружил очередное снижение границ питания. Отлично!

Сохраняется превосходная погода, но к вечеру горы на Земле Веделла Ярлсберга погружаются в синюю дымку. Наутро я проснулся на своем жестком ложе от резкого ветра. Наспех приготовил нехитрый походный завтрак, уложил рюкзак и бросился почти бегом к палатке, оставленной в долине Дэвиса. Облачность между тем уже седает ближайšie гребни, ветер буквально толкает в спину. Здесь мне повезло, поскольку погода начала меняться к лучшему, что позволило мне завершить программу наблюдений на юге Земли Натхорста, и даже с некоторым превышением за счет

границ питания на ледниках Земли Веделла Ярлсберга, «срисованных» на карту по отработанной схеме. Наша концепция все более обрастает необходимыми деталями, все больше из области гипотезы приобретает очертания теории.

Последняя ночевка в одиночку, короткие сборы, можно возвращаться в базовый лагерь в моренах Натхорста, тем более что перистые облака все гуще заполняют небо с Гренландского моря, и не к добру... Вовремя успел вернуться в лагерь, который показался мне необычно большим (шляпка, палатка, антенна с оттяжками, груда ящиков и канистр), чтобы помочь Леониду Сергеевичу поставить дополнительные тенты для защиты нашей палатки от надвигающегося шторма, который навалился деловито и неотвратно.

Палатка ходила ходуном, оттяжки едва держали, антенна завывала, словно разъяренная ведьма. Совсем рядом ходили целые водяные горы, размывая морены и перекатывая обломки айсбергов, словно камешки на ладони. Наше суденышко вело себя вполне прилично, слегка покачиваясь на своих швартовах, словно застоявшаяся лошадка на поводьях накануне предстоящих скачек. Из палатки мы предпочитали лишний раз не вылезать, с тревогой поглядывая на оставшиеся харчи, количество которых с каждым днем сокращалось. Не ожидая подобного развития событий, мы оставили большую часть груза, включая продовольствие и горючее, в заливе Решерш. К завершению шторма у нас осталось полбанки консервов, полбуханки хлеба, кило сухарей, не считая пресловутой картечи (она же шрапнель). Повторялась ситуация, уже известная читателю по событиям двухлетней давности на скалах Эккокнаусен, — оставалось надеяться, что и ее завершение пройдет аналогичным образом.

Главная проблема в предстоящем переходе — это пролив Мария между Землей Натхорста и островом Аксель, перегородивающим Ван-Келен поперек. Этот пролив ни обойти нам, ни объехать на пути к Свеагруве, где нам предстоит работать, и откуда мы в любом случае можем добраться до Баренцбурга даже пешком. При отсутствии радиосвязи такой вариант не исключается, тем более что признаки тревоги за нас в эфире звучат все чаще и чаще. Обстановка в самом проливе, мягко говоря, непростая. Четыре раза в сутки в строго отведенное природой время целый кубический километр морской воды вливается и выливается из Ван-Миен-фьорда по двум узким проливчикам. Лоция деловито сообщала, что скорость приливно-отливных течений в северном проливе Аксель достигает пяти узлов, примерно столько же, сколько у нашей шлюпки. О том, что творится в южном, более узком, проливе Мария, этот авторитетный источник умалчивал.

По таблицам приливов-отливов мы определили наиболее подходящее время форсирования пролива в момент смены течений. На этот раз карты не давали нам необходимых сведений, а лоция о характере суоя, который по опыту в других местах заведомо обещал быть сильным, и благодаря тому же опыту надеялись с ним справиться. Вот только мы не знали всего, что должны были бы знать, и это внушало нам тревогу. Пока наше оружие — расчет времени, не более...

Как обычно, меняемся на руле каждый час с соблюдением определенного ритуала: вахту сдал, вахту принял... Моя очередь заступать на руль. Убедившись предварительно в отсутствии опасности по курсу, со своего места впередсмотрящего на носу пробираюсь по жесткому брезенту, прикрывающему ящики и канистры, ближе к корме, чтобы откачать ручной помпой скопившуюся в шлюпке воду,

которая грязной струйкой стекает за борт. Потом тряску очередную канистру, перемешивая бензин с маслом. Окончив эту предварительную процедуру, наклоняюсь к Троицкому, который демонстрирует мне карту, заскорузлым пальцем отмечая положение шлюпки, основные ориентиры на берегу, а также предполагаемые опасности. Кивок головой — согласие, легкое прикосновение к плечу — внимание. Гул мотора не мешает нашему общению, которому мы научились за четыре полевых сезона, когда все общее (работа, тревоги и ожидания), и только спальные мешки да нательное белье остаются у каждого в личном владении. Итак, вахту сдал, вахту принял...

Теперь Леонид Сергеевич повторяет мой путь, но в обратном направлении, чтобы приступить к обязанностям впередсмотрящего, застыв неподвижной угловатой глыбой на носу. Мне видно только его спину, обтянутую заношенной штормовкой с большим масляным пятном посредине. По силуэту нетрудно догадаться, куда он смотрит. Поднятая ладонь, что-то привлекло внимание моего напарника. Рука опускается, потом снова поднялась, легкое покачивание ладони — сигнал мне держать чуть левее от курса. Вот он поворачивает ко мне бородатую физиономию, растянутую в улыбке, разбитый ящик проплывает в метрах двадцати от борта. Против солнца он выглядит черным, и его нетрудно принять за верхушку скалы, затопленной морем.

Погода остается удивительно спокойной, но мы успели отвыкнуть от такого спокойствия, которое кажется нам подозрительным. Глубокая тишина повисла над фьордом, а поверхность воды напоминает масло. Может быть, Арктика пытается обмануть нас, затаив в засаде ветер, волнение и самый глухой туман? Пока не похоже, но... Я шарю гла-

зами и ушами во всех трех измерениях, чтобы не пропустить затаившейся угрозы, беру на заметку самые незначительные, но подозрительные мелочи.

Пока море, видимость и небо, все сегодня за нас, даже не считая опыта. Чувствую в себе каждый мускул и не помню, чтобы когда-нибудь так отчетливо воспринимал окружающее. Густо-синие тучи над выходом из Ван-Кейлен-фьорда постепенно поднимаются, редеют, то и дело возникают куски голубого неба. Потом над гладью фьорда с одного гористого берега до другого перекинулась радостная семицветная радуга, как доброе предзнаменование. Всплывает множество фукусов, это надежный признак хорошей погоды, причем надолго. И еще медузы — сотни кремовых куполов раскачиваются на волнах, расходящихся клином от носа шлюпки. Ледники вокруг как на картинке, море исходит ласковой бирюзой, завораживает, пытается усыпить нашу бдительность, вот только расслабляться нельзя.

В заливе Решерш на месте прежней стоянки задержались ровно настолько, чтобы погрузить в шлюпку оставленное добро и дожждаться нужного времени для форсирования пролива Мария. Оторвались от берега, тут же ощутив равномерные взмахи зыби, поднимавшие и опускавшие наше суденышко, словно на гигантских качелях. Это не опасно, хотя на открытом берегу беснуется накат, четко выделяющийся издали белой полоской у подножия мыса Мидтерхук, где я побывал совсем недавно. Там гладкий полукилометровый обрыв гранитов, кроваво-красный в солнечном освещении, падал в ярко-синее море из белых пушистых облаков. Чем ближе мы подходили к этой громаде, тем отчетливее становились белая полоса прибоя и сочные зеленые пятна мхов на каменных кручах.

Выжидая время, мы медленно продвигались вдоль обрывов Мидтерхука, и, казалось, до огромных всплесков наката можно было уже дотянуться рукой. Когда до высокой воды оставалось минут пятнадцать, я сменил на руле Троицкого и, прикинув время, дал полный газ и направил нос шлюпки с молчаливой застывшей фигурой прямо на середину открывшегося пролива. Мы учли все, что в нашем положении можно было учесть, и теперь нам предстояло убедиться в правильности наших оценок. Потом я увидел скалы Свартен в султанах бурунной пены, и теперь, кроме самого пролива, для меня уже ничего не существовало. Я пересел на самый транец, но это было не опаснее того, что ожидало нас в проливе, зато обзор по всем направлениям от этого только выиграл. Теперь я видел, как после удара о берег катятся отраженные волны и сталкиваясь, вздымают к небу свои белопенные гребни, красоту которых даже в нашем положении нельзя было не отметить.

Вот и сам пролив: узкая полоска свинцово-серой воды, зажатая в каменных обрывах с острыми угловатыми скалами посередине. Немного времени спустя мы увидели полосы сулоя, перекрывавших пролив целиком, там продолжали действовать приливно-отливные течения. Все здесь вызывало ощущение опасности, нараставшей вместе с течением. Отчетливо было видно, как прямо по курсу вставали острые мечущиеся гребни. Их нельзя было не узнать, клятые стоячие волны, бывшие по корпусу шлюпки со всех сторон, даже в днище, без направления, без жалости и без пощады. Оставалось только сосредоточиться и быть готовым к любой неожиданности. На полном ходу мы вошли в первую полосу сулоя и стоячих волн, смягчая их удары резкими поворотами руля. Я ощутил, как шлюпку подхватило мощным течением и поволокло вперед. Резкие броски следовали один за дру-

гим. Наше суденышко ныряло то носом, то кормой, и мне оставалось его только удерживать на курсе, выжимая из мотора все силы.

Очередная полоса волнения. Выбираю узкий проход там, где потише, и тут же чувствую, как уходим от течения. Полегчало... Краем глаза успеваю отметить, как слева по берегу в гриве опадающей пены уползают за корму острые черные гребни скал Свартен. Пронесло... Теперь совсем близко берег Мидтерхука, от него несется к нам отраженная волна. Разворачиваю к ней шлюпку кормой. Зеленоватый, весь в пузырьках пены вал пронесется с шипением под килем, креня наше суденышко на борт. Уже не опасно, но все-таки лучше отойти подальше от берега. А вот и последний ориентир в этой взбесившейся стихии — скала Эрта посреди пролива. Такой же рваный черный силуэт, укутанный в пену. Но волны там уже потише, океанская зыбь утихает, да и течению можно довериться, оно обходит скалу стороной. Еще не финал, но все идет по-нашему... Вот уже низкий песчаный мыс Мосенесет рядом, и вода вблизи него совсем тихая настолько, что не верится... Обогнули мыс, высадились на берег, не веря самим себе.

Сделали дело, теперь Свеагрува для нас не проблема, и мы не спеша можем обрабатывать горные ледники на севере Земли Натхорста, как еще одну деталь в общей мозаике оледенения Шпицбергена, в которой она займет отведенное ей место согласно концепции оледенения архипелага, которая с очередным маршрутом становится все надежнее. Тем более что границы питания на севере Земли Натхорста выше, чем на юге, не менее чем на сотню метров. Определенно постижение тайн оледенения Шпицбергена сопряжено с морскими приключениями, а Земля Натхорста, лишившись

покрова таинственности, переходит в разряд обыденности, отчего становится грустно.

Дальнейший вояж не доставил особых чрезвычайных трудностей, и достижение Свеагрувы отражено в моем дневнике следующими строками:

«21.08. 67. Свеагрува.

Только выгрузились, срок радиосвязи. Нас не слышали ни прошлый срок, ни сегодня, зато мы слышали товарища Зингера! Собирается спускаться с ледораздела Фритъоф — Гренфьорд и клянет нас, грешных, полагая пропавшими без вести! Неожиданно какие-то геологи сообщают ему, что видели нашу шлюпку, направлявшуюся в Свеагруву, причем с конкретным указанием на нас. Правда, Женя тут же отверг возможность такого варианта и, как мы поняли, собирается искать нас на “Тайфуне” в направлении Хорнсунна... Во дает!

Ласковая добрая Свеагрува и “наш” дом, такой же теплый, просторный и полный продуктов, как и два года назад. Устраиваемся, наедаемся, отсыпаемся и... стираемся. Поздно ночью двое мужиков в одних трусах, погружаясь в облака пара, предвкушают удовольствие сна в жилище в спальниках с чистыми вкладышами и в чистом белье! Разве это не удовольствие, которого мы были лишены столь продолжительное время? А за окном снег с дождем. Но что нам сейчас до него? Мы буквально опьянены свалившимся на нас комфортом и пытаемся погрузиться в него по уши и даже не думаем о завтра. Странно выглядим в зеркале: обросшие, небритые, цвет лица глина, похудевшие, но с блеском в глазах. Можем ли мы забыть тебя, о гостеприимная Свеагрува?

22. 08. 67. Хижина на мысе Блахукен.

Учитывая вчерашние события, проснулся поздно, но с учетом информации из эфира решил сбегать на мыс Бла-

хукен, благо до него что-то в пределах тридцати километров. Черт возьми, видели же нас откуда-то таинственные геологи? Неприятная дорога (в основном из-за ветра), одно удовольствие — легкий рюкзак. В итоге разочарование: никого и ничего.

23.08.67. Свеагрува.

Утром ветер сменился на восточный, с учетом предстоящего возвращения мордотык преследует меня. Уже только из-за этого не хочется покидать спальный мешок. И вдруг — гул вертолетов!..

Выскакиваю в чем был, максимально стараясь обратить на себя внимание. Машины одна за другой пошли на посадку. В Свеагруву везут двух геологов-палеоботаников, одновременно получив задание на попутный поиск пропавших без вести гляциологов, то есть нас. Не обратить внимание на фигуру в трусах и тельняшке, отплясывающую на пустынном арктическом побережье танец восторга, с высоты полета было невозможно. Двойная удача как для нас, так и для товарища Зингера! Какой там к черту мордотык, если я возвращаюсь в Свеагруву по воздуху? Итак, цель похода в Блахукен достигнута помимо моих усилий. Выясняется, что нас видели геологи-москвичи из отряда Соловьевой с высот Земли Натхорста, Женя и Вова в Баренцбурге. Леонид Сергеевич, удовлетворившись развитием ситуации, отправился на шлюпке в Рейндир-бухту к своим любимым моренам, оставив меня вводить гостей в курс дела, благо на Шпице они новички».

На последнее занятие я не потратил много времени, тем более что больше новостей из большого мира меня интересовала ситуация на ледниках восточнее большого шпицбергенского водораздела — на ледниках, стекающих

к Стур-фьорду, для чего пришлось заложить пятидесятикилометровый маршрут в одиночку.

«25.08.67. Долина Челлстрем.

Покинул Свеагруву во второй половине дня и на пути к долине Челлстрём носом к носу встретился с овцебыком. Космы шерсти, из которой вылезают нелепые овечьи ножки и тяжелая голова с горбатым носом и маленькими глазками. С километр прошли параллельным маршрутом на расстоянии в полсотне метров друг от друга. Остановился для короткого сна в хижине, не показанной на карте, при впадении долины-притока Линдстрем в большую долину Челлстрём. Месяц набирает силу, около полуночи нормальный золотистый блеск. Это приятно, ибо предвещает возвращение привычного порядка вещей и грядущее завершение полевого сезона.

26. 08. 67. На переходе в Свеагруву.

К водоразделу отправился пораньше по хорошей погоде с практически неограниченной видимостью, когда и воды в речке поменьше, да и подмерзший грунт лучше держит подошву. Высоты сапог при переходе через речку едва хватило, но я постарался выбрать место получше для возвращения. На водораздел добрался часа за три, придерживаясь морены ледника Эдвард, откуда зафиксировал положение границ питания на серии ледников в бассейне Стур-фьорда, близкое к тому, что год назад наблюдали с воздуха в полете по системе ледников Паула-Стронг в диапазоне от 500 до 200 метров. Солидное пополнение нашей концепции, весьма...

Родное Баренцево море синее-синее, с россыпью зеленых айсбергов, словно брошенных на сапфировую гладь. Синий Стур-фьорд, синие очертания острова Эдж

с подсиненными ледниками и молчаливыми айсбергами. Молчание Арктики, глубокое и многозначительное, что она хочет этим сказать?

У меня-то под щедрыми лучами солнца все вокруг блестит и сверкает, тогда как Троицкий скитается среди мрачных нагромождений морен, которые ничего не выигрывают от яркого солнечного света, скорее наоборот. На обратном пути решил продолжить съемку границ питания через долину Рейн, но этот маршрут требуется согласовать с Леонидом Сергеевичем.

27.08.67. Свеагрува.

Основательно вымотавшись, пришел к желанному жилью после полуночи, на подходе был приятно удивлен дымком, струившимся из трубы. В холле ленинградцы приходят в себя после спуска с окрестных гребней, откуда они доставили на собственном горбу плиты песчаника с отпечатками третичной флоры. Еще раз убедился, как в нашем шлюпочном маршруте я стосковался по людям. Несмотря на усталость, разговоры до утра, а затем провал в сон, погружаясь в который отметил усиление ветра снаружи. Сквозь сон я ощутил присутствие еще одного человека — вернулся Леонид Сергеевич. Пробудившись, все вместе стряпаем, ленинградцы разбирают свои сборы и готовятся к очередному маршруту. Согласовал свой поход по долине Рейна с планами Троицкого.

28.08.67. Свеагрува.

Вот уже неделя, как мы базируемся здесь, причем три дня и две ночевки я провел в иных местах. Из-за волнения Троицкий отложил свой переход к устью Рейна. Запаковываем образцы, готовимся к маршруту, написал письмо, которое намерен отправить в Москву с ленинградцами. Около

20 часов все отправились по берегу на запад, а я сутки спустя надеюсь выступить к верховьям долины Рейна.

Мне вновь предстоит трое суток маршрутного одиночества. Я готов, но все-таки грустно, а временами даже тоскливо, дают себя знать перегрузки нашего шлюпочного маршрута. Кажется, последнее время я хуже переношу свое одиночество».

Большой пробег по долине Рейна (это название дал здешней речке сам Норденшельд, поскольку она напоминала долину Рейна в Германии) прошел совсем иначе, чем планировалось. Главное, получена очередная порция границ питания в области горного оледенения, а в завершение маршрута я встретил Троицкого в намеченной для этого хижине, которую только однажды мы видели с вертолета.

Из долины Челлстрем я перешел в верховья долины Рейн по узкой долине Линдстрем, порой напоминавшей ущелье, с обоих бортов которой навстречу друг другу спускались небольшие горные леднички, каких здесь немало, подавляющее большинство которых отступало. Поэтому упереться в наступающий ледник, причем в стадии подвижки, с характерным трещиноватым выпуклым языком, для меня было полной неожиданностью. Правда, в прошлом году, возвращаясь на вертолете из бухты Агард в долину Сассен, мы наблюдали наступающие ледники, но, по опыту всех наших сезонов, это достаточно редкое явление на Шпицбергене на фоне происходящего отступления. Теория этого явления (не зависящая от вещественного баланса ледника) находится лишь в начальной стадии разработки, тем любопытней. Пока наблюдений такого рода просто недостаточно, чтобы делать какие-то выводы, но брать на заметку надо...

Прошел еще несколько километров и также в состоянии полной неожиданности вдруг увидал палатку КАПШ

с трубой, из которой валил синеватый дымок: наши геологи! Воистину, подарок судьбы... Долину Рейна я намеревался одолеть с двумя ночевками, но теперь, с задержкой в отряде Анатолия Панова из Института геологии Арктики, решил одолеть ее за один переход. Общаясь, не забывал о деле, привязал концы нескольких ближайших ледников (благо они рядом), определив высоту границы их питания на 600 и более метров. В компании ленинградцев за разговорами и другими видами общения провел практически двое суток. В отличие от нас, геологи перешли от маршрутной съемки к созданию геологической карты системой звездных экскурсий из полевых лагерей, расположенных по определенной системе, позволяющей покрыть интересные районы целиком. Ребята с хорошим полярным опытом практически закончили полевой сезон, приступив к обработке материалов. Теперь ждут вертолета, который, по плану, должен их вывезти в ближайшие дни. Набрался сил и вдоволь получил удовольствие от смены обстановки. В последний день августа пораньше вышел на встречу с Троицким.

«На исходе дня 31.08.67. Хижина Плуто.

Ночью ясно, но перистые (“Показались цирюсы, дыбом встали волосья”, припомнил я присказку старых полевиков), попутный ветерок в спину. Оставил излишек продуктов, выслушал пожелания удачи, в том числе почаще встречать подобные стоянки, распрощался — и ходу, благо впереди не менее сорока километров...

...Вокруг не менее десятка крупных ледников и, видимо, вдвое больше мелких. При солнечном освещении напоминают театральную декорацию. Поначалу долина Рейна достаточно узкая, но все время на виду ледник Кок по северному борту, расположенный на полпути. Жалко, что

нас не хватило на снегосъемки по этой долине, поскольку все признаки питающих осадков с юга, большая часть ледников по южному борту. Шел ритмично, отдыхая каждые пять километров. Решил ограничиться попутной съемкой границ питания ледников, которые оставались в пределах около 600 м. Даже с учетом личных ошибок (они присутствуют теоретически всегда) разница по сравнению с тем, что я наблюдал с главного водораздела четверо суток назад, очевидна... Картина в целом понятная, и, главное, в ней совпадают как положение ледников, так и высоты границ питания вместе с результатами снегосъемок, что не может быть случайностью.

Постепенно эта шикарная долина расширяется, морены ледников отодвигаются, и по берегам речек появляется зеленая травка. Шагаю по полосе галечников... Довольно оживленно, повсюду стада оленей. Постепенно портится погода (вот оно — показались цирусья накануне), сильнее ветер, уплотняются тучи, затягивая небосвод... Из-за ветра труднее отдыхать — пронизывает... Трудный выход на домик, поскольку он расположен за древним береговым валом... Это заставило понервничать, тем более что пошли топкие места, первый заряд дождя ударил, когда я к полуночи поднялся на вал и увидел домик буквально в сотне метров.

01.09. 67. Там же.

Троицкого увидел, когда он бросился спасать от дождя свои ботфорты, вывешенные для просушки. После ужина спал мертвецки, слыша, как дождь нещадно хлещет снаружи. Утром убедился: щедрый, теплый, все еще летний, вовремя я вчера успел. Около полудня закончился, и Леня отправился на свои морены. В его отсутствие я сушился, отдыхал, приходил в себя.

Два события. Первое: нас проверил вертолет, вывозивший геологов. Убедились, что я благополучно добрался, как наметил. На этот раз все общение, пронесли над нами как тени, и чьи-то лица в иллюминаторах, и все... Второе: под домиком живет песец, которого мне пришлось вырывать. В поисках съестного так засунул голову в консервную банку, что мог задохнуться.

К ночи ухудшение погоды, тучи, резкий шквалистый ветер, Леня возвратился очень вовремя. Впервые около полуночи зажгли свечу для освещения».

Все последующие события, вплоть до 7 сентября, когда мы вернулись пешком в Баренцбург, связаны с завершением полевого сезона, который дался непросто. Свой третий, в полном смысле решающий, полевой сезон на Шпицбергене мы заканчивали в бухте Фритьофхамна у фронта ледника Фритьоф, образованной моренами этого ледника, создавшими достаточно надежное укрытие для нашей шлюпки. Определенно лето заканчивалось, и пространство тундры на Берегу Норденшельда с каждым днем все больше напоминало нам об этом поблекшими красками под хмурым сумрачным небом. Связи у по радио у нас по-прежнему не было, и мы могли лишь рассчитывать на конкретную дату, о которой сообщили из лагеря геологов в последних числах августа. Правда, при благоприятной погоде мы рассчитывали, не дожидаясь назначенного времени, рвануть в Баренцбург самостоятельно на нашей шлюпке в обход Земли Норденшельда с запада, с риском оказаться под ударами волнения с запада с открытого моря примерно на семидесятикилометровом участке скалистого побережья. По собственному опыту мы представляли, что это такое, и подобный заключительный марш-бросок мог состояться лишь в условиях

достаточно устойчивой благоприятной погоды. Дни шли за днями, а она никак не наступала, и из нашего укрытия нам только и оставалось, что изучать систему сулоев в проливе Аксель, с явлением которого мы познакомились две недели назад в проливе Мария.

День за днем мы наблюдали, как сплошные вспененные гребни яростно бились в узкой полосе прилива. С каждым днем наше терпение иссякало и иссякало. Самостоятельное возвращение в Баренцбург под собственным флагом собственными силами: красивый финал, который был оправдан лишь в условиях установившейся приличной погоды, которой, однако, не было. Не было — и все тут... А потом в проливе Аксель (который также предстояло форсировать на шлюпе) произошло событие, отбившее у нас охоту к приключениям.

По таблицам приливов-отливов время высокой воды миновало, и вода из обширного Ван-Миен-фьорда начала бурным потоком изливаться в Гренландское море, в чем мы легко убедились с нашего наблюдательного пункта на ближайших моренных холмах. Вместе с потоком в пролив довольно лихо вошел небольшой айсберг. Поколебавшись, словно раздумывая, что предпринять, он вдруг описал странный пируэт, а затем, вздымая белый бурун, устремился обратно навстречу течению. Мы конечно знали, что теоретически существуют еще и противотечения на глубине, но наблюдать подобное явление, противоречившее здравому смыслу, в нашем положении было, как говорится, уже слишком! Тем более что дальше последовал заключительный финал: айсберг по какой-то прихоти неизвестных нам сил стал крутиться на одном месте, потом странно вздрогнул и стал разваливаться на куски. Это была демонстрация таких сил, которым мы не могли противостоять...

Ждать, ждать и снова ждать — все, что нам оставалось. В разговорах мы пытались подвести итоги всех трех полевых сезонов. Так или иначе, в трех ледниковых районах проведены полустационарные исследования, причем в системе природных взаимосвязей, выявленных результатами съемок снегонакопления и границ питания ледников, то, чего не было до наших исследований. Как не были использованы в должной мере карты и аэрофотосъемка, показавшая, каким образом здешние ледники превращаются в полупокров, характерный для Шпицбергена, что нашло отражение в классификации новых форм ледников. Точно так же (в значительной мере благодаря картам, полученным из Норвежского полярного института) наши сведения на порядок превышают сведения Х.В. Альмана, причем на принципиально новой основе, позволяющей оценивать поведение ледников разных типов. Наконец, Троицкий доказал наличие принципиально новых связей между современным и древним оледенением архипелага, причем оба мы считаем современное оледенение молодым, с возрастом всего в несколько тысяч лет. Определенно, как поется в бардовской песне, «не зря топтали мы подметки», даже если наши достижения устраивают не всех наших коллег. Однако окружающая реальность заставила нас уже в ближайшие дни вернуться к проблеме завершения полевого сезона.

Дождавшись назначенного дня, мы уложили рюкзаки и перешли пешком в бухту Ван-Мюйден, где была назначена встреча с судном. Результаты наблюдений, карты и дневники, завернутые в шлюпочный флаг, лежали в большом нагрудном кармане моего анорака.

За ночь снег на склонах ближайших гор опустился совсем низко, почти до уровня приморской равнины. Зима явно

наступала нам на пятки, упорно и неотвратно. Прошмыгнул песец в беленькой шубке, да и олени явно переходят на зимний наряд: все одно к одному. Природа суровее в глазах. Там, где равнина встречается с морем, время от времени возникают огромные белые заплески, но так далеко от нас, что мы не слышим гула разъяренного моря вдали от нашей спокойной бухты. Картина одновременно суровая и фантастическая. Час за часом мы обшариваем биноклями пустынный горизонт. Никаких признаков судна, шторм усиливается, и, изменись немного ветер, нас уже не смогут забрать с берега. Дождь со снегом неумолимо набирает силу, и в нашем положении пора принимать решение на последний маршрут сезона, даже если он будет холостым, без наблюдений...

Дикие вопли ветра в скалах, клубы дождя со снегом, видимые даже в ночи, белый от снега силуэт напарника, месиво размокших сухарей в кармане пополам с табаком, ледяные берега озера Конгресс с тысячами маленьких радуг от ледяной пыли, подхваченной ветром, и, наконец, резкий голос далекой воздуходувки возвестил нам о возвращении к людям, которым нам предстояло объяснить, каким образом спустя столетие наследие Норденшельда на основе нашей концепции обрело новую жизнь в системе природных явлений Арктики, на страницах очередной научной монографии, сменив на время прелести полевой жизни на комфорт научных кабинетов.

Можно было считать, что после полевого сезона 1967 года мы получили высшее полярное образование, даже если оно не было оформлено соответствующим дипломом, который заменила очередная монография «Оледенение Шпицбергена. (Свальбарда)», увидевшая свет в 1975 году, в которой мне

довелось выступить автором концепции, объединившей усилия специалистов разных направлений. Но когда вскоре возникла возможность поиска природных взаимосвязей по всем описанным выше архипелагам, это потребовало создания новой концепции более высокого уровня, уже не требовавшей многих лет интенсивных полевых исследований, как это было описано ниже. Правда, однажды мой опыт и знание понадобились в тех местах, где начиналась моя деятельность в Арктике. Против перспективы возвращения в молодость я не мог устоять.

Вместо заключения ВОЗВРАЩЕНИЕ В РУССКУЮ ГАВАНЬ

Уже мен не излечить
От той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
Уже мен не разлучить
До тех снегов, где вам уже
Моих следов не различить.
Ю. Левитанский

В очередном полевом сезоне 1988 года геологи-ленинградцы пригласили меня на Новую Землю, чтобы помочь им разобраться с ледниками применительно к геологии. Рассчитывать на возможность самостоятельных наблюдений не приходилось, но со мной были американские космоснимки «Ландсата», да и возможности судового радиолокатора, с которым я много работал на Шпицбергене, позволяли надеяться, что «прежние опыты ваши будут вас руководствовать более, нежели что по сему поводу предположить можно», как мудрое начальство однажды напутствовало одного из наших замечательных предшественников. Пропустив все перечисленное через свое сознание, я однажды услышал рев беспощадной новоземельской боры, раскатистый гул обвалов от нарождающихся айсбергов, тревожный перезвон ледяных

обломков с приближением взбесившейся волны, и моя душа сжалась в поисках убежища в самых отдаленных уголках беззащитного тела, а потом распрямилась и приказала — вперед! Неужели я снова прикоснусь к нашей яростной и отчаянной молодости, к потерям и обретениям тех лет, когда мы верили в себя и считали, что все нам по плечу? Это не считая возможности получить новую природную информацию, до которой другие доберутся через десятки лет... Отказаться от такого шанса я определенно не мог.

Полтора века назад один из самых маститых исследователей Новой Земли академик Карл Бэр утверждал: «Новая Земля есть настоящая страна свободы, где каждый может действовать и жить как захочет». С тех пор многое на этом отдаленном полярном архипелаге изменилось, но, к счастью, не отразилось на работе отряда геологов под водительством горного инженера В.Ф. Ильина, в котором мне повезло работать.

В плавании вдоль западного побережья Новой Земли общий душевный настрой передают страницы дневника: «Тепло, волнение от силы один-два балла. До чего же приятно гулять на полуоте, наслаждаясь созерцанием моря, хорошей погодой, ловить кайф, такой недолгий на полярной службе». Не только собственные воспоминания, но и вся история исследований Новой Земли словно разворачивалась перед глазами, по мере того как в поле зрения возникал очередной участок побережья. И какие примеры научного поиска и просто личного мужества записаны на страницах здешней лоции, умей только прочитать ее! Оставим, однако, эти примеры для более конкретных мест, с которыми читателю предстоит встретиться. А пока Новая Земля прикинулась обольстительной и послушной кралей, рассчитывая усыпить нашу бдительность. Однако люди на борту нашего судна по

такому поводу не испытывали иллюзий. В меру предаваясь лени и праздности на переходе, мы уже знали, что выпавшее на нашу долю удовольствие не будет продолжительным.

У мыса Сахарова мы делаем поворот вправо, чтобы войти в залив Легдзина, и я получаю первый неожиданный подарок: общий фронт ледников Мака и Вёлькена, каким он изображен на космоснимках «Ландсата» 1973 года, за истекшие пятнадцать лет распался, и оба независимых ледника образуют свои обособленные фронтальные обрывы, разделенные массивным нунатаком, выходом коренных пород. Ситуация с ледниками Мака и Вёлькена выглядит счастливым предзнаменованием, обещающим успех в этом полевом сезоне.

Спускаем грузовой стрелой наши дюралевые лодочки (в просторечье — дюральки) с моторами прямо в лазурную воду за бортом, кишашую разноцветными медузами и всплывшими водорослями-фукусами (признак устойчивой хорошей погоды), и грузим «бутер» (экспедиционное снаряжение и прочее полевое добро, на полевом сленге ленинградцев) по самое некуда. Отваливаем от борта, я возвращаюсь на Новую Землю с надеждой ничуть не меньше, чем тридцать лет назад, хотя и постаревшим на указанный срок. Впрочем, размышления о бренности жизни совсем несвоевременны, когда галька шуршит под днищем нашего плавсредства, рюкзак плотно придавил спину, а до долгожданного берега остаются считанные метры. Поправляю ремень карабина на шее и переваливаюсь через борт, стараясь поскорее нащупать подошвами сапог дно. Вцепившись в первые попавшиеся на дюральке вещи, хватаю их и устремляюсь к берегу, рискуя залить свои резиновые ботфорты. Здравствуй, Новая Земля, вот я и вернулся!

Первое дело на берегу «табориться» (все на том же полевом сленге), причем с учетом здешней бory. Считается,

что летом бора менее свирепствует, чем в зимнее время, но тем не менее не учитывать ее нельзя. Поэтому, во-первых, наши палатки мы ставим на прочных деревянных каркасах, а во-вторых, по одной линии торцом навстречу боре. За последней палаткой я ставлю свою серебрянку, прикрытую сверху тентом на случай дождя, поскольку временами страдаю бессоницей, которую я скрашиваю чтением, а то и кружкой-другой чая, сваренного на альпинистском примусе, тем самым проявляя наклонности индивидуалиста в стремлении не доставлять забот остальным.

В своих палатках геологи устраиваются основательно, с чугунной печкой (благо топлива в виде плавника на берегу достаточно), раскладным дачным столиком в центре и такими же койками. Эту обстановку дополняют выючные ящики, непременно принадлежность экспедиций тех лет, кухонная утварь, провизионные мешки и ведра. Это не только жилое, скорее рабочее помещение, поскольку используется одновременно и для обработки полевых наблюдений, а то и разборки коллекций. Из перечисленного в моей палатке — лишь пара выючных ящиков, частично опустошенный рюкзак, примусок, на крышке выючного ящика туалетные принадлежности. Ложем мне служит пластиковая водоотталкивающая подстилка, в сочетании с двойным спальным мешком на гагачьем пуху образующая вполне уютную постель. Вполне надежный комфорт для полевика в привычной среде обитания с шумом моря, ветра, криками чаек и другой не испорченной человеком натурой, которая начинается тут же за брезентом палатки.

Трое геологов вместе с рабочим Владимиром Ильичом Градусовым во главе с Ильиным заняли главную большую палатку, еще одна предназначена для единственной дамы —

палеонтолога Риммы Федоровны Соболевской, которая является специалистом по самым древним организмам, граптолитам, с возрастом что-то около 600 миллионов лет.

Только устроились, непредвиденный посетитель: белый медведь задумчиво поводит длинной шеей, с удивлением уставясь на жилье непрошенных гостей, по-своему оценивая шансы по части перекусить. В ответ на такую наглость техник Алексей Поляков выпалил в воздух из нагана, остальные дружно заорали и, словно корову из огорода, выпроводили незадачливого визитера. Римма Федоровна незамедлительно потребовала дополнительного оборудования для своей одинокой палатки. Ее жилище окружили стеной из пустых ящиков, стянутых веревкой. Предполагалось, что подобное сооружение под натиском мишки, рухнув, разбудит то ли Римму Федоровну, то ли обитателей остальных палаток, то ли напугает властелина Арктики...

После сна и солидного завтрака часть нашего отряда продолжает заниматься лагерем, другие под руководством Риммы Федоровны принялись отлавливать граптолитов всех видов, Владимир Федорович отдал мне Алексея Полякова для рекогносцировки на соседних ледниках. За четыре маршрутных дня впечатлений больше, чем результатов, но и они по-своему показательны.

Несмотря на грозный вид, наши ближайшие соседи на востоке (ледник Велькена) и западе (ледник Рыкачева) оказались вполне доступными и проходимыми, хотя со времен МГТ я многое забыл о новоземельских ледниках, они совсем другие, чем ставшие привычными шпицбергенские. Здешние гораздо больше по площади, их зоны трещин обширнее, а фронтальные обрывы выше, с точки зрения преодоления они требуют более серьезного отношения. Много снежных

болот, и, что особенно неприятно, граница питания здесь располагается совсем низко, чуть ли не на полкилометра ниже, чем на достопамятном леднике Шокальского. Это означает, что большинство трещин скрыто фирном и снегом, превращаясь, таким образом, в капканы и западни для неосторожного маршрутника. Хорошо, что погода пока не меняется.

Мой новый напарник абсолютно надежен, дисциплинирован и, что важно в наших условиях, оптимист по натуре с повышенной коммуникабельностью. Однако даже в этом есть свой минус. Уже много полевых сезонов он работает с Ильиным, и совершенно ясно, что на будущее мне его не дадут. Разумеется, какая-то оценка моих полевых качеств также выставлена, но спрашивать об этом среди нашего брата не принято: или сочтут, или не сочтут со всеми вытекающими последствиями. Маршруты показали, что медведи здесь не редкость. Нарвались с Алексеем на очередного в километрах пяти от лагеря. Зверь в грязной летней шубе пересек наш путь в метрах двухстах от нас, затем принялся что-то разгребать в куче морских водорослей чуть в стороне от нашего пути. Привели в боевую готовность наган, фальшфейеры и ракетницу и, не меняя направления, прошествовали в полусотне метров от мишки с выражением на лицах: подумаешь, чего мы там не видали. Мишка все так и понял. Всем своим видом он показал: шляются тут всякие, просто связываться неохота, — продолжая терзать что-то посреди нагромождений гальки пополам с морской капустой. Таким образом, обе стороны соблюли правила расхождения ко взаимному удовлетворению. Возможно, это тот самый нахал, поздравивший нас по случаю высадки в заливе Легдзина.

Пока достижений минимум миниморум: несколько отметок по анероиду. Знакомство с ситуацией на тех участ-

ках, где ледник отступил, лишний раз убедило в низком положении границы питания. Последнее, строго говоря, не новость, поскольку она именно так и показана уже на опубликованной карте П.А. Шумского, которая в свое время вызвала удивление — чересчур низко, но почему? Возможно потому, что здешние ледники буквально упираются в зону арктического фронта, того самого, с которым я познакомился вплотную в октябре—ноябре 1956 года, оставившего незабываемые впечатления. Похоже, влагонесущие потоки на Новой Земле с юго-запада и северо-запада стыкуются где-то в районе ледника Шокальского, где граница питания наивысшая, исключая, возможно, юг Новой Земли.

Одновременно вникаю в седовскую карту, у которой есть существенный недостаток — она не завершена. Возможно, поэтому на ней отсутствуют оба ледника Мака и Велькена, и теперь уже не спросишь давно погибшего исследователя, почему? А соседний ледник Воейкова — на месте. Ясно, что на окрестности нашего полевого лагеря она недостаточно информативна.

Придется ее проверять и проверять на других участках побережья. Погода остается в высшей степени приличной, давление аж 760 миллиметров, но с запада идут обильные цирусы (перистые облака), те самые, о которых старые полевики сложили присказку: показались цирусья, дыбом встали волосья. Хочется надеяться, что на Новой Земле, где пугалом выступает здешняя бора, этот прогнозный признак не действует.

Тем временем ситуация резко изменилась с прибытием судна, на котором нам втроем — мне, Алексею и геологу Жене Платонову — предстояло отплыть на полярную станцию Мыс Желания, чтобы забрать пустые бочки из-под

горючего. Дел-то всего на сутки, но неожиданно наше предприятие затянулось, причем при отсутствии связи с базовым лагерем в заливе Легдзина.

Настало время рассказать о нашем судне под названием «Петр Хмельницкий», приписанном к порту Нарьян-Мар, постройки 1959 года на верфях Штральзунда в Восточной Германии. По архитектуре типичный логгер, немало потрудившийся на лове рыбы в Северной Атлантике, одном из самых штормовых районов Мирового океана. Когда судно состарилось, его приспособили для малого каботажа при обеспечении перевозок у побережья, в частности, снабжения экспедиций. Осадка до 3,5 м, что важно иметь в виду при высадках на берег. Высоко поднятый бак при надстройке, сдвинутой ближе к корме, позволяет хорошо держаться на волне. В экипаже много ребят, о которых говорят: рыбак — трижды моряк, но, судя по отдельным признакам, экипаж пока не сплавался. Так далеко на север это судно забралось впервые, поэтому вид побережья с ледниками вызывает у моряков должное почтение, которое распространяется и на нас, так что на судне нам обеспечен хороший прием. Наши каюты, похоже, ниже ватерлинии, поскольку иллюминаторы отсутствуют. Свежего воздуха и ветра достаточно на побережье, тогда как на судне больше ценишь тепло и отсутствие сырости, когда промокшую робу или отсыревшие портянки всегда можно высушить на калорифере. Комфорт, да и только, даже если со мной не согласятся обитатели столиц, у которых свои понятия по этой части.

Пытаюсь на ходу работать с локатором, но вскоре убеждаюсь, что из этого ничего не получится. Первое знакомство с ледниками на экране радиолокатора или постижение особенностей радиолокационной съемки фронтов ледников во

многим зависит от характера изображения на экране, постижение которого напоминает дешифрирование аэрофотоснимка, но должно проводиться в гораздо более короткие сроки, в идеале в считанные минуты. Разумеется, карта под рукой, но за годы упражнений с ней многие детали я держу, что называется, в голове, что облегчает мне работу. И тем не менее главный итог плавания к мысу Желания: работать на будущее придется с дрейфующего судна, причем возможные ошибки за дрейф придется гасить ускоренным темпом в работе, чему способствует обстановка в ходовой рубке.

Все дела здесь вершат вахтенный штурман и единственный матрос. Никакого традиционного штурвала, управление чисто кнопочное: красная кнопка — поворот влево, зеленая — вправо, белая — включение гирорулевого. До сих пор не могу привыкнуть к отсутствию рулевого при включенной белой кнопке, что свидетельствует о моем отставании от темпов прогресса в мореплавании на исходе XX века. Перед вахтенным штурманом — репетир гирокомпаса, по которому он выдерживает курс. Как дань прошлому этот же курс по старинке написан мелом на обычной школьной доске у него перед глазами.

Экран локатора спрятан от дневного света в огромный резиновый тубус, куда надо погрузить лицо почти по уши, чтобы лучше видеть изображение берега. Ходовая рубка наполнена целой симфонией ненавязчивых звуков: временами попискивает гирокомпас, неожиданно стрекочет, причем с каким-то странным лязгом, включенный эхолот, по-своему фонит локатор, с которым я работаю, благо вахтенный штурман в условиях хорошей видимости пользуется им мало. Над всем властвуют редкие, и поэтому особенно внушительные, требовательные звонки машинного телеграфа.

Локатор локатором, но, им, оказывается, еще предстоит научиться правильно пользоваться. Например, изображение участка побережья определенно зависит от положения судна относительно него. Каким-то образом сказывается трещиноватость ледника на четкости «картинки» на экране, характеру изображения могут помешать выступающие в море боковые морены и т.д. Плохо получаются на экране фронты ледников в глубине узких и длинных заливов, видимо из-за многочисленных помех при отражении импульса от высоких скальных берегов. Зато при удачном сочетании благоприятных факторов результат, что называется, налицо. Мне предстоит состыковать прошлое (например, карту Седова) с современностью, тем же локатором, что непросто. Очевидно, карту Седова надо использовать по мере возможности, где достаточно общих ориентиров с современной картой, чтобы получить для тех же ледников общую картину изменений.

В первую очередь это относится к Ледяным мысам, Большому и Малому, как их выделяли наши предшественники. При этом положение конца Большого Ледяного мыса по Баренцу надежно определяется по крайней мере тремя характеристиками: широтой в 77° с.ш., расстоянием в 30 миль от Оранских островов и, наконец, положением на оси современного ледника Петерсена, каковым этот мыс был в прошлом. Можно, конечно, удивиться, что этот мыс выдавался на 12 км за современную береговую черту, но приведенные данные оспорить практически невозможно. Но и это не все, есть еще одна мера контроля: смена курса судов Баренца при обходе Большого Ледяного мыса, чтобы войти в залив Красивый. В современных условиях такой маневр выполнить невозможно. Стоило появиться в этих

водах, чтобы убедиться в возможности подобного заключения, но обязательно с книгами-отчетами первопроходцев, большинству последователей которых было по разным причинам как-то недосуг выполнить эту работу.

Кстати, именно по Большому Ледяному мысу выдал свой прогноз В.А. Русанов, оправдавшийся уже в наше время: «При продолжительном уменьшении осадков и при повышении температуры когда-нибудь этот Ледяной мыс превратится в Ледяной залив». Чтобы убедиться в этом, достаточно на судне оказаться на траверсе современного ледника Петерсена, как это и видно с палубы нашего «Хмельницкого».

Картина побережья у северных пределов архипелага за бывшим заливом Красивый непривычная: ни гор, ни ледников. Низкое побережье постепенно повышается в глубь суши по направлению к Северной Ледниковой шапке, очертания которой на этот раз скрыты низкой облачностью. Общее впечатление от здешнего ландшафта: какая-то особенная, давящая своей безжизненностью пустынная монотонность, созерцание которой вызывает ощущение тяжести на душе. Почему-то ждешь, что природа отметит самый северный пункт архипелага достойным образом, а она, убрав великолепный ориентир, единственный в своем роде, каким был Большой Ледяной мыс, вместо него учредила в качестве такового ничем не примечательный мыс Карлсена, просто выступ побережья, также лишенный типичных признаков, но зато самый северный. Правда, в качестве дополнительного, второстепенного ориентира поблизости она бросила в море горсть Оранских островов, которые помогают сориентироваться на подходе к мысу Желания с запада. Вот мы пересекли меридиан мыса Карлсена, а картина побережья практически не изменилась.

Поднялись на верхнюю палубу, чтобы приготовиться к высадке на берег с западной стороны мыса, убедившись в наличии подходящего места и в отсутствии наката. Для моих спутников Платонова и Полякова эти места знакомы по прошлому году, они и приняли решение высаживаться на низменном перешейке против построек полярной станции, не дожидаясь, пока судно обогнет мыс Желания мористей или голомя, как сказали бы поморы былых веков. Однако вблизи берега мы убедились, что зыбь создает небольшой, но неприятный накат, отмеченный полосой белой пены, и решили обходить этот примечательный во всех отношениях мыс также «голомя», прижимаясь к берегу и тем самым обгоняя судно на нашей дюральке.

Поморы называли этот мыс Доходы, по объяснению архангельского историка XVIII века члена-корреспондента Петербургской академии наук В.В. Крестинина, поскольку «далее сего носа... промышленники в Карское море за промыслом морских зверей далее не ездят». Убедился, насколько точен в своем описании Г.Я. Седов: «Мыс Желания кажется в виде обрывистого острова, так как он отделен от берега только низким перешейком». Для меня зрительно картина восстановилась как только мы обогнули мыс и оказались в бухте Поспелова, в которой «Зоя Космодемьянская» стояла на якоре в сумерках наступившей полярной ночи на исходе октября 1956 года, когда мы впервые ощутили (но еще не познали), почем фунт полярного лиха, хотя далеко не полной мерой. Узнаю и береговые обрыва с деревянным маяком над ним, и строения полярки в глубине бухты, неподалеку от которых мы высадились.

Тут-то и начались наши приключения, в которых мы потеряли несколько дней и едва не довели до инфаркта

начальника нашего отряда, для которого на тот же срок мы в полной мере пропали без вести, поскольку радиосвязи с ним мы не имели. В тот момент, когда наша дюралька уткнулась в галечниковый пляж и мы обменялись первыми приветствиями с пришедшими нас встречать зимовщиками, «Хмельницкий» с буруном у форштевня как-то слишком резко направился к полярной станции, что привлекло внимание встречающих.

— Да он шибко прет к каменной банке, — вдруг заявил кто-то из полярников.

Мы дружно заорали и всевозможным прыжками и знаками постарались привлечь к себе внимание вахты, демонстрируя скрещенными рукам запретительный знак, но не тут-то было! Судно продолжало свой бег, не сбавляя хода. Этот бег завершился каким-то странным рывком и выбросом клубов дыма из короткой трубы. Когда мы пришли в себя от происходившего, то обнаружили, что корпус судна, неподвижно застывший на водной глади, несколько приподнялся, причем с отчетливым креном. Нам оставалось только срочно вернуться на судно, чтобы предложить свои услуги, в которых никто заведомо не нуждался. Правила хорошего экспедиционного тона помешали нам задать естественный вопрос: «Как вам это удалось, ребята?» Правда, капитан нас заверил, что мы снимемся с первым приливом, в чем у нас возникли сомнения, поскольку это непредвиденное событие произошло в высокую воду. Нам оставалось только приняться за погрузку «затоваренной бочкотары», чтобы скрасить моральный урон от постигшего нас бедствия, оставаясь на положении беспомощных зрителей. Тем более что доставка на палубу неподвижного «Хмельницкого» полусотни пустых бочек не заняла слишком много времени, как и выгрузка

горючего для полярки. Хорошо, что сухо и в трюмах, и в льялах, что свидетельствует об отсутствии повреждений корпуса. Записи из дневника лишь в небольшой степени отражают безотрадность событий тех дней.

«11.08.88. Туман, ветер, морось, часто не видно берега. На казанке завозят якорь, а затем подтягиваются к нему, работая брашпилем. Отчетливые толчки, скрежет, порой какие-то неожиданные броски. Без осязательного результата... С палубы видно дно, легко различается его поверхность: скала с присыпкой из гальки и валунов, якорю уцепиться не за что. Желтые пропиленовые концы, плавающие на воде, поначалу воспринимаются необычно, тем более подобное вижу впервые.

12.08.88. Продолжаем заводить якорь, и уже успех: развернули корпус на 120°, корма явно на плаву. Погода тоже за нас, разъяснило, с берега отжимной ветер. По горизонту порой ледяные поля. Наконец-то около 22 часов стащили с камней и нос. Приятно ощущать, как покачивается палуба под ногами... Судно готовят к переходу, пора, засиделись в полном смысле этого слова. Подобное, и так наглядно, впервые в моей морской практике».

В начале следующих суток мы наконец расстались с него-степриимным мысом Желания и где-то за Оранскими островами оказались в плотном тумане. Вдобавок стал встречаться битый лед вперемешку с айсбергами, так что судно стало то и дело менять курс, чтобы избежать ненужных встреч, полагаясь только на локатор. Похоже, из залива Иностранцева происходит очередное извержение айсбергов. Нечто подобное я уже видел на аэросъемке и снимках из космоса, когда прибрежное течение растаскивает их в прибрежной полосе наподобие гигантского факела. При отсутствии видимости

все происходящее воспринимается словно в глубокой тайне и вместе с тем в высшей степени настолько реально, что требует особого непрерывного внимания. Почти по Киплингу: «малым вперед, как вел их лот, солнце в тумане все дни»... И времена, и техника другие, а ситуации остаются, и надо суметь найти выход из них.

Едва ли даже такой бывалый моряк, как Баренц, решился бы в такой ситуации продолжать плавание. Эта мысль возникла не случайно: где-то в этих местах он умер при возвращении со своей зимовки в Ледяной Гавани, проделав лишь первую сотню миль предстоящего пути. У меня нет сомнений в достоинствах капитана Якоба Гемскерка, но Баренца в экипаже еще и любили, а дожидаться подобного среди забубенных головушек, какими были моряки XVI века, могла только незаурядная личность. Совсем не случайно его имя было особо выделено в тексте послания, оставленного на месте зимовки, помимо эпитетов в книге Де Фера типа «мудрый и опытный штурман» или суждения историка полярных исследований Ф. Гельвальда о том, что «Баренц был душой всего предприятия и фактическое руководство находилось в его в его руках». Мне жаль, что с карт исчезло название бывшего Мурманского моря, но, к счастью, оно досталось достойному человеку. В контексте исторических событий, похоже, голландцам повезло, всего в этом плавании и последующей зимовке они потеряли только пять человек из семнадцати. Возможно потому, что использовали пиво на хвойном сусле, обогащенное витамином С, предохраняющим от цинги. В любом случае Баренц оказался таким руководителем, что его руководство продолжало действовать после его смерти и в конечном итоге спасло большинство людей, доверившихся ему.

К лагерю на мысе Сахарова мы вернулись в первой половине дня 13 августа и, наученные горьким опытом, стали подалее от берега. Тут же бросаюсь к локатору, чтобы «привязать» фронты ледников Велькена и Мака. Судно слегка «водит» на якоре, но это уже мелочи после всех испытанных рабочих ситуаций. Тут же, в рубке, переношу полученные результаты на карту. Вывод: именно так и следует работать впредь при малейшей возможности, тем более что ради моих наблюдений постанова на якорь в большинстве случаев непозволительная роскошь. В лагере на берегу, к счастью, все в порядке, не считая того, что Ильин в связи с нашим исчезновением побывал в предынфарктном состоянии, особенно по своей привычке переживать все неприятности про себя, не вынося их на люди.

Растаял в серой дымке силуэт нашего логгера, мы собираемся в большой палатке, нашей походной кают-компании на рабочее совещание в попытке наверстать обозначившийся простой, поскольку деньки, отведенные по плану на наши мероприятия, уплывают со страшной силой и мы лишь работаем им вдогон. 15 августа выступаем вчетвером, чтобы организовать за ледником Велькена выносной лагерь, из которого собираемся приступить к съёмочным маршрутам. Уходим под бравурную музыку непогоды: свист ветра в оттяжках, хлопанье брезента и шум наката, который не мог заглушить мелодичный перезвон ледяных обломков в полосе прибоя, пока мы шли вдоль берега. В лагере осталась Римма Федоровна продолжать свою охоту за граптолитами со своим верным оруженосцем Градусовым, призванным защищать ее от посягательств здешней вполне современной фауны, вроде той, с которой мы уже сталкивались в маршрутах с Поляковым.

Благополучно пересекли ледник Вёлькена и обосновались в местечке, для которого не нашли приличного определения: безобразные развалы мертвого льда, тут же за ними трещины, за палаткой скальные обрывы теряются в низких облаках, откуда временами раздаётся хохот топорков или морских попугаев. Видимо, где-то над нами находится птичий базар. Неслучайно поблизости на талом снегу валяются обломки яичной скорлупы, трупики птенцов и даже маленькая сайка (полярная тресочка), вытаявшая из-под снега. Кстати, снега на леднике значительно меньше, чем десять дней назад. Тем не менее, несмотря на описанное разнообразие, окружающая действительность сурова до предела. Даже ровного места под палатку нет, пришлось создавать его из относительно ровных каменных плиток. Попробуйте-ка еще отыскать их в скоплениях острых глыб морены, обильно сдобренных липкой грязью! Пока устраиваешься в спальном мешке, плоские камни под тобой с характерным постукиванием шевелятся, приспособляясь к очертаниям тела. Весьма достойное ложе для полярного как гляциолога, так и геолога!

Женя Платонов устроил побудку ровно в семь тридцать, хотя из-за тумана мы начали маршрут только в десять. Работаем двумя двойками, я с Платоновым и Ильин с Поляковым. Суть задания: выйти по леднику к заранее выбранным нунатакам, определить характер слагающих структур и их возраст, не считая определения самих слагающих пород. По возвращении предстоит состыковка полученных результатов обеих групп, чем займутся Ильин с Платоновым. Породы практически лишены органических остатков, и названия свит, воспринимаемые на слух, я ранее не встречал в литературе, поскольку парни оказались первопроходцами в своем деле. Дилетантов до сих пор волнует, кто первым вышел на

те или иные белые пятна, поскольку они не подозревают, что главным направлением в науке давно стал природный процесс. Тем не менее и я попытался представить, где мы оказались: где-то севернее в десятке километров маршрутов геолога Пустовалова и топографа Кураева в 1933 году, впервые составивших геологическую карту этих мест. Еще в двадцати километрах южнее чуть раньше пронесся на аэросанях М.М. Ермолаев, не обнаруживший на ледниковом покрове фирна и тем озадачивший мировую науку.

Платонов начал свою работу с мелких нунатаков, расположенных западнее, а затем мы перешли к ближайшим склонам нунатака с отметкой 734, чтобы сомкнуть свои съемки со съемками Ильина и Полякова. По леднику передвигаемся только связавшись — модель общества, которое в стремлении выжить готово поступиться свободой индивидуумов. В нашем положении это оправдано, поскольку снег и фирн скрывали большую часть трещин. Обошлось без провалов. Наш маршрут на карте походил на замкнутый треугольник, что позволило проконтролировать результаты барометрического нивелирования, причем необычные: повсеместно равномерное снижение ледниковой поверхности метров на сто. Первый настоящий рабочий маршрут по леднику, которым я удовлетворен.

На следующий день, 17 августа, Платонов и я вышли на работу в верховьях ледника Мака, а наши товарищи из лагеря вдоль скальных обрывов направились к морю. Вышли пораньше, чтобы использовать плотный наст, который становился непрочным после полудня. Погода стояла превосходная, сплошное море солнечного света, и на пути к ближайшему нунатаку мы не встретили ни одной трещины. Такое начало настроило нас на лирический лад, а плотный обеденный пере-

кус (во все маршруты мы брали с собой примус «Шмель») способствовал безмятежному настроению. А зря...

Обработав дальние нунатаки, мы тронулись по залитому солнцем правому борту по направлению к морю. Плоский горный массив (тот, что на старых картах назывался горой Мака), за которым размещался лагерь, был обращен к нам своими обрывами, совершенно лишенными солнечного освещения, что по контрасту производило мрачное впечатление. Окрестный ландшафт словно запугивал, но мы решили продолжать работу. Даже когда за поворотом обозначилась зона рваного льда, мы думали, что легко обойдем ее выше по склону. Мы так и поступили, но несколько дальше нарвались на крутые участки мертвого льда, покрытого липкой грязью. Это уже было по-настоящему опасно, и поэтому, выбрав слабинку у страховочной веревки, мы осторожно продолжили движение вперед. Уклоны под нашими подошвами становились все круче и круче, впереди обозначился кусок непросматриваемого пространства, где могло случиться все, что угодно. Малейшая ошибка на этом неприятном участке могла обойтись слишком дорого, и мы решили, вернувшись немного назад, поискать обходной путь. Он проходил по сплошному ледяному крошеву, причем приходилось выбирать снежные мосты, предварительно просмотрев их со стороны. В наиболее подозрительных местах не стеснялись ложиться на живот и ползти по-пластунски. Иногда, загнав ледоруб в фирн, подтягивались к нему на руках. Это была нервная работа, причем основные силы тратились на страховку и меры безопасности. Весьма безотрадное местечко... Когда мы частично прошли, а частично проползли участки проклятого ледяного крошева, то увидели место, от которого повернули назад. Под ним шел невысокий обрыв, увидивший

в трещину шириной в несколько метров. Сил порадоваться собственной предусмотрительности уже не оставалось...

Спустя час ситуация повторилась, словно по дурному сценарию, написанному заранее. А потом еще и в третий раз! Тогда мы решили больше не испытывать судьбу. Мы сделали все что смогли, и наш маршрут совсем не был безрезультатным, но степень риска подошла к опасной черте. К тому же стало ясно, что участок, который на этот раз оказался нам не по зубам, легко взять с моря.

Возвращение в лагерь прошло вполне благополучно. Выслушали за ужином рассказы товарищей, удивительно напоминавшие наши собственные приключения. Перед сном, предаваясь воспоминаниям о ледниках в других местах Арктики, единодушно пришли к выводу, что хуже новоземельских не бывает. А чего еще можно ожидать при прорыве мощного ледяного потока через горную цепь? Просто на Новой Земле, как на Новой Земле! Никто тебя сюда не звал, ты же сам выбрал ее, и нечего скулить, а тем более хвастаться. В конце концов ты доброволец на этой чертовой полярной службе в отряде полевиков экстра-класса.

19 августа мы с Женей выходим на очередные «выселки» у ледника Рыкачева. Что-то нас ожидает на этот раз? Воспоминания о похождениях на леднике Мака еще не улеглись, но ограниченность во времени диктует свое. В процессе постановки палатки убедились, что Арктика способна на мелкие пакости. Только установили ее, тут же ветер сменился на противоположный, и палатка, надутая ветром, стала напоминать аэростат, сделав даже попытку вспорхнуть в небеса. Кое-как утихомирив ее, с высоты положения постарались оценить предстоящий маршрут, благо цель похода в поле зрения. Это даже не нунатаки, а плоские выходы коренных

пород в среднем течении ледника Рыкачева, который здесь достигает ширины до 15 километров. Определенно ледникам Новой Земли не откажешь в масштабности, в чем я убедился много лет назад, и все же не перестаю удивляться и теперь.

Наутро все тот же сильный ветер, временами бурный. На небе — стаи хищных с зализанными краями чечевицеобразных облаков, признак формирования боры. Снег заметно подтаял, трещины на леднике распознаются хорошо и, к счастью, их немного. Платонов довольно легко обнаружил на выходах пород контакты оленинской и менделеевской свит по характерной диабазовой дайке, шву магматических пород. Мой дотошный и въедливый напарник заносит результаты наблюдений в полевой дневник, причем без помарок шариковой ручкой, что для меня внове. Меня учили делать это только карандашом во избежание гибели записей при попадании в воду, что на практике может случиться сплошь и рядом. Пока Платонов делает записи, я по-своему осваиваю окружающий ландшафт отесанных ледником бараньих лбов из глинистых сланцев. Вертикальный кливаж в сочетании с обильной сыпью мелких кристалликов пироксена создает прихотливый рисунок на поверхности этих скал. Часто эта поверхность словно коричневая от загара, поскольку гидрокислоты железа вносят свой вклад в здешнюю палитру. Ледник недавно ушел из этих мест, полоса коренных пород с края на контакте со льдом вообще лишена признаков лишайниковой растительности, и только поодаль от кромки льда появляются какие-то мелкие черные пятна этой, с позволения сказать, растительности, сменяющиеся к центру вполне благополучными оранжевыми скоплениями.

При возвращении в лагерь Новая Земля накрыла нас не то сильным ветром, не то ураганом или просто взбесившимся

ветром, приготовив лично для меня нечто новенькое, хотя я по наивности посчитал, что уже этому архипелагу невозможно меня удивить чем-либо. Поначалу мне показались странными валики талого снега на поверхности снежных болот, образуемые ветром, а затем я удивился странному постукиванию по капюшону, в который старательно прятал свою физиономию от режущего ветра. Потом мое внимание привлекла какая-то размытая поверхность, особенно на склонах. Кое-как выпростав наружу свою физиономию, я неожиданно получил целый ряд чувствительных ударов по коже несущимся фирном. Настоящая фирновая поземка производила весьма чувствительный массаж «морды лица», кожа которой к концу полевого сезона, казалось, приобретает стойкость голенищ кирзового сапога. Однако! Поскольку мы пересекали ветровой поток поперек, указанный массаж достался лишь наветренной половине наших лиц. Не помню подобного по опыту МГТ 1957—1959 годов. Воистину, век живи — век учишься, в Арктике все равно не соскучишься! Как не вспомнить Киплинга: «Что за женщина была, господи, прости ей! Не добра и не мила, но краса ее влекла дьявольскою силой!»

Из других впечатлений от похода с Женей. Выяснилось, что мы по-разному ходим по леднику. Женя строго и очень умело выдерживает азимут (многим моим коллегам после университета у него бы поучиться!) в своем стремлении не уклониться ни на градус, смело перепрыгивая при этом через трещины. Увы, в силу возраста я не могу позволить подобной роскоши и предпочитаю, выдерживая лишь генеральное направление, передвигаться по ледяным блокам между трещинами. Такая разница сказывается, лишь когда идешь в связке направляющим. Ничего, походим, привыкнем. Еще одна особенность ленинградцев: Ильин приучил их пользо-

ваться альпинистскими кошками сплошь и рядом, тогда как я этим спецсредством пользуюсь в исключительных случаях. Все это мелочи разной полевой практики, в целом наш опыт примерно одинаков, одного уровня. Определенно я получаю удовольствие от работы с этими ребятами, несмотря на некоторое физическое напряжение в связи с необходимостью укладываться в жесткие временные рамки. Уже 22 августа мы вернулись в базовый лагерь на мысе Сахарова, где узнали много нового.

20 августа Соболевская, поднявшись на плато, угодила под удары того самого ветра, который удивил нас фирновой поземкой во время боры на леднике Рыкачева. Удивительная избирательность у этого ветра в одних и тех же условиях. Разница в расстоянии всего два-три километра, а она или есть, или нет, хотя и не в описанном случае. Римма Федоровна едва не повергла слушателей решительным заявлением в адрес своего телохранителя на грани обвинения:

— Во вчерашнем маршруте Градусов меня едва не убил!

Только спустя минуту Ильин официальным голосом поинтересовался:

— Каким же образом?

— Вы представляете, — заявила Римма Федоровна, — он залил в термос холодный чай!

Слушатели едва не оцепенели от такого утонченного злодеяния, согласившись, однако, что в наше просвещенное время накануне наступления светлого будущего уровень злодейства, очевидно, существенно понизился.

23 августа на лагерь обрушился жестокий шторм, к счастью, продолжавшийся недолго. Поэтому мы успели с доделками в правой нижней части ледника Мака, куда нас не

пустили трещины, причем действовали, как и намеревались, с моря. Понял, почему Женю не всегда устраивает подобный вариант: мотор «Привет», которым его снабдили, создан для пресной воды, и на море частенько начинает барахлить. Подняли среди морен очередного белого медведя, который предпочел ретироваться, не доставив нам хлопот. С окончанием работ в заливе Легдзина оставалось спокойно дожидаться судна, обрабатывая полученные в поле наблюдения, которыми за истекшие три недели я вполне удовлетворен, больше уделяя контролю в будущем.

Определенно, при возможности следует убедиться в правильности определений положения фронтов ледников по радиолокатору. Пока это сделано лишь для ледников Велькена и Мака. Это тем более необходимо, что выполняется впервые и скепсис потенциальных оппонентов просто неизбежен. Надо шире использовать старые карты на район предстоящих исследований, включая Петерманна, по результатам морских съемок норвежских промышленников 1870-х годов, съемки Седова 1913 года, несмотря на все присущие им недостатки, уже по той причине, что у них есть и свои достоинства. Несомненно, совсем не случайно ни Баренц, ни норвежцы не обнаружили залива Иностранцева, а с другой стороны — зафиксировали выдвигание в море Большого Ледяного мыса, судя по прокладке курсов вплотную к фронтальным обрывам этих ледников. Но убедиться в этом можно только непосредственно на местности. В этом медвежьем углу Новой Земли можно ожидать чего угодно, и поэтому я к перспективе посещения этих мест отношусь одновременно с интересом и определенной тревогой в части ожидаемых результатов.

Одновременно осваиваю новый для меня полевой сленг геологов-ленинградцев, образный и часто неожиданный. Если

происхождение слова «табориться» понятно, то откуда взялся термин «бутер» для полевого шмотья в совокупности? Зато такие словосочетания, как «нахвататься зайчиков» (схватить снежную слепоту), «давить холостяка» (идти маршрутом без наблюдений) или «пускать пар» (потеть на подъеме под непосильным грузом), вероятно, повеселили бы любителей русской словесности и профессиональных филологов, если бы они оказались среди нас.

В пять утра 25 августа, мучаясь в сальном мешке от бессонницы, я услышал равномерные вздохи судового движка. Минут через пятнадцать донесся грохот якорной цепи и всплеск якоря, плюхнувшегося в воду. Распорядок в нашем лагере не был нарушен, его обитатели знали себе цену. И только в семь тридцать голос человека с Большой земли осторожно поинтересовался:

— Как бичевали, ребята?..

Наконец-то расстались с мысом Сахарова, тем более что нас ожидали в ближайшем будущем новые интересные перспективы. Одновременно выяснились причины задержки «Хмельницкого»: в те дни, когда бора бомбардировала нас фирном на леднике Рыкачева, а работяга Градусов пытался злодейски сорвать программу поисков граптолитов на берегах залива Легдзина, судно отстаивалось от шторма под защитой острова Междушарский чуть ли не в тысяче километров южнее. Теперь нам предстоит высаживаться на мысе Визе в самом центре карты Седова.

Однако на самом деле нам предстоял более сложный вариант. На мысе Визе пока останется Соболевская с Градусовым в оборудованном лагере, а остальным предстоит отправиться в Гавань Мака и работать на ее берегах, загадочное и редко посещаемое место на Новой Земле. Считается,

что его открыли норвежские промышленники в XIX веке. Думаю, все же первенство принадлежит Баренцу, в судовом журнале которого 27 июля 1594 года отмечено: «Пришли к большому заливу», который показан так же на отчетной карте под названием Святой Анны или Гавани Мака, присутствующей на современной карте.

На переходе фиксирую положение фронтов ледников Анучина и Воейкова. Удалось подсечь и положение ледника Броунова в самом куту Гавани Мака. Благополучно разгрузились на мысе Визе, благо не было волнения, а поставили лагерь, но на судно пришлось возвращаться на веслах. Мотор оправдал опасения Жени Платонова, который у нас не только главный кок, но и старший механик, а точнее и швец, и жнец, только что не на дуде игрец... Заснеженные горы и ледники на побережье в свете низкого солнца выглядели удивительно гармонично и успокаивающе, а силуэт судна на фоне багровых и розовых закатных красок прорисовывался до мельчайших деталей. На подходах к Гавани Мака угодили в полосу айсбергов, наподобие той, в которую врезались, возвращаясь с мыса Желания, но на этот раз в условиях отменной видимости, получив сильное впечатление в окружении синих глыб всех форм и размеров, когда дальний горизонт своими очертаниями напоминал щербатую пилу в белосиних оттенках. Успешно прошли и айсберги, и ледяное крошево на воде, чтобы стать на якорь у восточных берегов гавани. Тут же приступаю к засечкам по локатору.

Закончив наблюдения, можно оценить окрестные пейзажи, пока с палубы. Совсем иная картина, чем на мысе Сахарова. Высоченные берега здесь образуют каменный коридор, который на юге запирается фронтом ледника Броунова, даже на расстоянии его бутристая неровная поверхность

удивляет и настораживает массой трещин, видимо, делая ледник недоступным для посещения. Завтра предстоит с ним знакомство вплотную, а пока стоит посетить судовой душ. Какое все-таки блаженство горячая вода для полевика, лишенного ее длительное время.

Солнце не спеша ползет по небосводу совсем низко над горами и ледниками, когда мы с Женей на следующий день отправляемся к леднику Броунова по восточному берегу Гавани Мака. Изнутри гавань фантастически красива. Солнечный свет заливает противоположный берег фьорда и сразу же возникает пиршество, разгул красок, в котором участвуют рыжие и серые каменные стены высотой в сотни метров, нагромождения заснеженных пиков, голубизна моря с множеством бирюзовых айсбергов и даже редкие пятна сочной зелени у берега. Эту гамму дополняют желтые полосы островов Гольфстрим у самого горизонта. И каким-то одиноким и нездешним выглядит наш кораблик на фоне этого великолепия.

Крутой высокий берег, вдоль которого мы пробираемся в глубь фьорда, наоборот, лишен солнечного освещения, что по контрасту создает в меру мрачное впечатление. Каменистые россыпи чередуются с моренами, поросшими какими-то необычными кустистыми лишайниками, напоминающими настоящие лопухи. В дождь по ним не пройти, поскольку скользнешься и свалишься в море. На горных гребнях проектируются на небосвод какие-то каменные химеры. Кажется, они подстерегают нас на нашем пути в ожидании неверного шага. Женя то и дело замеряет горным компасом элементы залегания слагающих пород, явно столкнувшись с какой-то непростой ситуацией. Постепенно убеждаемся, что лучший путь все же у уреза воды. Спускаемся к морю, и сразу темп движения возрастает.

Вблизи понимаешь, почему ледник Броунова не образует крупных айсбергов. Лед с обширного ледосбора почти 300 квадратных километров буквально протискивается через сужение отвесных скальных ворот шириной около километра, словно дробилку или мясорубку, после которой в море валяются лишь небольшие по размерам глыбы. Убедился, что фронт ледника на том же самом месте, что и по результатам радиолокации. Оба довольны результатами маршрута, хотя у Платонова больше вопросов, чем ответов. К сожалению, провести на этом леднике барометрирование поверхности невозможно из-за даже не просто обилия трещин, а скорее сплошных ледяных развалов с нагромождением отдельных ледяных глыб, когда несомненный риск превращается еще и в неоправданный. Такое на Новой Земле я видел впервые. При возвращении резко возросла активность ледника, когда у фронта один обвал следовал за другим. Неужели таким образом проявляется эффект усиления таяния во второй половине суток, как это нередко наблюдается у горных ледников? В грохоте падений ледяных глыб и гигантских заплесках вереницы новорожденных айсбергов потянулись к устью фьорда. Еще один результат похода: убедился, что со своей помощницей мы качественно провели дешифрирование аэрофотосъемки, используя ключи по Русской Гавани, где в МГТ я выполнил это в полевых условиях. Это же относится и к небольшим горным ледникам на противоположном берегу, где они не достигают моря.

Наше задание на второй день стоянки в Гавани Мака пройти маршрутом от мыса Обручева (западный вход в фьорда) по берегу до фронта ледника Воейкова, а затем вдоль восточного борта как можно дальше в глубь Новой Земли, укладываясь, однако, в отведенное время. Погода за сутки не

изменилась, и мы пересекаем фьорд на нашей дюральке без затруднений, спокойно высадились на противоположном берегу и, разделившись с отрядом Ильина, направились в разные стороны: Ильин с напарником по западному берегу к леднику Броунова, мы — к фронту ледника Воейкова, оставив нашу дюральку на берегу дожидаться нашего возвращения. Наша поисковая практика с использованием двух отрядов для изучения объекта понятна: тем самым горный массив словно просвечивается с противоположных направлений, позволяя сопоставить и контролировать полученные результаты. На ходу Женя делится со мной результатами вчерашнего маршрута, когда мы начали с условно с немой протерозойской толщи (самой древней в наших местах), а ближе к леднику вышли на уже знакомые ломоносовскую и менделеевские свиты. Видимо, что-то похожее ожидает нас и в предстоящем маршруте.

Столь древние породы обнаружены здесь только в 70-е годы, что заставляет переоценить многие события в истории формирования здешних структур, включая выход в практику. Со студенческой скамьи не люблю «немые» породы, лишённые органических остатков, которые позволяют оценить их возраст. Отсюда сложности в работе Соболевской, поскольку, с одной стороны, она работает на пределе существования жизни с геологической точки зрения, где таких остатков минимум минимум, а с другой — обозначаются те самые пределы жизни, за которыми поиск органики становится невозможным. Как в сказке: пойдти туда, не знаю куда, найди то, не знаю что... Занятие для специалиста неробкого десятка.

Маршрут провели успешно, снова подтвердилась правильность определения положения фронта ледника Воейкова по радиолокатору, я выполнил очередное барометрическое

нивелирование. Однако, вернувшись к месту высадки, убедились, что ситуация осложнилась: в фьорде усилилась зыбь, у берега беснуется прибой, а у нас ни рации, ни неприкосновенного запаса, даже курева — считанные сигареты. Мы слишком понадеялись на погоду, а Арктика нас наказала за легкомыслие. Вскоре к нам присоединились Ильин с Поляковым. Но даже вчетвером нам не преодолеть накат у берега. Расположившись у костра уже вчетвером, мы стали ждать неизвестно чего. Смеркалось. Солнце уже ушло за горизонт и окрасило снизу неплотные волнистые облака тревожным красным цветом, который множеством красных бликов повторялся на морской зыби. На небе оставались участки какого-то необыкновенно пронзительного зеленого цвета, очень ясного и холодного. Переход от активности к вынужденной созерцательности давался всем нелегко.

Тем временем на судне сообразили, что люди на берегу оказались в затруднительном положении. Судя по тому, как изменился силуэт «Хмельникового», мы поняли, что там решили идти к нам на вырубку. Вот уже виден вскипающий бурун у его форштевня, а когда мачты судна сошлись, стало ясно, что судно направляется к нам. Меньше чем в полумиле от нас судно встало на якорь, и вскоре от него отвалила дюралька с двумя силуэтами. Однако, тщетность попытки вызволить нас отчетливо обозначилась всего в двадцати метрах от берега, где в сплошной толчее волн нечего было и думать принять нас на борт. Казанка под мотором мечется взад-вперед, потом с нее руками показали нам идти по берегу на юг, чтобы в более спокойном месте, очевидно, попытаться нас снять с берега.

Мы вдогонку несемся за прыгающей на волнах судовой дюралькой то по гальке, то по валунам и каменным развалам

почти в полосе прибоя, брызги которого порой окатывают нас с головы до ног с непроходящим утробным ревом, который временами прерывается тяжким уханьем, когда волна врывается в береговые волноприбойные ниши. С откатом волны снова бросаемся вперед, чтобы успеть проскочить наиболее опасное место. Особенно опасны участки снежников с их глубокими нишами, в которые удар волны способен затолкать зазевавшегося. С откатом волны слышно, как гремит галька и мелкие камни. Выждав, пропускаешь волну и с началом отката бросаешься вперед без раздумий среди мокрых валунов, на мокрых боках которых отражаются кровавые блики зари. Одновременно страшно, весело и напряженно так, что дальше некуда. Промокшие и измотанные, около полуночи добрались до судна, пережив настоящий букет духовных, интеллектуальных, элементарных физических и даже эстетических элементов здешней повседневности жизни, которых нам так не хватает в столицах.

Обстановка на утро 28 августа: работы в Гавани Мака завершены, надо забирать наше окаянное плавсредство. Прибой практически прежний, однако обстановка уже иная. «Хмельницкий» рядышком, его казанка подстраховывает наши действия. Моряки так удачно высадили нас в самый накат, что даже наши портянки остались сухими. Теперь все зависит от наших действий. С такой страховкой и мы сами осмелели. Главное теперь для нас — правильно оценить волнение. Распределив роли, на бревнах-катках стремительно скатываем наше суденышко в набегающую волну, вдвоем с Поляковым каким-то образом впрыгиваем в него и тут же разворачиваем веслами дюральку навстречу волне. Каким образом это удалось, я так и не понял, в противном случае нас бы развернуло бортом к гребню и тут же выбросило на

берег, но этого не случилось. Ильин с Платоновым каким-то образом уловили момент и вытолкнули дюральку веслами, действуя ими как шестами, за полосу прибоя. Теперь наше суденышко колышется вверх и вниз свободно на зыби, и даже мотор завелся с первой попытки. Прощай, Гавань Мака!

Настроение успеха заставило не терять время даром на переходе к мысу Визе, где нас ждут не дождутся Римма Федоровна и Владимир Ильич, я снова обратился к картам предшественников, с тем чтобы выбрать с них всю возможную информацию. Всюду, где мы работали, мало того что фронты ледников сплошь и рядом показаны заподлицо с береговой линией, они еще повсеместно совпадают с концами современных боковых морен. Даже по этим признакам седовскую карту не можно, а нужно использовать, тем более что она обещает характеризовать отступление ледников на начало потепления Арктики, пусть и не с самой высокой точностью, за 1913—1933 годы, используя также карту Кураева. Окончательное решение, однако, следует принимать после знакомства с ситуацией в окрестностях мыса Визе. Поскольку частично подобная работа успешно выполнена для районов залива Легдзина и Гавани Мака, есть все основания, что и районе мыса Визе можно ожидать того же.

Когда мы встретились с его обитателями, Римма Федоровна поведала об очередных происках Градусова при защите ее от медведя:

— Стрелял не туда, медведь мог напугаться и броситься в лагерь!

Предвещая близкое окончание полевого сезона, огромный, в два обхвата, диск луны в опалово-жемчужной дымке плывет за полоской облаков над нашим лагерьем и окрестными горами, морем и ледниками. Мы снова вместе,

в пустынном море только силуэты дальних айсбергов, и в душе у нас после пережитых приключений воцаряется мир и довольство жизнью, несмотря на очередные злодеяния и происки работяги Градусова.

Первый день календарной осени настолько отвратителен (ветер, дождь со снегом, и все это под рев прибоя), что Ильин объявил его камеральным. Этот «день» затянулся на трое суток, по 3 сентября включительно. Возможно, чтобы подбодрить нас, волны принесли бутылочное послание на норвежском языке, несколько запоздалое, следующего содержания:

«Пароход “Вестеролен”.

27 декабря 1986 года.

Привет! Тот, кто найдет это послание, может сообщить, где и когда оно обнаружено. Мы, четверо друзей, принимаем участие в каботажном круизе на “Вестеролене”. Желаем веселого Рождества и счастливого Нового года».

За поздравления спасибо, но в связи с опозданием доставкой и отсутствием поблизости почтового отделения, боюсь, наш ответ затянется.

Я использовал время по-своему — для посещения ближайших интересных объектов поблизости в своих интересах. Стало понятным, например, почему западный участок фронта ледника Визе упорно не желал прорисовываться на экране локатора, — его загораживала высокая 70-метровая боковая морена. Ликвидация этого «белого пятна» традиционными не столь передовыми методами с помощью буссоли не заняла много времени. Не обнаружил здесь признаков теплого времени, характерного до образования современного оледенения 5—7 тысяч лет назад, во времена так называемого климатического оптимума. Зато морены соседнего ледника Анучина

буквально нашпигованы толстенными (хочется написать — упитанными) раковинами *Saccicava arctica* и массой обломков морского гребешка *Pecten islandica*, видимо, перемолотых ледником в процессе движения.

Зря мы иногда посмеиваемся над некоторыми слабостями Риммы Федоровны, достойной геологини послевоенного времени, когда на женщин свалилась вся тяжесть этой профессии, поскольку мужчины-геологи значительной частью погибли на фронте. Не будем забывать для примера, что якутские алмазы открыла тоже достойная женщина Лариса Попугаева. (По рассказам причастных, не получила Государственной премии, будучи беспартийной.) Наблюдать, как в жуткую в погоду, примостившись в неудобной позе на обнажении, она орудует молотком, мурлыкая под нос «Закури, дорогой, закури...» или «Помню мезозойскую культуру...» из незабвенного студенческого репертуара послевоенной поры, нельзя без чувства уважения. В Арктику она пришла пораньше меня, причем начала работать в 50-х годах с самим Н.Н. Урванцевым, одним из самых известных геологов предвоенной поры, за которым месторождения современного Норильска и ликвидация «белых пятен» Таймыра и Северной Земли. Получить такого наставника в начале своего научного пути — везение выше среднего. Не сам тыкаешься носом, казалось бы, в неразрешимые проблемы, а под водительством умудренного наставника, прошедшего все и вся, который тебе подскажет, в трудную минутку поддержит, а надо, скажет все, что о тебе думает... Не могу пожаловаться на собственную школу, но, конечно, мне не хватало на Навой Земле подобного наставника. Отдает должное ребятам из отряда Ильина, хотя и с позиций своеобразного женского эгоцентризма:

— Нет, я бы так не смогла... Как вы на ледниках такое выносите...

Градусову, похоже, она не может простить равнодушие к геологии, в чем, несомненно, несправедлива. Нет-нет, а при обсуждении геологических проблем Ильин поинтересуется: «А девон — это сколько же лет?» Или его неожиданный комментарий: «Смотри-ка, моложе силура...» Порой задает вопросы, способные озадачить умудренного специалиста: «А самые древние породы — сколько лет? Четыре миллиарда — не может быть!» В качестве помощника Соболевской он явно не на месте. Лихой водитель вездехода, для которого пересечение Таймыра что вдоль, что поперек раз плюнуть, совсем не подходит для дела, с которым бы справилась любая аккуратистка-студенточка, хотя сам Ильин видит свою роль в другом: «Мое дело — носить рюкзак за Риммой Федоровной и охранять ее от медведей».

Вот такие проблемы отряда, работающего, прямо скажем, в экстремальных условиях.

Мне не раз приходилось наблюдать, как не самые лучшие человеческие свойства в сходных условиях порой начинают буквально расцветать не лучшим образом. Приятно отметить, что у Ильина — ни намек на что-либо похожее. Знал, кого брать в свой отряд. Владимир Федорович определенно склонен к глубинным решениям, не лежащим на поверхности, причем задолго до выезда в поле. Сдержан и внешне не склонен проявлять своего руководства, но ни у кого здесь не возникает сомнений, кто здесь лидер. В этой роли напоминает айсберг: главное уже сделано на базе или даже на Большой земле, а здесь все предоставлено инициативе исполнителей. (Другое дело — их подбор, но это тоже сделано на Большой земле.) В поле Ильин пашет наравне со всеми,

не меньше, а скорее больше... Главное в отряде — дело, что и определяет все остальное. Никаких вольных «мужских» разговоров, на которые наложено негласное табу. Только однажды Поляков, самый молодой и вдобавок неженатый, видимо, под влиянием солнечной и расслабляющей погоды, нарушил это «табу» неожиданным вопросом: «Владислав Сергеевич! А у вас были любовницы?»

Коллеги явно расценили вопрос как безнравственный, и под осуждающими взглядами вопрос (как и ответ) повис в воздухе. В общем, никакой раскованности, столь характерной для многих экспедиций там, на Большой земле.

Как обычно, побудка у нас в любую погоду точно в семь тридцать, призыв Жени на завтрак способен поднять даже мертвеца. Существует, разумеется, и моральная сторона: попробуйте опоздать на завтрак, если человек сам поднялся пораньше, сам взял на себя обязанности кока, освободив тем самым тебя от обязанностей, которые многие воспринимают как обременительные. Вот и вылезает из спального мешка, чертыхаясь про себя, и, отправляясь к морю на утренний туалет, одновременно просматриваешь, напилены ли дрова, запасена ли вода в ведрах, и т.д. Точно так же после еды работу по мытью посуды буквально рвем из рук друг у друга, потому что, не сказав ни слова, Женя сделает ее сам: такого мы допустить не можем. Не стоит заблуждаться — так обстоит дело далеко не в каждой экспедиции. Я склонен думать, что Женя где-то в свое время насмотрелся совсем другого и теперь по-своему активно утверждает свое положительное начало по принципу: если не я, то кто? Такая жизненная позиция требует уважения без скидок.

Быт, разумеется, остается бытом, и отношение к этой проблеме проявляется по-своему. Я, например, к ужасу

остальных, утреннего омовения иначе как из моря не признаю. Зато какое ощущение бодрости после морского рассола! Правда, для этого приходится в сапогах с поднятыми отворотами заходить подальше от берега, рискуя при накате принять холодную ванну в полном облачении, что не вполне по-светски... Что делать, приходится уступать обстоятельствам: в Арктике как в Арктике! На такое умывание меня повадился сопровождать песик, дезертировавший с «Хмельницкого», и нередко после омовения я не могу обнаружить полотенца или мыльницы: чего еще ожидать от дезертира?

Еще одно существенное отличие в одеянии от ленинградцев, которые, узнав, что я обхожусь без свитера (его мне заменяет меховой жилет), заподозрили меня в легкомыслии. Такой жилет под комбинезоном из плотной нейлоновой ткани на ходу очень удобен, и лишь в сильный ветер я дополняю свой «выходной костюм» штормовой многослойкой: просторными ветрозащитными брюками на помочах в сочетании с аноракком. «Всепогодными» в таком полевом снаряжении остаются только рыбацкие сапоги-ботфорты. Головной убор в приличную погоду — берет, на холоде или ветре — меховой летный шлем.

Определенно в это время обозначился своеобразный дисбаланс наших усилий и оставшегося полевого времени: напряженный труд в августе сменился вынужденным из-за непогоды простоем в сентябре. Первый же осенний месяц украл у нас всю хорошую погоду, которую так щедро отпустил август. Правда, к 4 сентября непогода утихомирилась, и мы с Платоновым срочно отправились к верховьям ледника Визе. В моих интересах было прогнать барометрический ход по леднику как можно дальше и выше, что одновременно позволяло посетить наиболее отдаленные нунатаки.

Маршрут получился солидный: в оба конца под тридцать пять километров, причем с возвращением, естественно, пришлось «давить холостяка». У самой цели Платонова, отдаленной скальной стенки, карабкались по крутым снежникам с зоной трещин у подножия, с полной гарантией остаться там в случае срыва. Очень тщательно пришлось работать ледорубом, а в трещины мы просто старались не заглядывать во избежание искушения. На самой дальней точке нас накрыл дождь, стала садиться облачность. Казалось, скалы и осыпи исходили противной сыростью, но при этом было так тепло, что с возвращением большая часть наших следов на фирне стояла, и, таким образом, мы не могли использовать известный принцип «след в след», сохранивший в подобной обстановке немало нервов, а временами и жизнью.

Мы находились в настолько отменной полевой форме, что, к ужасу Риммы Федоровны, на следующий день отправились на ледник Анучина, на котором Арктика преподнесла нам настоящий подарок: ни единой трещины на пологой поверхности, хоть катайся на коньках в любом направлении, что сохранило силы на будущее, тем более что общая ситуация оказалась не в нашу пользу. На восток из-за трещиноватого ледника Визе не пройти, другие достойные цели в окрестностях мыса Визе отсутствуют, радиосвязь из-за магнитной бури прервалась, судна нет, на море сплошной затянувшийся шторм. Ситуация как на войне: возможности плацдарма, доставшегося тяжелой ценой, исчерпаны, а отступать некуда. Пытаясь разглядеть у горизонта долгожданное судно, мы видели только осточертевшие айсберги.

Соответствующие записи в дневнике:

«07.09.88. Погода — мрак и ветер с моросью, из серой мглы на берег набрасываются бесконечные полчища волн

с белыми барашками. Nature вопреки, наперекор стихиям давление довольно высокое...

08.09.88. Кончается газ, давно перешли на сухари... все чаще блюда из сухой картошки. Увы, наши перспективы под стать погоде...

09.09.88. С моря пошел лед, синие ледниковые глыбы, очевидно, дождь и тепло вызвали очередное извержение айсбергов с ледника Броунова. Уже много дней обычные звуки непогоды: рев прибоя, завывание ветра, стук дождя по палатке и хлопанье брезента...»

Сам вид лагеря в эти дни (две больших палатки, две маленьких, козлы для пилки дров, заготовленный плавник и напиленные дрова, горка пустых консервных банок, конура для пса, прикрытая брезентом, ящики с образцами под струями дождя и т.д.) свидетельствует о несокрушимой стойкости его народонаселения, включая барбоса. Над своей палаткой я натянул кусок парашютной ткани, которая надежно предохраняла меня от избытка влаги, но легкомысленно трепыхалась на ветру, приводя в восхищение остальных обитателей мыса Визе. Часто утро начиналось с крика из руководящей палатки: «Сергеи! Не сдуло?»

Кажется, весь отряд не мог понять, как в такое время можно жить в палатке без печки. Думаю, что мой испытанный спальный мешок сберегал больше тепла, чем его давала печка в большой палатке. Поскольку мои наклонности неминуемо пришли бы с несомненно самыми наилучшими представлениями Жени о порядке в экспедиционных условиях, я безбедно проживал в отдельных апартаментах с видом на море, скрашивая периоды бессонницы кружкой чая, приготовленного на примуске, отслеживая в томике Шекспира приключения сэра Джона Фальстафа и его окружения. Тем не

мене, соблюдая декорум, я регулярно поднимался к завтраку (мать честная, до чего же противно подвергаться ударам непогоды, пока добежишь до большой палатки!), которым, к моей зависти, порой пренебрегала Римма Федоровна.

«10.09.88. С утра мрак и жуть. Прямо к лагерю пошла целая флотилия айсбергов, и прибой крушит их, заваливая ледяными обломками берег. Давно не было такого волнения: сплошные белые гребешки с огромными заплесками, когда волны буквально таранит берег. И все это на фоне серой промозглой мглы со всепроникающей сыростью. Все вместе взятое, да еще отсутствие вестей о судне (радио бессильно) способно повергнуть в состояние уныния и безысходности...»

Шторм несколько усложнил утренний туалет, который я неизменно совершал у моря. Мало того, что приходилось увертываться от особо яростного гребня, украшенного пышным плюмажем пены, откатываясь, волна норовила вымыть песок из-под подошв. А при совсем сильном ветре возникало желание умываться, не снимая меховых рукавиц и такого же мехового летного шлема. Просто на Новой Земле как на Новой Земле! Чтобы убедиться в том, что обстановка далека от критической, заглянем в одну из палаток, где собралось большинство населения мыса Визе.

Стоит поднять брезент у входа, как в лицо вам ударит блаженное тепло, столь ценимое полярниками. В полутьме видно, что печь посреди палатки раскалена докрасна. Пространство, примыкающее к ней, занято вперемешку сырыми поленьями, а также портянками и рукавицами. Привыкнув к сумраку, можно различить слева от входа нагромождение опустевших продовольственных ящиков, но известно, что среди них можно отыскать также чьи-то сапоги и ватники. Дальше стоит койка, на которой, укрывшись курткой и выставив каблуки, лежит

Градусов. Судя по позе, он уверен, что в Арктике от жары еще никто не пострадал. В торце палатки вблизи койки стоит обычный раскладной дачный столик, на котором красуется стопка свежевывмытых эмалированных мисок. За ним, расположившись на вьючном ящике вместо кресла, устроился автор этих строк, заполняющий дневник при свете свечи, как и предводитель местных геологов, напряженно рассматривающий карту в поисках предстоящих открытий. Время от времени он отвлекает беседующих вопросами типа: «У тебя на 55-й точке менделеевская?» и тому подобными замечаниями. При свете другой свечки Соболевская и Платонов перебирают крупку, причем Женя делится со своей напарницей соображениями доверительного характера:

— Мне начальником экспедиции быть нельзя. Начну за порядок бороться, дров наломаю, все останется как прежде.

Эту теплую компанию дополняет пес-дезертир, которого в палатку никто не приглашал. Однако с каждым днем он все дальше и дальше проникает в глубь нашей кают-компании, умильно поглядывая на людей и постепенно приучая их к своему присутствию, с чем они, за редким исключением, похоже, готовы смириться. В описываемые дни пес дипломатично оставляет снаружи лишь кончик хвоста, что вызывает реакцию Риммы Федоровны:

— Куда лезешь, мерзкая собака!

Псина в ответ смещается на два-три сантиметра, а Женя Платонов задается вопросом:

— А нельзя ли его перевоспитать?

Как писали в старинных романах — молчание было ему ответом. Преданно заглядывая в глаза всем и каждому, пес (сметлив, шельма!) остается там же, где был. В обществе отсутствует лишь Поляков: в уединении соседней палатки

он погрузился в чтение «Жизни и судьбы» В. Гроссмана, в особо сильных местах выражая свое восхищение такими междометиями, которые, проникая через возмущенную атмосферу между палатками, все же достигают ушей Риммы Федоровны, вызывая ответную реакцию:

— Леша! Но это же совсем не литературно!

Постепенно мурлыканье приемника и тепло от печки на фоне непогоды создают особый эффект, когда ощущение своеобразного (весьма своеобразного!) экспедиционного уюта сменяется желанием предаться сну. Участники вечерних посиделок где-то на краю света в одиночестве разбредаются по спальным ломам в своих палатках, оставляя Ильина наедине со своими руководящими думами.

Созерцание окружающего пейзажа на пути к палатке почему-то возвращает меня в столицу. Подавляющее большинство (так мне порой кажется) моих знакомых вполне серьезно подозревают нас в том, что, отправляясь в экспедицию, мы просто смываемся от своих благоверных, чтобы на лоне природы как следует выпить и закусить, а то и предаться иным утехам! Увы, в нашем положении с тем и другим дела обстоят одинаково, и, значит, жизнь (с их точки зрения обитателей столиц) обесценивается, или в лучшем случае указанные недостатки компенсируются заработком. Чтобы не вызывать у подобных оппонентов чувства неполноценности, приходится соглашаться... Правда, созерцание окружающего пейзажа заставляет вспомнить совет одного мудрого англичанина:

...О жертвы жизни городской,
Оглохшие от мелкой дребедени,
Задумайтесь под мерный шум морской,
Пока сирен не различите пеня!

Нет, не задумаются... Впрочем, как написано в одной умной книге: каждому свое.

«11.09.88. С утра тишина, стихает волнение. Улучшается видимость. Берег завален морской капустой и округлыми обломками льда. В эфире нас не слышат, но мы перехватили переговоры отряда Матвеева, откуда поняли, что к ночи судно подойдет к нам. Всеобщий энтузиазм, Ильин даже запел, начались всеобщие сборы... Из-за непогоды мы не видели звезд, несмотря на то, что сумерки уже набирали силу. Какое удовольствие ходить по лагерю налегке, не увертываясь от ударов ветра с пронизывающей моросью».

Судно пришло только спустя сутки. Волнение не затихало, и каждый рейс дюральки давался ценой тяжелых мучений. Женя умело лавировал, обрабатывая каждую волну, и за четыре рейса мы эвакуировали лагерь и перебрались на судно. Очередное блаженство высушить мокрую робу и принять горячий душ. При виде свежего хлеба, яблок и даже арбуза мы забыли о недавних мытарствах. Просто спать в сухой койке в каюте без иллюминаторов и без промозглой мороси с порывами ледящего ветра — уже комфорт.

На следующий день высадили Соболевскую и Градусова в бухте Чухновского, немного восточнее Русской Гавани. Сюда в 1957—1959 годах мы за пару часов добирались пешком с нашей экспедиционной базы. Я снова ощущаю прикосновение к своему новоземельскому прошлому, «когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли», хотя и не только чушь. Снова вижу горы Веселые, засыпанные снегом, и характерный профиль горы Верблюды на севере полуострова Шмидта. От нашей якорной стоянки до базы экспедиции МГГ всего пять-шесть километров. Стоит тишина, отчетливо слышен перестук движка оттуда, из Русской Гавани. Лютой

завистью завидую Римме Федоровне и Градусову, которым через несколько дней предстоит туда выходить.

В ночном переходе еще раз отснял ледники Рыкачева и Карбасникова. Тут уж не до сна, лови момент. Определенно моя работа не укладывается в рамки порядка, как его понимает Женя. Мне бы не хотелось будить его ночами, к счастью, мы живем в разных каютах. С рассветом — суровый зимний пейзаж заснеженного побережья, совсем иная картина, чем две недели назад. Серое море лишь усиливает впечатление суровости. Обстановка и ее восприятие почти по Стивенсону:

С ночи норд-вест поднялся и нас под утро загнал
В залив, где кипят буруны между клыками скал...

Сам залив Иностранцева так велик, что ветер на его акватории успевает развести порядочную волну, а небольших бухт для отстоя в его пределах нет. Кое-как стали на якорь вблизи мыса Пинегина. Дождался, пока судно развернется по ветру, и в пять утра локатором отснял ледники Павлова и Иностранцева.

Стоит повозиться, потому что поведение этих ледников не вполне обычное. Баренц и норвежские промысловики не показали на своих картах какого-либо залива, тогда как, по Самойловичу, в 1926 году ледники заполняли его целиком. Сам залив обнаружил в 1913 году Седов, который дал все местные топонимы. На своей карте он показал, что ледники Павлова и Иностранцева контактируют своими концами. Наконец, в 1952 году на карте снова показан залив, причем, судя по съемкам Кураева, в 1933 году ледник Иностранцева отступил на восемь километров, самое значительное

отступление у ледников Новой Земли в XX веке. Из соседних ледников у нас остался необследованным только Карбасникова, а жаль... В этой части Новой Земли вырисовывается скопление ледников с подвижками, нечто подобное знакомо мне по Шпицбергену, но объяснения этому феномену пока не вижу. Тем более ситуация интереснейшая, что в 1933 году топограф Кураев со своим отрядом на горе Страха «попал на ползучий ледник. На глазах образовывались трещины, шум, грохот. Испугавшаяся коллектор А.А. Куштысева боялась даже идти, пришлось ее нести на веревках, перепрыгивая через трещины». Не представляя самого явления, эти люди описали все признаки подвижки, развивавшейся у них буквально под ногами. Не вписываясь в привычные схемы, подобные случаи здорово осложнили мне подсчеты изменений ледников размеров Новой Земли, зато одновременно объяснили возникновение необычных топонимов.

Работа на берегах залива Иностранцева проходила так. Высадились, как обычно, вчетвером. Вытащили дюралку подальше на берег, мы с Женей пошли на юг, Ильин с верным Лёхой — на запад. Температура примерно -3° , дует сильный ветер. С моря то и дело заряд за зарядом, очень неустойчивая погода. Иногда кусок неба пронзительной синевы, за заливом то и дело пятна золотистого солнечного света, играет невидимое солнышко. Приходит очередной заряд, выключает игру солнечного света, дальняя перспектива меркнет, несутся косые струи снежных хлопьев, обильно наливая на нашу робу. Изредка открывается нечеткая панорама с огромной скатертью ледника Павлова на противоположном берегу и массой плоских, похожих на столовые, айсбергов на переднем плане. Из серого облачного месива тут и там временами возникают дальние вершины и гребни,

чтобы через минуту скрыться среди промозглого тумана. Выпавший снег ужасно усложняет работу, приходится «копытить» (новое словечко — по аналогии с добычей корма оленями зимой), извлекая образцы из-под снега. Он лишил нас восприятия цветовой гаммы пород, которая обычно помогает геологу в маршруте. Добывать мелкие раковины и их обломки из-под снега замерзшими пальцами — сплошная мука. На обеденный перекус остановились в ледяном гроте, за шумом примуса прислушиваясь к лихому посвисту ветра, наблюдая, как у входа проносятся снежные вихри. Определенно, короткое арктическое лето закончилось.

Во второй половине дня начался густой снегопад уже без просветов, временами с полной потерей видимости, только-только сориентироваться по береговой черте. Заснеженная приморская равнина в разрывах тумана выглядит печальной и умиротворенной. Маршрут, конечно, каторжный — всего 15 километров за 9 часов, но дело мы сделали: можно возвращаться на судно. Волнение у берега нас не пугает. На бревнах-катках (благо плавника хватает) скатываем, выбрав момент относительного затишья, нашу посудину в море. Первыми в нее прыгаем мы с Алексеем и, упираясь шестью, удерживаем нос навстречу волне. Остальные, пропустив очередной гребень, проталкивают корму вперед и, возможно из последних сил, седают непослушную дюральку, отплясывающую на волнах помесь шейка с твистом. Дальше выдерживаем нос навстречу волне, пока не заведется мотор. И вперед к судну, в теплую каюту. Однако прежде предстоит помучиться на обледеневшей палубе, вирая дюральку на отведенное ей место.

На следующее утро (на календаре 15 сентября) без приключений высаживаемся на низкую, заваленную ледяными

обломками галечниковую косу у восточного борта ледника Чаева. Только этот ледник, да невысокие горы в основании полуострова Шмидта отделяют теперь меня от Русской Гавани. Одинокая палатка на кромке заснеженной суши и моря, забитого айсбергами. Леха, оглядевшись вокруг, очень к месту пропел: «Куда вас, сударь, к черту, занесло, неужто вам покой не по карману?» Пожалуй, самый ледниковый лагерь из всех в этом сезоне. Синевато-зеленые фронтальные обрывы едва не нависают над палаткой, зеленые туши айсбергов заполняют залив, а валы окатанных морем округлых ледяных обломков завалили прибрежную гальку. На белом снегу начала зимы ложатся синие тени и багряный отблеск низкого солнца.

Не перестаю удивляться способности людей вжиться в самый неприспособленный для жизни ландшафт. После высадки тут же нашли пресную воду и плавник, поставили палатку с печкой, разобрали наше экспедиционное добро, приготовили ужин, и вот уже блаженствуем в спальниках, предаваясь воспоминаниям под равномерные вздохи наката и приятное потрескивание печки в местах, которые нормальному человеку не приснятся и в самых страшных снах. Спальник прогревается собственным теплом минут пятнадцать, прежде чем усталость возьмет свое и начнешь погружаться в блаженную дремоту, оставляя за пределами палатки все заботы и печали.

Утром по легкому морозцу начали с Женей подъем по правому борту ледника Чаева, поверхность которого оказалась хуже, чем мы ожидали. Полно снега, порой до полуметра. Каким-то образом Платонову удалось нащупать оленийскую свиту. Разумеется, эти наблюдения предстоит сбивать с теми, что получит Ильин. Чем выше, тем пейзаж все более

зимний. Сверху отчетливо вижу знакомые места вплоть до гор Бастионы и Дальние, включая полуостров Литке. Совсем рядом, за ледником, горы ЦАГИ, хотя выходить к ним по такому снегу будет непросто. От увиденного в груди шевелится что-то теплое и слегка щемит сердце.

На следующий день Ильин с Платоновым ушли в совместный маршрут «сбивать» свои наблюдения. Собственное задание получил Поляков, а я остался камеральщик, поскольку пора было поразмыслить над полученными результатами. Пожалуй, в моем распоряжении впервые оказался такой длинный ряд наблюдений за изменениями ледников с 1913 по 1988 год, и, определенно, им требовалось распорядиться достойным образом. По результатам довольно короткого полевого сезона, похоже, стало возможно судить с позиций планетарного процесса, благо имеются и сведения, например, об изменениях вращения нашей скромной планеты...

Возвращается Поляков и делится впечатлениями. Разбивая лед, буквально на последних остатках воды он как-то ухитрился мыть шлихи. Долго отогревал у печки опухшие красные руки и в тысячный раз клялся завязать, не делать глупостей, не искушать судьбу, покончить с ненужной героикой и вшивой романтикой, причем с подкупающей искренностью. В разгар его выступления вернулись оба маршрутника и с сочувствием внимают пылкому выступлению своего коллеги, временами поддакивая теми же соображениями и такими же намерениями воплощения в жизнь, причем не в первый и не последний раз. Удачи вам, ребята, в этих благих намерениях, только вот как вам это удастся... Между тем конец полевого сезона вырисовывается вполне отчетливо. Из нашего ледового лагеря мы

с Платоновым успели посетить левый борт ледника Рыкачева, где я провел очередной контроль своей радиолокационной привязки фронта этого ледника. Из впечатлений — много солнца и злого ветра, от которого ломит лицо, следы песка и медведя, глубокий снег сделал пятнадцатикилометровый маршрут изматывающим.

19 сентября ледник Чаева и устроил нам шикарные проводы, когда его салюты следовали один за другим, и вскоре эскадры айсбергов блокировали побережье, а очертания дальнего горизонта, прежде такие прямые и четкие, стали напоминать иззубренную пилу. Целый флот новорожденных айсбергов пустился в плавание по Баренцеву морю. «Лабазирuem» лагерь, то есть, свернув его, оставляем готовым к эвакуации морем. Незадолго до полудня выходим вверх по леднику Чаева, поначалу приноравливаясь к прежним следам, дальше — по свежавыпавшему девственному снежку. Погода за нас — безветрие, солнце закрыто легкими облаками, над ледником синяя опаловая дымка. Обильно «пускаем пар» на подъемах, не жалея сил. За три часа, временами в связках, пересекли ледник Чаева в направлении к горам ЦАГИ, где для меня начинались знакомые места еще по экспедиции МГГ 1957—1959 годов. Остановились на ночевку в одной из двух узких и глубоких долин, днища которых тогда были заняты подпруженными озерами. Там, где мы решили стать на ночевку, озеро оказалось спущенным, о чем свидетельствовали многочисленных следы уровней с отдельными сохранившимися плоскими глыбами зимнего льда, и местами настоящий хаос какого-то рваного льда. Среди этого дикого ландшафта наша палатка заняла слишком скромное место, и только свет свечи и шипение примуса выдавали присутствие людей, которые скромно

отметили сорокалетие своего командира в обстановке, достойной полярного геолога.

На следующий день — маршрут по горам ЦАГИ в «мороз и солнце, день чудесный». Для меня это поход на сопровождение, собственных наблюдений немного, только фиксация очевидных изменений по сравнению с картой, составленной по аэрофотосъемке 1952 года, после которого здесь много воды утекло. Маршрут начали с западной кромки гор и, к счастью, коренные породы здесь оказались свободны от снега, возможно сдутого борой. Ничего, кроме снега и камня, даже лед редко выходит на поверхность, нет следов медведя или песка, таких обычных на побережье. Крик птицы ни разу не нарушил первозданную тишину этих мест, которая казалась еще отчетливей при вкрадчивом шорохе поземки. И хотя нельзя было себе позволить расслабиться, мысли то и дело уносились куда-то на тридцать лет назад, заставляя учащенно биться сердце.

На северном массиве сохранился гурий в качестве точки сгущения геодезической сети, сложенный мной в 1958 году. На юге отчетливо просматривался Барьер Яблонского, у подножия которого летом того же года погиб Олег Яблонский — такое не забывается. Место гибели Олега легко опознаётся по холмикам оазиса Анахорет в километрах двух севернее Барьера Яблонского. Вот такие грустные воспоминания возникают здесь много лет спустя в ситуации, написанной другим совсем по другому поводу, но вместе с тем передающей состояние души вернувшегося:

Когда я вернусь...

Ты не смейся, когда я вернусь,

Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу

По еле заметному следу — к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь —
Когда я вернусь¹.

Никто лучше автора этих строк не выразил жажду возвращения, пережитого за три десятилетия там, на Большой земле, и здесь, в Арктике, когда приходится жить в двух несовпадающих измерениях двумя разными жизнями, чтобы оставаться самим собой. Несовпадение в стихотворных строках лишь в одном: снег здесь сейчас сентябрьский, а не февральский...

На следующий день, 21 сентября, по солнечной погоде с легким морозцем мы тронулись в Русскую Гавань, пересекая ледниковую перемычку, соединяющую ледники Чаева и Шокальского севернее гор ЦАГИ. Тридцать лет назад это было одно из самых спокойных мест в округе, таким оно и осталось. По глубокому снегу мы вышли к Перевалке времен МГГ, отмеченной гурием на ближайшей морене, которого, увы, не сохранилось. Очертания окрестного рельефа все более приобретали знакомые очертания. Стоило жить прошедшие десятилетия, чтобы однажды дожидаться возвращения в места, где были прожиты, возможно, самые трудные, и все-таки самые нужные годы, чтобы стать тем, каким ты стал... У горы Ермолаева мы остановились для перекуса. Порядок есть порядок, но как раз аппетит у меня почему-то отсутствовал. Мне казалось, что под снегом сохранились следы гусениц наших тракторов, но вместо этого мы неожиданно вышли на свежие следы кого-то из отряда Матвеева, который, воссоединившись с Соболевским и Градусовым,

¹ Стихотворение А.А. Галича.

завершал свою работу согласно намеченному плану. Вот и сомкнулись наши рабочие маршруты, как и мой личный, из настоящего в прошлое. На ходу пытаюсь выяснить еще одну загадку тех далеких лет, когда в ноябре 1958 года мы чудом уцелели в бору с Севой Энгельгардтом, каким-то чудом спустившись с гор Веселых. Ни тогда я не смог отыскать подходящего места, не вижу чего-либо похожего и сейчас. Но ведь спустились каким-то образом...

К полярной станции мы прошли по кромке ледника и вот наконец между моренных холмов увидели радиомачты и знакомые постройки, за которыми с возвышенностей полуострова Горякова прямо на небосклон проектировались метеобудки и флюгера. Вот мы и дошли, и первой нас встречает девица лет шести, а память подсказывает: в те далекие времена детей здесь не было.

Через несколько десятилетий через Шпицберген и Антарктиду, через Северную Землю и Северный морской путь я вернулся туда, где начиналось мое становление полярником. Говорят, возвращаться в молодость опасно. Но я не хотел бы стать тем двадцатипятилетним, потому что совсем не уверен, что смог бы повторить то, что удалось. Какой ценой, это уже разговор для профессионалов, но, думаю, сознание пережитого за наши 26 месяцев в МГГ осталось с нами на всю жизнь. Мы сами выбрали тогда свой долг, как его понимали, и это понимание позволило нам сохранить себя в пору, когда общество, которое нас сформировало и которому мы служили, неотвратимо катилось к своему финалу.

Кто теперь вспомнит наше терпение, наш риск, наш страх и нашу боль потерь? Важнее то, что мы сделали, даже если плата за это оказалась жестокой, и не случайно

не все из нас остались на полярной службе, но это было их право... Почему-то для меня важно, что Каневский при первой возможности возвращается в Арктику, что Зингер, несмотря на почтенный возраст, продолжает командовать Шпицбергенской экспедицией. Хорошо, что есть ребята, которые видят смысл вкалывать в Арктике, не боясь показаться, мягко говоря, несовременными. Нет, не зря мы все-таки выстояли здесь в МГГ, и никто пути пройденного у нас не отберет!

В одиночестве я посетил могилу Олега Яблонского, которую, вырубив в скале, мы завалили каменными глыбами, водрузив над ней обелиск из лиственничного бревна, принесенного морем. За три десятка лет здесь ничего не изменилось, только бора истрепала фитильный темляк на ледорубе. Эта могила останется, когда никого из нас не будет в живых, и надпись на могильной плите расскажет следующим поколениям об одном из нас. Может быть, не сумев сберечь нашего товарища, мы постарались устроить его последнее прибежище, подумал я. Совсем рядом было место еще одной трагедии тех лет, где сложил свою голову Толя Афанасьев и где чудом уцелел Зинок Каневский. Все это было с нами, и на их месте мог оказаться любой из нас.

Немного осталось от нашей экспедиционной базы в бухте Володькиной. Уцелел лишь склад и строение бывшей механической. На месте жилого дома — следы пожара с грудой горелого кирпича, скелеты кроватей, проржавевшая металлическая посуда и другой мусор забвения. Неужели это были мы, совсем не последние среди наших сверстников, решившие связать свою судьбу с Арктикой? И я вдруг ощущаю, как сердце начинает глухо стучать в моей груди

и от непрошеной соленой влаги щиплет в глазах. Поднимаю голову, ветер бросает мне в лицо пригоршню мелкого острого снега, и я медленно возвращаюсь в осень 1988 года на берегах Русской Гавани.

Еще раз прощай, Русская Гавань, не поминай лихом! Затягивая расстояние, судно огибает остров Богатый, чтобы задержаться для съемки локатором фронта ледника Шокальского. Теперь можно и домой. Когда я вернусь: куда, домой, в Русскую Гавань? Трудно отпускает Новая Земля, где после многих испытаний многое удалось и напоследок не хочется упустить чего-то еще.

Луна крадется среди рваных облаков, и, как много лет назад, призрачная «дорога к счастью» лежит на ночной морской глади. В ходовой рубке спокойно и уверенно распоряжается старпом, и я слышу его голос:

— Держать двести тридцать!

— Есть держать двести тридцать, — «репетует» рулевой.

В ходовой темно, чтобы вахтенные могли лучше видеть ситуацию по курсу, и только шкалы приборов слабо подсвечены, чтобы не слепить вахту. Когда открывается дверь в рубку, свет в коридоре автоматически выключается. Занимаю свое место у локатора, и каким-то образом на смутные очертания полубака, мачты с оснасткой, временами проектирующиеся на подсвеченные луной облака, ложатся чеканные бунинские строки:

Стои со сжатыми скулами,
Как чугуны тяжелы,
Ходят жадно акулами
Под тобою валы.

Правь рукою железною:
Из-под шатких снастей
Небо высится звездное
В грозной славе своей.

Начало последнего четверостишия относится, безусловно, к старпому, а все остальное — это и про всех нас на борту «Хмельницкого». А пока я продолжаю свою работу.

— Старпом, можно поближе к берегу, прямо в залив?

— Если науке надо, то можно...

Определенно старпом мужик с понятием, но аппетит, как известно, приходит во время еды.

— Притормозиться на пяток минут, пока буду работать с локатором, можно?

— Если науке надо, то можно...

Таким образом, на завершении рейса в ночной тиши я пополнил свои наблюдения за отступанием фронтов ледников вплоть до полуострова Адмиралтейства, создав необходимый задел на будущее, чтобы связать в единой природной системе арктические архипелаги, описанные в настоящей книге. Как это было сделано — это уже другой рассказ, и, возможно, когда-нибудь я обращусь к этой теме, где

...в подлинности голой

Лежат деянья наши без прикрас

И мы должны на этой встрече с прошлым

Держать ответ...

Насколько автору удастся воплотить этот шекспировский завет, покажет будущее. Но если бы мне знать, что я пройду через все описанное в те далекие дни, когда я впервые пересекаю Полярный круг, если бы знать...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
-------------------------	---

Часть первая ПОД ЗНАМЕНАМИ МГТ

Глава 1. 1956. АРКТИЧЕСКИЙ ВЫБОР	6
Глава 2. 1957—1958. ПЕРВАЯ ЗИМОВКА В РУССКОЙ ГАВАНИ.....	34
Глава 3. 1958—1959. ВТОРАЯ ЗИМОВКА В РУССКОЙ ГАВАНИ.....	92
Глава 4. 1962. СЕВЕРОЗЕМЕЛЬСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ	165

Часть вторая НАСЛЕДИЕ А.Э. НОРДЕНШЕЛЬДА

Глава 5. ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1965.....	184
Глава 6. ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1966.....	223
Глава 7. ОПЕРАЦИЯ ШПИЦ-1967.....	252
Вместо заключения. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РУССКУЮ ГАВАНЬ.....	296

Научно-популярное издание

Морская летопись

Корякин Владислав Сергеевич

НАС ПОЗВАЛИ ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11. Тираж 1500 экз. Заказ № 2569.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Морская летопись

Эта книга рассказывает о людях с бес-
покойной душой, смелых романтиках,
более полувека назад выбравших опас-
ную и тяжелую работу в Арктике на
далеких архипелагах в морях Северного
Ледовитого океана: на Новой Земле,
Северной Земле и Шпицбергене.
Сегодня эти названия мало что говорят
жителям мегаполисов, но энтузиасты и
первопроходцы науки, как и в пятидеся-
тые годы прошлого века, стремятся на
эти суровые земли. Их манят красота и
удивительные тайны Севера, достиже-
ние которых продолжается уже не одно
столетие.

О высокой цене открытий, дружбе и
самопожертвовании, повседневных
радостях и потерях исследователей
Арктики рассказывает очередная книга
почетного полярника, доктора геогра-
фических наук Владислава Корякина.

ISBN 978-5-4444-2732-3

9 785444 427323

